

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

**СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
СИБИРСКОГО ГОРОДА
(XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

НОВОСИБИРСК
Параллель
2007

ББК 1

Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI вв.) Новосибирск: Параллель 2007. 184 с.
ISBN 978-5-98901-023-3

В сборнике раскрываются ключевые проблемы и задачи исследования повседневной жизни городского населения, отражены основные тенденции и особенности формирования быта и досуга сибиряков в ходе освоения восточных регионов России, проанализированы современные проблемы социальной работы и ее общественное значение.

Сборник адресован специалистам, учащимся, всем интересующимся историей Сибири.

Утверждено к печати

**Ученым советом Института истории СО РАН и Советом
Института молодежной политики и социальной работы НГПУ**

Р е ц е н з е н т ы

д-р истор. наук *В.А. Исупов*
д-р истор. наук *А.А. Николаев*
канд. пед. наук *В.С. Пель*

Редакционная коллегия

д-р истор. наук *С.С. Букин (отв. редактор)*,
д-р истор. наук *В.И. Исаев*,
канд. истор. наук *А.И. Тимошенко*

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Повседневная жизнь населения сибирского города: советский опыт и современные проблемы», № 06-01-00330а.

Без объявления

© Коллектив авторов, 2007

© Институт истории СО РАН, 2007

ISBN 978-5-98901-023-3

С.С.Букин, В.И.Исаев.

**ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

На современном этапе изучения истории Сибири перед исследователями стоит актуальная задача поиска новых возможностей отображения исторического процесса. Перспективным в этом плане представляется освоение и развитие новейших достижений западной историографии, в которой одним из новых способов представления исторического процесса стало исследование повседневной жизнедеятельности человека. В предлагаемой статье предпринимается попытка представить основные тенденции развития зарубежной и отечественной историографии повседневности, а также те методологические подходы, которые целесообразно использовать при изучении повседневной жизни городского населения Сибири в условиях перехода от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу.

Социально-экономические преобразования, в результате которых в течение XX в. произошло превращение Сибири из аграрной окраины страны в индустриально развитый регион, в предшествующей историографии рассматривались в основном в плане количественных изменений: строительство промышленных предприятий и рост объемов производства, прирост населения, повышение удельного веса городского населения и т.п. В настоящее время накопленная историография этих количественных изменений служит хорошей основой для рассмотрения процесса модернизации Сибири.

Между тем, модернизация – это процесс не только количественных, но и качественных изменений. В том числе, большое значение имеют изменения в качественных характеристиках самого действующего субъекта истории – человека.

Освоение региона – это сложный социально-экономический процесс формирования и развития материального производства, заселения и обживания территории, ее комплексного преобразования в интересах людей. Необходимо подчеркнуть, что экономические, демографические и социально-культурные аспекты данного процес-

са тесно взаимосвязаны. Их сбалансированное развитие и рациональное сочетание призваны обеспечить подлинный прогресс региона.

Применительно к Сибири особое значение имеет преодоление исторически сложившейся диспропорции в масштабах и темпах роста материального производства и социально-бытовой инфраструктуры. Опыт сибирской истории в советский период и постсоветские годы убеждает в том, что создание здесь благоприятных условий для плодотворного труда и полноценной жизни людей можно характеризовать как главный вопрос, от решения которого зависит освоение сибирского края. Следовательно, ускоренное развитие социально-бытовой сферы – важнейшая предпосылка роста экономики региона. Преодоление отставания населения Сибири по совокупности показателей жизненного уровня от жителей европейской части страны необходимо для рационального размещения производительных сил, сокращения диспропорции между огромными природными богатствами районов нового освоения и имеющим здесь место острым дефицитом трудовых ресурсов, проведения активной демографической политики.

При рассмотрении исходных принципов, способствующих разработке методов и определению основных направлений изучения социально-бытовой сферы, важно учитывать, что ее развитие непосредственно зависит от роста производства материальных благ. Материальное благо – это продукт труда, обладающий свойством удовлетворять жизненные потребности людей. Наряду с материальными благами, выступающими в конкретной вещественной форме, в обществе производятся и потребляются услуги.

В целом социально-бытовая сфера представляет собой совокупность предприятий и организаций, предоставляющих предметы потребления и оказывающих услуги населению, непосредственно формирующих его материально-бытовые условия жизни. Необходимо подчеркнуть, что интегративной характеристикой развития социально-бытовой сферы являются достигнутый уровень повседневной жизни, степень удовлетворения жизненных потребностей людей.

Социально-бытовые проблемы, с одной стороны, взаимосвязаны между собой, а с другой – обладают относительной автономией. Рост реальных доходов вызывает изменения в величине и структуре

потребления материальных благ. Качество продовольствия и рацион питания отражаются на здоровье населения. Вместе с тем жилищное строительство не может компенсировать нехватку детских учреждений, развитие бытового обслуживания – недостаток продуктов питания, улучшение обеспечения непродовольственными товарами – отставание здравоохранения. Поэтому необходим комплексный подход к решению социально-бытовых проблем. Только при таком подходе социально-бытовое развитие приобретает характер подлинного прогресса, в полной мере способствует росту производительных сил и раскрытию творческих возможностей человека. В данной связи очевидна важность комплексного исторического изучения социально-бытовой сферы и ее влияния на повседневную жизнь населения.

При исследовании данной тематики целесообразно не ограничиваться характеристикой условий жизни населения, а показать его жизнедеятельность, связанную с удовлетворением потребностей. Представляется недостаточным широко распространенный «статистический» подход в изучении социально-бытовой сферы, при котором основное внимание уделяется обеспеченности населения теми или иными жизненными благами. Например, число врачей и больничных коек в расчете на 10 тыс. жителей не дает возможности объективно судить об уровне медицинского обслуживания. Здесь необходимо проанализировать деятельность учреждений здравоохранения и его социальную эффективность, которую отражают показатели заболеваемости и смертности.

Таким образом, изучение истории повседневности городского населения Сибири связано с углубленным исследованием проблем существования отдельного человека в истории. При этом большее внимание предстоит уделить вопросам обыденного сознания и повседневной морали, обычаям и традициям, в целом характеристикам образа жизни отдельного человека, социальной группы. В частности, необходимо особо рассмотреть такие изменения в повседневной жизни людей, которые свидетельствуют о переходе от традиционно-аграрного к индустриально-городскому обществу.

Историография повседневности в зарубежной литературе в настоящее время является довольно обширной областью. В данном случае мы на основе анализа отдельных интересных публикаций известных зарубежных специалистов по истории России попробуем

выделить некоторые общие характеристики, позволяющие наметить направления работы при изучении истории повседневности городского населения Сибири. Разумеется, каждый из упоминаемых в статье авторов имеет свой подход, рассматривает только какие-то отдельные аспекты повседневности. Поэтому в обзоре затрагиваются публикации, посвященные самым разным темам, но всех их объединяет внимание к жизнедеятельности обычного человека.

Прежде всего, необходимо предварительно выявить понимание предмета исследования при изучении истории повседневности. Несмотря на то, что в общей форме он как бы определяется самим названием данного научного направления, каждый автор понимает под повседневностью нечто свое, до сих пор продолжают дискуссии о границах и сущности истории повседневности как научного направления.

Для того, чтобы понять особенности предмета исследования при изучении истории повседневности, логично обратиться к истокам нового направления, в частности, к методологическим принципам французской школы Анналов. Важно отметить, например, что Фернан Бродель в своих работах сосредоточил внимание на изучении долговременных внутренних структур исторического процесса, составляющих каркас повседневного существования народных масс¹. Таким образом, Бродель показывает пример перехода к качественно новому описанию исторического процесса, при котором в центре внимания оказывается не привычный для традиционной истории событийно-хронологический ряд, а характеристика основных форм человеческой жизнедеятельности в меняющихся исторических условиях.

Новейшие тенденции в мировой и отечественной историографии связаны именно с усилением внимания к «человеческому фактору». Проблемы ментальной истории, способы восприятия и освоения людьми окружающего мира, их общения и взаимодействия, формы и содержание повседневной деятельности занимают сегодня все большее место в работах историков. Историческая социология и антропология, социокультурная история, микроистория – эти и другие современные направления и подходы характеризуют усиление внимания исследователей к изменениям, происходившим на уровне человеческой личности.

Углубление в исторический процесс до конкретных аспектов существования отдельной личности потребовало от историков применения новых методов и подходов с целью так называемого «плотного описания» (термин К. Гиртца) исследуемой ситуации². В частности, появление микроисторического подхода, одного из активно обсуждаемых сейчас историками, стало логичным ответом на потребность в детальном изучении жизненного мира человека. Это вовсе не означает, что снимается с повестки дня традиционная для историков задача – воссоздание исторического процесса в его целостности. При этом важно отметить, что и применение нового подхода предполагает постановку вопросов, возникающих все же на уровне «большой истории». Иными словами, исследование, выполненное в русле микроистории, без необходимого перехода к широким историческим обобщениям, рискует остаться лишь собранием любопытных казусов.

В связи с повышением внимания к человеческому фактору в истории российским историкам, как нам кажется, стоит вспомнить о дискуссиях вокруг категории «образ жизни», развернувшихся в нашей историко-социологической литературе на рубеже 1970-х – 1980-х гг. Тогда в попытках найти адекватные подходы и аппарат исследования при изучении деятельности человека многие ученые попытались пополнить арсенал советского обществоведения понятием «образ жизни». После продолжительных дебатов об определении данной категории выявилось два подхода. Первый трактовал образ жизни как характеристику общества в целом, в результате такого подхода по существу возникал лишь новый синоним известной категории «общественно-экономическая формация»³. При другом подходе подчеркивалась важность концентрации внимания исследователей на типичных формах жизнедеятельности отдельного человека или социальной группы. Однако при этом возникала опасность отрыва самой жизнедеятельности от условий ее осуществления, определяющих ее факторов. В конце концов, была сделана попытка синтеза этих подходов, при котором образ жизни определялся как совокупность типичных форм жизнедеятельности людей, взятых в единстве с условиями, в которых они осуществляются⁴.

Думается, что именно к такому пониманию категории «образ жизни» стоит вновь обратиться при изучении истории повседневности, так как оно позволит приблизиться к изучению долговремен-

ных основ человеческого бытия. В исследованиях повседневности применение категории «образ жизни» представляется методологически перспективным и плодотворным. При подобном изучении повседневности становятся узкими рамки традиционного для исторических работ подхода, когда развитие социальных процессов показывается в основном через деятельность государства, отдельных органов власти, тех или иных организаций, учреждений. В исследовании же истории повседневности возникает необходимость поставить в центр внимания самого человека.

В связи с тем, что хронологические рамки исследования повседневности городов Сибири предполагается ограничить XX веком и началом XXI столетия, стоит отметить, что применение категории «образ жизни» в этом случае представляется особенно необходимым и продуктивным. Специфика повседневного существования человека в индустриально-урбанистическом обществе заключается в том, что, несмотря на детерминированность многих форм его жизнедеятельности со стороны социума, здесь значительно возрастает значение субъективных факторов, в том числе индивидуальной, частной жизни. Кроме того, подход к исследованию истории повседневности с использованием категории «образ жизни» позволит рассмотреть социальные процессы с другой, нетрадиционной для историков стороны, выделив в качестве субъекта деятельности самого человека. Безусловно, в деятельности отдельной личности интересны, прежде всего, типичные черты образа жизни определенной социальной группы, класса, общества в целом.

В образе жизни человека можно вычленить структурные компоненты или подсистемы: прежде всего, выделяются деятельность в сфере производства и общественно-политическая. Ряд авторов отмечают также деятельность в сфере культуры, другие считают, что таковая деятельность (за исключением профессионально и институционально организованной) имманентно вплетена во все другие виды деятельности. С последним утверждением трудно не согласиться. И, наконец, рассматривается бытовая жизнедеятельность, под которой понимается совокупность всех форм деятельности, осуществляемых в сфере быта. Таким образом, характеристика всех этих компонентов в совокупности позволит произвести описание повседневной жизни человека в определенный исторический период.

Рассматривая зарубежную историографию повседневности, следует особо отметить, что в общем потоке литературы данного направления большое место как раз занимают проблемы изменений в жизнедеятельности людей в процессе становления индустриального общества.

Трансформация общества в условиях процессе перехода от традиционно-аграрного к индустриальному обществу представляет собой вообще одну из наиболее интереснейших проблем мировой истории. К сожалению, в российской исторической науке рассмотрение этой темы оказалось по существу заблокированным по идеологическим причинам. Господствовал подход, при котором история России в XX в. рассматривалась только в рамках перехода от капитализма к социализму. Само понятие индустриального общества в Советском Союзе было объявлено ложным, придуманным буржуазными учеными для прикрытия эксплуататорской сути капитализма и представления его в качестве высшей стадии прогресса.

Когда же упали шоры идеологии, российские историки обнаружили, что общие тенденции перехода от традиционно-аграрного к индустриальному обществу действительно наблюдаются в истории большинства стран Европы, в том числе и в истории России. При этом, разумеется, каждая страна совершает такой переход свойственными ей способами, имея свою специфику по срокам и результатам.

Очевидно, что становление индустриального общества в России после установления советской власти имело выраженную специфику, связанную с усилиями государства построить совершенное общество – социализм. Вместе с тем сейчас представляется необходимым и актуальным вернуться к обсуждению тезиса У. Ростоу, выдвинутого им в знаменитом «Некоммунистическом манифесте»: «С точки зрения общего характера и фактов развития Россия не отходит от общего образца, хотя подобно всем другим странам обладает своеобразными чертами»⁵.

Изменения, происходившие в повседневной жизни городского населения по мере становления индустриального общества, стали предметом рассмотрения во многих работах зарубежных ученых. Попытаемся отметить основные закономерности формирования нового образа жизни в процессе перехода к индустриальному обществу, выделенные в западной историографии. Это даст возможность

представить в общих чертах типичную картину изменений в жизнедеятельности городского населения в результате такого перехода. На фоне подобной обобщающей картины станут более отчетливо видны и понятны вопросы и задачи, возникающие при исследовании повседневной жизни городского населения Сибири в ходе индустриализации и урбанизации региона в XX веке, а также в условиях рыночных преобразований в постсоветскую эпоху.

Классическую модель перехода от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому дает нам история Англии – страны, игравшей длительное время роль неформального лидера индустриальной цивилизации. Сопоставление этой классической модели с нетрадиционным путем России к индустриальному обществу предпринял в своем исследовании немецкий историк Р. Кесслер⁶. Интересно, что идея такого сопоставления возникла у него в ходе изучения особенностей экономического и социального развития России.⁷

Р. Кесслер поставил задачу показать изменения образа жизни, культуры и быта рабочего класса в процессе формирования индустриального общества. При этом он обращает внимание на то, что область внепроизводственной жизни рабочих оставалась слабо изученной, так как внимание исследователей традиционно концентрировалось на сфере производства. Обычно рассматривались отношения между капиталистами и рабочими, изменения процесса производства, отношение к труду рабочих. Между тем, по мнению Р. Кесслера, область повседневной жизни рабочих как в теоретическом, так и в эмпирическом плане заслуживает большего внимания и до сих пор остается *terra incognita*⁸.

Р. Кесслер показывает, что под влиянием требований промышленного производства изменяется образ жизни рабочих, их привычки, менталитет. Причем это происходит как в капиталистической Англии, так и в социалистической России. Так, например, дисциплина и ритм промышленного производства предъявляют совершенно иные требования к организации быта и свободного времени рабочих по сравнению с деревенским образом жизни.

Выводы Р. Кесслера заключаются в том, что даже при отсутствии капиталистов формирование в процессе индустриализации в советской России нового образа жизни рабочих во многих отдельных чертах и в целом по своей сути и содержанию совпадает с происхо-

дившим ранее в капиталистической Англии становлением индустриально-урбанистического образа жизни.

Следует при этом подчеркнуть, что в западной литературе отнюдь не отрицаются существенные отличия процесса индустриализации в России. Более того, на этих отличиях концентрируется внимание, показываются преимущества и издержки такого пути. Развитие России при этом часто определяется как ускоренная модернизация общества, так называемое «догоняющее» развитие, сопровождавшееся социалистической идеологией. Однако, даже учитывая постановку такой цели перед обществом как строительство социализма, использование некапиталистических средств для модернизации общества, многие исследователи приходят к выводу, что результатом всех изменений стало утверждение в России, пусть и в искаженном виде, но все того же, что и на Западе, индустриально-урбанистического общества.⁹

Заметим, что в последнее время данная проблема активно обсуждается и российскими историками. В этой связи представляется оригинальной, но все же достаточно спорной концепция А.С. Ахиезера, согласно которой наша страна является промежуточной цивилизацией и все процессы в ней лишь внешне напоминают подобные процессы в других странах. А.С. Ахиезер утверждает, что в России не существовало капитализма, а был псевдокапитализм, процесс роста городов и населения в них на самом деле являлся псевдоурбанизацией и т.д.¹⁰ Примерно такие же утверждения, хотя и в более мягкой форме, встречаются и в интересной работе известного социолога и демографа А.Г. Вишневского¹¹. Насколько подобный взгляд на российскую историю является правомерным, помогут, в частности, разобраться исследования повседневной жизни городского населения.

В новейшей европейской историографии изучение повседневной жизни обычного, так называемого «маленького человека» стало популярным примерно с середины XX в., прежде всего, в левых кругах интеллигенции, связанных с профсоюзным движением. Пионерами движения по изучению повседневной жизни простых людей стали английские *history workshop* (исторические мастерские), в которых объединялись как профессионалы-историки, так и любители, ставившие цель сохранить для истории описание жизни своих современников.

Популярность этого движения набирала силу, возникали подобные объединения в Германии, Австрии, Швейцарии, активно создавались и работали они также в Швеции, затем Канаде и США¹². Очень показателен девиз, под которым развивалось данное движение: «Копай, где стоишь!». Это ориентировало исследователей на более тщательное изучение местной локальной истории. Похожие задачи пытались ставить и решать также возникшее несколько позднее направление oral history (устной истории).

Возникновение нового научного направления – истории повседневной жизни обычных людей – сопровождалось большой методологической работой, бурными дискуссиями о его необходимости и правомерности. К настоящему времени важность этого направления является общепризнанной, имеются оформившиеся научные школы, издаются специальные журналы, проводятся научные симпозиумы по данной тематике¹³.

В зарубежной литературе, посвященной истории советской России, традиционно видное место занимало изучение повседневной жизни городского населения. При этом в центре внимания исследователей чаще всего оказывались проблемы истории рабочего класса как социальной группы, игравшей ведущую роль в процессе индустриализации и урбанизации. В силу своего положения в обществе, а также значения в идеологической борьбе между Востоком и Западом российский рабочий класс всегда находился под пристальным вниманием советологии. Литература такого рода в советское время служила объектом огульного отрицания, упоминалась только с целью обвинений в фальсификации или просто игнорировалась историками. Однако сегодня мы можем оценить по достоинству оригинальность подходов и меткость многих наблюдений специалистов по истории советского общества, не забывая при этом об издержках, возможных пережестотах, связанных с ожесточенностью холодной войны против коммунизма.

Среди основных проблем западной историографии повседневной жизни людей в советском обществе следует назвать жизненный уровень населения. Правда, зачастую материальное положение городского населения России рассматривалось в работах западных исследователей слишком в общих чертах, для детального изучения проблемы им явно не хватало фактической основы.¹⁴

Так, известный немецкий специалист по российской истории Х. Шредер, рассматривая формирование партийно-бюрократического государства, попытался дать обобщающие характеристики материального положения населения в СССР¹⁵. Он показывает, что в тех условиях, когда государство становится бюрократическим монстром, подавляющим общество и отдельного индивида, материальное благосостояние населения оказывается глубоко пренебрегаемой областью. Низкий уровень жизни простых людей при этом сопровождается предоставлением самых разнообразных привилегий представителям правящей бюрократии.

В трудах обобщающего плана по истории советской России повседневной жизни городского населения в последнее время также уделяется определенное место. Например, довольно подробный анализ положения городского населения и особенно рабочего класса в условиях сталинской форсированной индустриализации дан в капитальном труде – «Словаре по истории России», подготовленном коллективом ведущих немецких специалистов по истории нашей страны. Интересно, что впервые в Словаре выделяется специальная глава о процессе формирования «нового человека», в которой рассмотрены изменения быта и культуры, образа жизни советских людей¹⁶.

Проблемами уровня жизни городского населения в советской России основательно занимаются немецкие историки Г. Майер и У. Вайсенбургер¹⁷. На их работы и выводы ссылаются большинство немецких исследователей истории советской России, изучающих жизнь людей в условиях сталинской диктатуры. Материальные трудности и лишения рабочих и служащих, которые показывает достаточно подробно У. Вайсенбургер, заставляют задуматься о той цене, которую заплатил наш народ за ускоренную индустриализацию России. Важно отметить, что Г. Майер наряду с материальными проблемами быта рассматривает и формы внепроизводственной жизнедеятельности рабочих, изменения в привычках и традициях.

Очень интересную книгу о культурной жизни рабочих в советской России написала немецкая исследовательница Г. Горцка¹⁸. Она поставила перед собой задачу всестороннего изучения повседневной жизни рабочих и влияния на нее рабочих клубов как центров политического, культурного и дружеского общения. Солидную теоретическую проработку проблем исследования повседневной жизни

городского населения содержит введение к книге. К сожалению, многие характеристики повседневной жизни рабочих, которые предлагает Г. Горцка, недостаточно убедительны из-за слабости фактической базы. На наш взгляд, переоценивает она и степень формирования в 1920-х годах особой рабочей культуры, организуя центром которой, по ее мнению, стали клубы. Правда, в заключении автор приходит к более осторожному выводу, что тенденции 1920-х годов были затем прерваны удушающими тисками сталинизма. В целом подход немецкой исследовательницы, при котором она старается показать не только саму деятельность клубов, но и охватить те изменения, которые происходили в повседневной жизни рабочих под влиянием такой деятельности, безусловно, заслуживает одобрения и развития.

Длительное время для западной историографии был характерен подход к истории советской России в русле теории тоталитаризма, что предполагало концентрацию внимания на проблемах истории коммунистической диктатуры. Неудовлетворенность таким подходом, пренебрегавшим анализом внутренних оснований режима, описанием социальной структуры и положения людей, заставила ряд историков разрабатывать другие подходы и новые темы в исследованиях истории России в XX в. Объемный взгляд на советское общество свойствен так называемой ревизионистской школе западной историографии. В частности, среди американских историков наиболее интересными представителями этой школы можно назвать Ш. Фитцпатрик, Х. Куромия, С. Коэна, Р. Стайтса.

В своих работах Ш. Фитцпатрик удалось показать, что высокая социальная мобильность в советском обществе, как и усилия по развитию культуры населения обеспечивали сталинскому режиму необходимую поддержку снизу. Особенный интерес в плане исследования повседневной жизни городского населения представляет относительно недавно вышедшая книга Ш. Фитцпатрик, название которой говорит само за себя: «Повседневность при сталинизме. Обычная жизнь в необычное время»¹⁹. В ней автор показывает, что многие негативные черты повседневной жизни людей, на первый взгляд не связанные с политикой, на самом деле были детерминированы тоталитарной природой сталинского режима.

Известный исследователь истории российского общества Х. Куромия делает вывод, что сталинский режим по существу использовал

рабочий класс России для достижения своих главных целей: насильственной коллективизации крестьян и проведения форсированной индустриализации. В книге американского историка показано, что сталинский режим не щадил рабочий класс, лицемерно называя его гегемоном советского общества, но при этом обрекая на материальные лишения.²⁰

Много и плодотворно работает в области изучения повседневной жизни городского населения в советской России Ричард Стайтс. Очень интересен его подход, позволяющий охватить единым взглядом все те изменения повседневного существования человека, которые происходили в советской России под лозунгом создания принципиально нового мира. На самом деле, как утверждает Р. Стайтс, они были попытками воплощения утопии, которые не могли не разбиться о реальности жизни.

В своих работах Р. Стайтс рассматривает революционные эксперименты в градостроительстве, организации повседневной жизни городского населения, в том числе бытовые коммуны, эксперименты со временем, внедрение новых ритуалов и обычаев. Вывод исследователя категоричен и однозначен: искусственный характер нововведений обусловил неудачу с созданием нового человека в России.

Проблемы повседневной жизни городского населения рассматриваются и в последней работе американского историка, посвященной формированию массовой культуры в России²¹. В ней охвачены в основном проблемы досуга городских жителей. В развитии массовой культуры автор выделяет период до 1917 г., затем 1917–1927 гг. – период относительной свободы и экспериментов. Напротив, период 1928–1941 гг. Р. Стайтс характеризует как время введения строгой цензуры и контроля со стороны режима за содержанием и формами массовой культуры, проявившимися, в частности, в ожесточенной борьбе против так называемого «буржуазного влияния». Хотя работа не лишена ряда повторов, некоторого упрощения сложных процессов становления массовой культуры российского общества, все же последовательное продвижение Р. Стайтса в проблематике повседневной жизни в России заслуживает уважения и признания.

Можно отметить, что в целом западную историографию от российской выгодно отличает широкий подход к изучению повседнев-

ной жизни людей, при котором углубленно рассматриваются духовные аспекты и многие другие проблемы образа жизни. Разумеется, фактическую основу для характеристики повседневной жизни городского населения советской России западные исследователи в основном извлекали из работ российских историков или подготовленных ими документальных публикаций. Но большая разработанность данной проблематики в западной историографии позволила исследователям дать более широкую панораму исторической реальности в своих работах.

В российской исторической науке формирование такого научного направления как история повседневности связано с тем обновлением, которое началось в период так называемой перестройки, т.е. на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Стремление к обновлению российской исторической науки стимулировало активное освоение новых направлений, разрабатываемых в западной историографии. Благодаря этому значительно вырос интерес российских исследователей к повседневному существованию так называемого «маленького человека».

В этой связи стоит также отметить усилившиеся тенденции использования в исторических исследованиях методов и приемов, накопленных в других гуманитарных науках, в частности, в социологии, антропологии, этнографии. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что эти науки в большей степени, чем история, акцентируют внимание на изучении жизнедеятельности отдельного человека. На состоявшихся в 1990-е гг. в России научных симпозиумах историки активно и заинтересованно обсуждали возможности междисциплинарных подходов для нетрадиционного отображения исторического процесса. Интересны в этом плане материалы таких конференций как «Революция и человек» (Москва, 1994–1996), «Российская повседневность» (Санкт-Петербург, 1993–1994), большинство статей из ежегодников «Социальная история» (М., 1998, 1999, 2000)²².

Можно сказать, что история повседневности стала к настоящему времени популярным направлением и в российской исторической науке. Активно обсуждается данная проблематика на научных симпозиумах, публикуется довольно много статей и тезисов докладов на конференциях. Правда, крупных работ этого направления в исторической литературе пока еще мало. В качестве первых положи-

тельных опытов, способных дать толчок развитию исследований в данном направлении, можно назвать монографии Н. Лебиной, И. Нарского, С. Журавлева²³. При этом стоит отметить, что каждый из названных авторов делает акцент на разных аспектах повседневности: если у Н. Лебиной описываются преимущественно традиции и новации в морально-бытовой сфере жизни горожан, то С. Журавлев, характеризуя многие параметры быта, все же основное внимание сосредоточил на производственной жизнедеятельности исследуемой им социальной группы.

Стоит заметить, что развитие истории повседневности в России, в отличие от стран Запада, сталкивается с трудностями, обусловленными состоянием и особенностями источниковой базы. В имеющихся в российских архивах источниках повседневная жизнь населения отражена довольно слабо.

В частности, очень сложно исследовать обыденное сознание людей, их настроения и представления в условиях недостатка источников личного происхождения (дневников, писем, материалов анкетных опросов и т.п.) Причины такого положения разнообразны: низкий материальный и культурный уровень российского населения на протяжении большей части XX века, отсутствие традиций внимания и уважения к частной жизни человека при подавляющем приоритете государства, его учреждений. Поэтому в архивных документах преимущественно представлена деятельность учреждений и организаций, но очень слабо повседневная жизнедеятельность отдельного человека. Это требует от исследователя стремления и умения использовать для описания образа жизни людей самые разнообразные, порой неожиданные источники, лишь косвенно отражающие существенные характеристики повседневности.

Обобщая основные подходы и выводы зарубежной и отечественной историографии, посвященной происходившим в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу переменам в повседневной жизни людей, можно выделить наиболее важные направления исследования и определить те характеристики, которые предстоит рассмотреть при исследовании повседневности городов Сибири в XX в. и начале XXI столетия.

Прежде всего, подчеркнем, что изучение повседневности предполагает рассмотрение всех основных форм жизнедеятельности человека, включая трудовую, политическую и культурно-бытовую. Но

при этом берется особый срез исторической реальности на уровне существования отдельной личности, что требует особенного внимания к характеристикам индивидуальной деятельности.

В связи с этим при изучении повседневности возрастает значение анализа частной жизни индивида. Не случайно в 1980-х гг. возник и был успешно реализован один из наиболее крупных проектов современной историографии, в котором данная проблема подверглась основательной и глубокой разработке. Коллектив французских историков под руководством известных исследователей Филиппа Ариеса и Георга Дуби, подготовивший масштабное пятитомное исследование истории частной жизни, реализовал задачу проследить на протяжении тысячелетий процесс выделения из общего потока общественной жизни частной сферы, представляющей собой поле и условие развития личности²⁴. Проведенное исследование показывает, что на этапе перехода к индустриально-урбанистическому обществу происходит окончательное разделение сфер частной и общественной жизни человека. Частная жизнь индивида становится пространством, где он является в большей степени самостоятельным и независимым, в отличие от жизнедеятельности на производстве и в других сферах общественной жизни, в которых существует более жесткий контроль со стороны общества, более строгая регламентация поведения.

Правда, относительная свобода индивида в частной жизни порождает и определенные негативные последствия. Именно в XX веке перед обществом остро встают проблемы коммуникабельности и положительного наполнения свободного времени. Переход от большой авторитарной семьи к партнерскому содружеству в малой нуклеарной семье наряду с положительными переменами принес немало конфликтных ситуаций, а также, ослабив семью, породил сложные проблемы для процесса социализации новых поколений.

Одним из кардинальных отличий от жизни людей в аграрном обществе для городских жителей является четкое разделение в пространстве и времени производственной и внепроизводственной сфер. Для крестьянской семьи ее дом, двор, участок земли служат и местом работы и местом отдыха, удовлетворения бытовых потребностей. Границы между свободным и рабочим временем для крестьян не являются четко фиксированными. Только в индустриальном обществе сфера внепроизводственного времени по существу

выделяется в отдельную область жизни человека. Соответственно в обыденном сознании формируются представления о личной жизни, о приемлемых стандартах ее обустройства.

К числу таковых относятся, например, представления о типе и обстановке жилища городского жителя. Во многих странах Европы, как и в России, на начальном этапе индустриализации создавались рабочие казармы, где существование людей сводилось к задаче простого воспроизводства физических сил работника: сон, еда, примитивный отдых. Лишь на более высоком уровне индустриального общества возникает потребность в развитии личности работника, а также в обеспечении благоприятных условий для подрастающего поколения. Строительство квартир для городского населения становится выгодным и необходимым для предпринимателей или государства.

Психологические потребности людей в уединении, отдыхе, личной жизни формируют ориентацию на автономное существование семьи или индивида в отдельном жилище. Превращение жилищного строительства в отрасль индустриального производства приводит к созданию многоквартирных домов с отдельными квартирами. Наряду с этим сохраняется и тип жилища, продолжающий традицию отдельного крестьянского дома, однако все меньшее число городских жителей могут сами себе построить хороший дом. Типичным для горожан становится аренда квартиры у работодателя, либо у владельцев жилья из более зажиточных слоев населения.

Новой чертой быта городского населения в индустриальном обществе является создание инфраструктуры коммунально-бытового обслуживания. Если крестьянин в рамках натурального хозяйства почти целиком находится на самообеспечении, то для городского жителя удовлетворение значительной части потребностей зависит от развития инфраструктуры обеспечения его жизнедеятельности вне стен собственного жилища. Быстрый рост городов, скопление в них больших масс населения потребовало более интенсивного развития городского хозяйства: водопровода, канализации, уличного освещения и т.п.

Создание широкой сети предприятий торговли и общественного питания в индустриальных странах проходило быстрыми темпами, возникали и предназначенные в основном для простых людей магазины и лавочки, столовые и закусочные. В России в советское время

в условиях подавления частной коммерческой инициативы этот процесс обеспечивался государством крайне скудно, что определило неразвитость сферы общественного питания и торгового обслуживания городского населения.

Изучение изменений в структуре занятий городских жителей в свободное время, создание инфраструктуры обслуживания людей, проводящих свой досуг дома или вне стен жилища, занимают важное место в истории повседневности. Кардинальные перемены в сфере свободного времени городского населения происходят во всех странах, совершающих переход к индустриальному обществу. В деревенской жизни свободное время распределено в большой мере в зависимости от смены сельскохозяйственных сезонов, да и само по себе еще не выделено в общем потоке жизнедеятельности. Напротив, в индустриальном обществе наблюдается четкое разделение зон рабочего и свободного времени. Само свободное время, его наполнение интересными занятиями становится социальной ценностью.

Возникает своеобразная городская культура проведения свободного времени, к которой относятся как оцениваемые обычно негативно формы повседневного бытия (посещение питейных заведений, семейные и дружеские пирушки, азартные игры и т.п.), так и более позитивные, развивающие личность: посещение культурно-развлекательных учреждений для восприятия духовной культуры, любительское творчество, спорт и т.п.

Выделение и развитие сферы проведения досуга происходило по мере индустриализации общества. Восстановление и развитие способностей работника к труду, психологическая разрядка для снятия социального напряжения становится необходимым элементом жизнедеятельности человека в индустриальном обществе. На ранних этапах формирования индустриального общества восприятие и потребление ценностей духовной культуры является привилегией высших слоев общества. Позднее формируется массовая культура, к которой приобщаются широкие слои городского населения.

Потребление продукции массовой культуры, с одной стороны, способствует определенному развитию личности городского жителя, заполняет свободное время. С другой стороны, культурологи отмечают деградацию культуры в условиях массового производства и потребления, когда культура становится товаром. Но в целом

процесс развития сферы досуга является прогрессивным и закономерным следствием индустриального роста, свидетельствующего о становлении общества массового потребления.

С этим же связано и распространение физкультуры, любительских занятий в свободное время. Специфика индустриального труда с его монотонностью и выполнением работником узких односложных операций заставляет уделять внимание развитию физических и умственных способностей людей в свободное время. Спорт становится частью массовой культуры индустриального общества.

Таким образом, повседневная жизнь городского населения в индустриальном обществе кардинально преобразуется, становится все более обширной и многофункциональной, включающей в себя разнообразные виды деятельности, возрастает ее значение для личности и для общества в целом.

Творческой группой Института истории СО РАН подготовлен специальный проект, объектом исследования которого является исторический процесс формирования новых условий и механизмов повседневной жизнедеятельности городского населения Сибири в условиях социалистического строительства и в постсоветскую эпоху, социальные последствия социалистических и рыночных преобразований. В центре исследования основные черты и характеристики повседневного существования людей в обществе, совершающем переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому образу жизни в рамках различных общественно-политических систем, воздействие глобальных политических и социально-экономических реформ на жизненный уклад горожан.

Предметом исследования выступает повседневный быт городского населения Сибири. Он включает в себя такие области и аспекты социальной жизни как обеспеченность жильем и его благоустройство, материальные условия окружающей социально-природной среды, уровень доходов, способы и возможности удовлетворения основных материальных и духовных потребностей людей, а также соответствующие формы жизнедеятельности: домашний труд, занятия в свободное время, взаимодействие и общение в семье и вне её.

Рассмотрение данной проблематики на протяжении длительного исторического периода – с 1920-х гг. XX в. до начала XXI столетия позволяет выявить и зафиксировать наиболее существенные характеристики образа жизни различных поколений людей, сопоставить

ключевые параметры их жизненного уровня, дать объективную оценку социальным результатам социалистических и рыночных преобразований.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а.*

-
- ¹ **Бродель Ф.** Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
- ² **Geertz Clifford.** Dichte Beschreibung. Frankfurt/Main. 1991.
- ³ **Философские** проблемы общественного развития. М., 1976. С.4;
История становления и совершенствования советского социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1980. С. 37-39.
- ⁴ **Бутенко А.П.** Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978. С.36-38; **Социалистический образ жизни.** М., 1984. С.11.
- ⁵ **Rostow W.** The Stages of Economic Growth. A Noncommunist Manifesto Cambridge. 1961, p.104.
- ⁶ **Kössler R.** Arbeiterkultur im Industrialisierungsprozess. Studien an englischen und sowjetrussischen Paradigmata. Munster, 1990.
- ⁷ **Kössler R.** Dritte Internationale und Bauernrevolution. Zur Herausbildung des sowjetischen Marxismus in der Debatte um die «asiatische» Produktionsweise. Frankfurt/Main, 1982.
- ⁸ **Kössler R.** Arbeiterkultur im Industrialisierungsprozess. S.61.
- ⁹ Помимо упомянутой работы W. Rostow укажем еще на некоторые публикации этого направления: **Black C.** The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. New-York, 1966; **Gregory P.** Socialist and Nonsocialist Industrialization Patterns. A Comparative Appraisal. New-York, 1970; и др.
- ¹⁰ **Ахизер А.С.** Россия: критика исторического опыта. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992. Т.3. С.278-279.
- ¹¹ **Вишневецкий А.Г.** Серп и рубль. М., 1999.
- ¹² См. подробнее: **Heer H., Ullrich V.** (Hgg) Geschichte entdecken. Erfahrungen und Projekte der neuen Geschichtsbewegung. Hamburg, 1985.
- ¹³ Zeitschriften: «Geschichte und Gesellschaft»; «Historische Anthropologie: Kultur, Gesellschaft, Alltag» (BRD); «Der Alltag» (die Schweiz); и др.
- ¹⁴ **Suss W.** Die Arbeiterklasse als Maschine. Ein industrie-soziologischer Beitrag zur Sozialgeschichte des aufkommenden Stalinismus. Wiesbaden, 1985; **Chase W.J.** Workers Society and Soviet State: Labour and Liff in

-
- Moscow. 1918-1929. Illinois, 1987; **Erlor G., Suss W.** (Hgg). Stalinismus. Probleme der sowjetische Geschichte. Frankfurt/Main, 1982; **Peter A., Maier R.** (Hgg). Die Sowjetunion im Zeichen des Stalinismus. Köln, 1991; и др.
- ¹⁵ **Schröder H.-H.** Industrialisierung und Parteiburokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtliche Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus. 1928-1934. Berlin, 1988.
- ¹⁶ **Schramm G.** (Hg). Handbuch der Geschichte Russlands. Bd.3. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856-1945). Stuttgart, 1992.
- ¹⁷ **Meyer G.** Alltagsleben sowjetischen Industriearbeiter. Mitte der swanziger Jahre // Brokmeier P., Rilling R. (Hgg). Beitrage zur Sozialismusanalyse. Bd.2. Köln, 1979; **Meyer G.** Sozialstruktur sowjetischer Industriearbeiter Ende der zwanziger Jahre. Marburg, 1981; **Weissenburger U.** Die Entwicklung von Realeinkommen und materieller Lage der Arbeiter und Angestellten in der Periode der Vorkriegsfünfjahrplane. 1928/29-1941. Ms. Bremen, 1980.
- ¹⁸ **Gorzka G.** Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiter-Klubs. 1917-1929. Ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin, 1990.
- ¹⁹ **Fitzpatrick Sh.** Educational and Social Mobility in Sovietunion (1921-1934). Cambridge, 1975; The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Cambridge, 1992; Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Time. New York, 1999.
- ²⁰ **Kuromia H.** Stalinist industrialrevolution. The politic and worker. 1928-1932. Cambridge, 1988.
- ²¹ **Stites K.** Revolutionary dreams. Utopian Vision and experimental Life in the Russian Revolution. New-York, 1989; **Stites R.** Russian popular Culture. Entertainment and Society since 1900. Cambridge, 1992.
- ²² См. более подробно: **Соколов А.К.** Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. М., 1999; К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли. Томск. 1994.
- ²³ **Лебина Н.Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; **Журавлев С.В.** «Маленькие люди» и «большая история» Иностранцы московского Электрoзавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000; **Нарский И.** Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.
- ²⁴ **Aries Ph., Chartier R., Duby G.** (Hgg) Geschichte des privaten Lebens. Frankfurt/Main, 1986; Vincent G. (Hg) Geschichte des privaten Lebens. Bd.5. Frankfurt/Main, 1994.

А.И. Тимошенко

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА В НОВОСИБИРСКЕ В 1920-е – 1930-е гг.: ПРОЕКТЫ И РЕШЕНИЯ.

Жилищная проблема в Новосибирске (до 1925 г. – Новониколаевске) была с самого рождения города важнейшей в повседневной жизни горожан. Город очень быстро рос и развивался на пересечении магистральных транспортных путей богатейшего в экономическом и природном отношении края. Строительство жилья хронически не поспевало за ростом населения, которое уже через два десятилетия насчитывало около 100 тыс. чел. По данным первой переписи населения проведенной городской Управой летом 1917 г. в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание и Городскую Думу, в городе проживало 107 129 чел.¹

Особенно быстрыми темпами численность населения стала расти после 1921 г., когда Новосибирск стал административным и политическим центром Сибири. Первым советским руководителям в условиях скудных государственных возможностей начала 1920-х гг. с трудом удавалось получать средства из централизованных источников на столичное обустройство города. В результате в центральной части Новосибирска построили несколько новых дорогостоящих зданий для государственных учреждений (Сибревком, Промбанк, Крайпотребсоюз и др.), гостиницу, несколько жилых домов в два-три этажа для партийных и советских работников. Возведенные в основном по проектам известного сибирского архитектора А.Д. Крячкова, эти сооружения преобразили и украсили город, внесли совершенно новый колорит в его мещанско-купеческий облик. Однако все преобразования в основном происходили в центре, практически не затрагивая окраин.

В большом дефиците в быстро растущем городе были жилые здания. По воспоминаниям современников, большинство населения проживало в частных домах небольшой площади, неблагоустроенных, с отсутствием канализации и водопровода, а значительная часть жилого фонда представляла собой откровенно ветхие лачуги, хатки, а то и землянки. В 1923 г. состояние жилищной проблемы в Новосибирске городские власти оценивали как кризисное. Жилищный фонд за время войн и революций значительно обветшал и в то

же время не было возможностей и средств для его восстановления, а тем более нового строительства.

Под давлением обстоятельств власти были вынуждены заниматься решением жилищной проблемы. Большие надежды возлагались в условиях всеобщей национализации на помощь государства. Однако в первой половине 1920-х гг. средств на государственное жилищное строительство практически не выделялось, в ответ на просьбы о финансовой поддержке центральные власти рекомендовали развивать индивидуальное и кооперативное строительство. В 1922–1923 гг. организованный в Москве при Центросоюзе жилищно-коммунальный отдел активно рассылал на места свои распоряжения и инструкции, в которых пропагандировал и буквально навязывал кооперативные методы строительства, разъясняя, что они будут способствовать социалистическому переустройству общества, воспитанию человека нового социального мировоззрения.

В 1923 г. губернский отдел местного хозяйства представил в Сибревком проект кооперативного жилищного строительства в Новосибирске, согласно которому предлагалось создание жилищной кооперации на средства, временно ссужаемые госучреждениями и организациями города. Проектировалось строить многоквартирные дома в один-два этажа по типу построек Американской колонии Кузбасса, как экономически более доступные. Стоимость одноэтажных строений определялась примерно от 4 до 8 тыс. руб. золотом, двухэтажных – от 8 до 15 тыс. руб. По проекту предлагалось застроить свободные участки в центральной и закаменской частях города, по Вокзальной улице, на Турухановской площади, Сенном базаре. Таким образом, имелось ввиду быстрое решение жилищной проблемы. Готовые дома намечалось передавать в аренду, а вырученные деньги через банк снова направлять в жилищное строительство.

В январе 1924 г. в городе было учреждено «Сибирское строительное паевое товарищество» (Сибстройпай), которое занялось не только концентрацией капиталов на жилищное строительство, но и объявило о своем стремлении в целом улучшить эстетический вид города, создать условия для повышения культуры городского быта. В первую очередь осуществление этой программы Сибстройпай связывал с постройкой для рабочих домов-особняков на одну-две семьи. К тому же врачи города в этот период считали, что многоквартир-

тирные дома неизбежно порождают скученность – «мощный фактор заболеваний и сокращения жизни. Как едва допустимый минимум для рабочей квартиры при небольшой семье является одна жилая комната нужных размеров, отдельная от нее кухня и необходимые удобства: уборная, кладовая и прочие подсобные помещения. При большой семье, безусловно, необходимо отвести одну или две комнаты под спальни. Объем жилых помещений должен определяться требуемым минимальным количеством воздуха»².

Все эти планы и идеи, развиваемые товариществом «Сибстройпай», были, безусловно, полезны. Кооперативная организация концентрировала общественный капитал, а также кадры строителей, архитекторов, художников, могла организовать подсобные мастерские и заводы по производству строительных материалов, но дело продвигалось медленно. Хотя и поступили на строительный сезон 1923/24 гг. заказы на 1 млн. 800 тыс. руб., но реальных средств было недостаточно, отсутствовали строительные материалы, кадры профессиональных строителей³.

Идеальные проекты будущих городских построек оставались пока что в головах их создателей. В действительной жизни было все иначе. Вот как описывалась в газете «Советская Сибирь» в 1924 г. «строительная эпидемия» в сибирской столице: «Домохозяева лепятся террасами на гору, в два-три уступа, занимают каждый свободный клочок, каждый незастроенный клинышек земли. Материал употребляется самый незатейливый. Вколачиваются в землю 7–8 столбов толщиной в четверть, кладутся перекладины из жердей и выводятся стены из досок или пластов дерна – вот и готова «землянушка», «барачек» или «мазанка» в 2–3 окна, аршин 5 в квадрате. Публика побогаче покупает иногда сруб и ставит бревенчатую избушку приблизительно тех же размеров. Все вариации построек этого типа, почти как правило, обмазываются глиной изнутри и снаружи, штукатурятся, сибирская зима шутить не любит. И потом, совершенно неважно, что избушка мала, из пластов и т. д. Важно, что место захвачено, на котором потом, справившись с делами, можно поставить дом и получше...»⁴

Согласно переписи 1923 г. в городе было учтено 499 муниципальных и 7471 частных домов. До 70 % муниципального жилого фонда составляли однокомнатные квартиры, в которых на одного

проживающего приходилось в среднем 8,6 кв. аршина (6,1 м²) жилой площади⁵.

Со стороны городских властей были попытки оживить кооперативное строительство за счет организации кредитов как от предприятий города, так и от населения. Но большого эффекта эта политика не принесла. Предприятия не торопились вкладывать свои средства, а платежеспособность населения была такова, что займовые бумаги не расходились и наполовину. Попытки решить проблему за счет средств местного бюджета также не увенчались успехом. В первые годы Советской власти муниципальная собственность не приносила дохода: квартплата чаще всего отсутствовала, арендная плата была формальной или не взималась вовсе.

Городские власти пытались привлекать иностранные капиталы в форме концессионных договоров. В 1923–1924 гг. этот вопрос активно обсуждался в городских управленческих структурах. Губернский отдел местного хозяйства, изучив дореволюционный опыт сотрудничества российских городских хозяйств с иностранными фирмами, выдвинул проект благоустройства Новосибирска. Предполагалось, что наиболее эффективно привлечение иностранных капиталов для сооружения в городе трамвайных линий, водопроводных и канализационных сетей, возможно электростанций. А вот общее благоустройство, строительство и ремонт жилых домов и общественных зданий мыслились в основном за счет отечественных ресурсов. И только в крайнем случае намеревались обращаться к помощи иностранных капиталов. Но и этот вариант финансирования Новосибирска не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Самая главная проблема в городе – жилищная – не решалась. С ростом населения она еще более обострялась. На заседании постоянно действующего при губернском отделе местного хозяйства производственно-экономического совещания 2 сентября 1925 г. признавалось, что в городе по-прежнему, несмотря на активное обсуждение и попытки решить жилищную проблему, нет концепции жилищного строительства, а самое главное – нет средств, которые уже сейчас могут быть оценены в 25 млн. руб.⁶

Единственным выходом из создавшегося положения мыслилось привлечение средств из централизованных источников. В объяснительной записке к «Перспективному плану жилищного строитель-

ства в городах Сибирского края на 1925 – 1935 гг.», составленной краевым отделом коммунального хозяйства, говорилось, что жилищная проблема в крае может разрешиться «только в результате крупного жилищного строительства при мощной поддержке государства»⁷. И это было действительно так. Новая экономическая система, основанная на административном управлении, уже внедрилась во все области хозяйственной деятельности. Практически вся прибыль, полученная в сфере экономики, изымалась государством. А другие, негосударственные источники финансирования жилищного строительства не могли иметь реальной силы.

К середине 1920-х гг. формирование системы плановых органов в стране стало давать свои результаты. Активно составлялись перспективные планы отраслей хозяйства, регионов, городов. Коснулось это и Новосибирска, тем более что объективные обстоятельства требовали упорядочения развития города, который продолжал застраиваться временными некачественными сооружениями, тающими в себе постоянную опасность распространения пожаров и эпидемий.

Вопросы планировки и эстетичности построек, в том числе и жилых, постоянно обсуждались общественностью и городскими властями на заседаниях губернского отдела местного хозяйства и коммунальных служб, но дело часто ограничивалось бесплодными дискуссиями, так как в городе было трудно изыскать финансовые ресурсы, подобрать специалистов для проведения планировочных работ. Кроме того, не решался главный вопрос о будущем Новосибирска: каким он будет через 10–30 лет. Существовавшие планы индустриализации Сибири пока не могли ответить на вопрос: станет ли Новосибирск промышленным и торговым городом или только административно-управленческим центром Сибирского края. Такое положение затрудняло разработку реальных проектов развития Новосибирска.

Конкретные действия со стороны властей начались в 1925 г. после того, как по линии НКВД в город были присланы «Правила распланирования и застройки городов» и инструкции к ним. Эти документы имели силу законов и подлежали неукоснительному выполнению. Городские власти не замедлили проявить интерес к полученным важным бумагам. Может быть, реакция оказалась не столь активной, как хотелось бы городской общественности, но во-

прос о планировке и застройке города был поставлен официально, а конкретные мероприятия включены в планы управленческих и хозяйственных организаций.

В новых условиях появились возможности для финансирования строительных и благоустроительных работ, стали формироваться государственные строительные организации, жилищно-арендные и жилищно-кооперативные товарищества (ЖАКТы и ЖСКТы), в задачу которых входило как строительство нового жилья, так и организация эксплуатации и реконструкции уже существующего.

В 1925 г. под председательством городского инженера Родюкова создается комиссия по подготовке исходных данных для перепланировки и планировки Новосибирска. В состав комиссии вошли представители горсовета, отдела благоустройства Управления местным хозяйством, крайздрава, строительных организаций. Решено было начать работу по составлению генерального плана застройки города на ближайшие 25 лет⁸.

Первый в истории советского Новосибирска генеральный план застройки составил инженер И.И. Загривко⁹. Уже в ноябре 1925 г. он предложил для обсуждения эскиз, а через несколько месяцев проект в целом был представлен на суд городской общественности. Девизом И.И. Загривко являлось желание сделать жизнь в будущем городе удобной, эстетически наполненной, здоровой в санитарно-гигиеническом отношении. Эти чувства он выразил в интервью корреспонденту «Советской Сибири» 10 февраля 1926 г.: «Новосибирску предстоит грандиозный рост в самом ближайшем будущем. Поэтому ему надо подготовиться к своей новой исторической роли. Новосибирск по своему типу развития со временем несомненно станет американским Чикаго. Но он должен быть не коробочным городом, с его каменными мешками, убивающими здоровье горожан, а городом-садом с красивыми площадями и изящными широкими улицами, построенными по радиальной системе. Только тогда население нашего города получит возможность пользоваться благами культурной жизни»¹⁰.

По-видимому, подобные настроения имели многие горожане, неразрывно связывавшие будущий облик родного города с эстетичностью городской застройки, наличием большого количества зеленых насаждений. Вот одно из пожеланий архитекторам губернского отдела местного хозяйства, опубликованное в «Советской Сибири»:

«Широко задуманный хозяйственный и архитектурный замысел города Новониколаевска на столетия будет, подобно магниту, притягательной силой для привлечения капиталов, архитектурных сил и средств зодчества. В этом смысле инициатива широко задуманного культурно-хозяйственного оригинального творчества города, безусловно, создаст ему богатые возможности реального и эстетического порядка. Красивое в глазах сограждан и чужеземцев с художественной точки зрения будет полезно и в экономическом отношении... Следовало бы безусловно пощадить площади нашего города от строительного ажиотажа, ибо площади – это «легкие большого города», одинаково важные в санитарно-гигиеническом, эстетическом и хозяйственном отношениях – меньше понадобится врачей, больниц, если в городе будет больше воздуха. Нужно отрешиться от близких, исключительно меркантильных интересов строительства для того, чтобы жизнь города была не только мещански сытой и богатой, но и санитарно-опрятной и эстетически красивой»¹¹.

Такие мнения не могли не учитываться специалистами. Не игнорировал их и И.И. Загривко. Стройность, эстетика городской структуры составили суть его проекта. В нем присутствовало разумное сочетание существующей прямоугольной системы планировки кварталов, казавшейся многим к тому времени устаревшей, с системой радиально-кольцевых магистралей. Эпицентром этой трассировки становилась Ярмарочная площадь, превращаемая по проекту в центральную площадь города, его общественно-административный центр. От центра исходили восемь радиальных улиц, образуемых от пересечения четырех магистралей, одна из которых была Красным проспектом, а вторая – улицей Ленина. Другие две магистрали составили в проекте «главные улицы» – планировочные оси, пересекающиеся крестообразно и проходящие через всю городскую территорию. Одна из них проходила по правобережью, параллельно р. Оби, пересекая Заельцовский, Центральный, Закаменский и Инюшинский районы. На северо-западе эта главная улица уходила в лесопарковую зону, в которой размещались детские санатории, пригородные здравницы и дома отдыха. На юго-востоке данная магистраль, пересекая р. Каменку, по улице Льва Толстого проходила к Ключ-Камышинскому плато и далее в сторону будущей железнодорожной станции Инская¹².

Вторая главная улица намечалась перпендикулярно первой. На северо-востоке она проходила параллельно железной дороге через Центральный и Ипподромский районы и далее за пределы города, а в юго-западном направлении проходила по берегу Оби, пересекая железную дорогу, и перемещалась на левобережье по мостовому переходу через Обь. Вся городская территория разбивалась на районы, окруженные полосами зеленых насаждений, со своими городскими подцентрами. Левобережье города было представлено тремя районами вокруг промышленных предприятий с поэтическими названиями: рабочий поселок-сад, пригород-сад и рабочий пригород-сад, связанные мостами с правобережной частью города¹³.

Территория Новосибирска, согласно плану И.И. Загривко, окружалась резервными для будущей городской застройки землями, далее шел пояс лесопарковой зоны и сельскохозяйственных земель. Вообще зеленым насаждениям придавалось большое значение: в центральной части города планировалось создание двух бульварных колец, по всему городу предполагалось устройство скверов и бульваров вдоль улиц, садилов перед домами¹⁴.

Казалось бы, такой красивый проект не мог остаться без внимания, он в равной степени учитывал как интересы административного центра города, так и рабочих окраин, привлекая своей эстетичностью и стройностью городской структуры, возможностью за счет радиального построения плана развития и роста города в будущем. В целом проект был одобрен, но признан в то же время далеким от реальности. Критики отмечали, что проект мало учитывал исторические особенности формирования города, его экономические и социально-демографические перспективы. Кроме того, он готовился без детальных геодезических проработок, что было крайне важным в условиях овражистой, заболоченной местности, на которой располагался Новосибирск.

Объективной причиной нежизнеспособности плана послужило и то обстоятельство, что он, еще не будучи детально проработанным, уже устарел, т. к. обстановка очень быстро менялась. Обсуждались проекты индустриализации Сибири, размещения промышленных предприятий на ее территории, а от этого кардинально могла измениться судьба городов и даже целых регионов. Однако проект И.И. Загривко не сразу попал на архивную полку. Как один из вариантов будущей планировки города он рассматривался в августе

1927 г. в Москве на совещании при картоиздательстве НКВД. Правда, выступавший председатель комиссии по планировке Новосибирска, заведующий отделом коммунального хозяйства Г.И. Щукин не упоминал имя разработчика, но именно его идеи он положил в основу своего доклада, который был принят к сведению, но уже не отвечал требованиям дня¹⁵.

В связи с рассмотрением планов индустриализации Западной Сибири, созданием Урало-Кузнецкого комбината, Новосибирск в Госплане СССР в 1925–1926 гг. начал рассматриваться как важный опорный пункт социально-экономического развития всей Азиатской части страны, который в перспективе будет только наращивать свою мощь. В этот период эмоционально настроенные проектировщики и журналисты часто сравнивали Новосибирск по темпам роста с американскими городами Детройтом и Чикаго. Многие называли Новосибирск «сибирским Чикаго». В этих условиях в 1926 г. в Москве начались работы по составлению генерального плана города под руководством Б.А. Коршунова – руководителя Московского планировочного бюро и профессора МВТУ, который уже обладал опытом проведения планировочных работ. В частности, с 1918 по 1923 г. он работал над составлением плана «Новой Москвы» в качестве члена бригады архитекторов, возглавляемой А.В. Щусевым, являлся автором планировки г. Котельничи в Кировской области.

Деятельность специалистов на этот раз предполагалось обеспечить научными изысканиями и начать с геодезических и топографических исследований, изучения истории развития города и его перспектив, обследования окружающих земель и населенных пунктов, проходящих через город грузопотоков и транспортных путей. Следующим этапом намечалось составление схемы планировки Новосибирска и эскизного проекта. И только после их глубокой проработки и обсуждения предполагалось составить основной проект развития города на ближайшие 40 лет. Генеральный план должен был определить, с учетом роста населения, этапы застройки Новосибирска, увязать городскую инфраструктуру с транспортным строительством, созданием водопроводных и канализационных сетей, промышленных и энергетических объектов¹⁶.

Основные идеи плана на первый взгляд удачно сочетались с активно обсуждаемыми в этот период проектами индустриализации Сибири, связывались с проблемами промышленного строительства,

социалистического преобразования столицы Сибирского края и поэтому, казалось бы, легко должны были завоевать себе сторонников. Но дискуссии протекали чрезвычайно остро на всех этапах обсуждения результатов работы планировочной группы Б.А. Коршунова. Наложились ведомственные споры о строительстве индустриальных объектов в Сибири. Центральным управленческим организациям принадлежало фактически последнее слово в решении вопросов строительства тех или иных предприятий, к которым в этот период уже привязывались и планы застройки городов. Тем более что при обсуждении индустриальных планов Новосибирск не выглядел привлекательным: в городе была крайняя необеспеченность жильем, неудачная планировка, свободные земли для строительства находились на левом берегу р. Оби, который не имел постоянной транспортной связи с центром.

Руководители горсовета и общесибирских учреждений стремились любыми средствами добиться развертывания промышленного строительства в городе, готовы были выделять для новых предприятий лучшие земли, так как понимали, что только такая политика даст Новосибирску возможность стабильного экономического роста¹⁷. Проектировщикам, конечно, трудно было учесть, в какую сторону склонится чаша весов, каких масштабов достигнет в будущем промышленное строительство.

В январе-феврале 1928 г. в секциях Планировочной комиссии обсуждалась схема планировки «Большого Новосибирска», а в июне 1929 г. проектировщики представили на суд своих заказчиков эскизный проект. Городским властям хотелось придать обсуждению массовый характер. Кроме специалистов, на заседания Планировочной комиссии приглашались городские руководители различных рангов и даже простые новосибирцы. Приложением к «Советской Сибири» выпускался специальный листок, посвященный вопросам планировки города. Б.А. Коршунов и другие члены планировочной группы выступали с популярными докладами на рабочих собраниях. В дни обсуждения планировочные материалы вывешивались в горкомхозе, Дворце труда, Доме Ленина, наиболее посещаемых клубах города. Здесь же организовывался прием замечаний и предложений для специалистов. Однако становилось ясно, что не общественности принадлежит окончательное решение.

Планировщики выполнили несколько вариантов плана, отличающихся только в деталях. В основе же лежала общая схема, которая делила город на две части: на правом берегу под городскую территорию занималась площадь в 22 тыс. га, на левом берегу – пока 8 тыс. га, но тут же оговаривалось, что рост Новосибирска связывается с левобережьем: «Здесь нет никаких препятствий для будущего развития города: почва, рельеф местности и другие условия соответствуют и позволяют строительству»¹⁸. Предполагалось перенести на левый берег кожевенный комбинат и ряд других промышленных предприятий. Здесь же намечалось новое строительство согласно планам индустриализации.

Правобережье планировалось более детально. Предполагалось образование городского и краевого центров не только административно-управленческого назначения, но и общественно-политического, научного и культурного. Планировалось строительство парков культуры и отдыха, театров, краевого стадиона, других культурно-развлекательных учреждений. В связи с этим считалось необходимым перепланировка и реорганизация транспортных коммуникаций, всего железнодорожного и портового хозяйства, строительство трамвайных линий, двух мостов через р. Обь.

29 июня 1929 г. президиум крайисполкома утвердил эскизный проект планировки города в целом, но до конца, как намечалось, группа Б.А. Коршунова свою работу по составлению плана не довела. В адрес проекта последовало много критических замечаний. Непримирым критиком Б.А. Коршунова был заведующий окружным здравотделом Шворин. Он говорил, что согласно представленному проекту «неволью встает печальный образ теперешнего Новосибирска, слегка подбритого и подстриженного умелой рукой профессора». В будущем городе недостает освещенности зданий, мало зеленых насаждений. «Небольшие полоски зелени, которые вкраплены в план нового города, носят по преимуществу характер декоративных украшений. Бытовое их назначение весьма невелико, так как они плохо связаны с окраинами и с будущими загородными парками. Сплошная зеленая полоса достаточной ширины должна протянуться вдоль берега Оби от Ельцовки до Ини». Особенно категорично возражал Шворин против размещения вдоль Оби железной дороги и промышленных предприятий. По его мнению, это территория будущих парков, которые необходимо разбить, не счи-

таясь с тем, что площади уже застроены. Следует перенести железнодорожную колею. А в санитарно-гигиеническом отношении важно, чтобы «город получил выход к реке»¹⁹.

Критические замечания Шворина поддерживали и другие оппоненты. Например, известный специалист в области планировки инженер И.И. Загрявко также считал, что недопустимо размещение промышленных предприятий на берегу Оби вплоть до Заельцовского бора: «Это лучший участок города, расположенный по берегу реки, занятый сейчас полосой отчуждения, товарной станцией, лесопильным заводом и другими предприятиями, и по новому плану не дается городу – он намечен под промрайон и в результате главнейшая, наиболее густо населенная теперешняя центральная часть города отрывается навсегда от реки Оби... С этим мы согласиться не можем. Здесь должно быть найдено другое решение. Часть берега, во что бы то ни стало, должна быть предоставлена городу и город должен получить выход к реке»²⁰.

Главной же причиной расторжения договора с группой профессора Б.А. Коршунова являлось то обстоятельство, что и эта работа по планировке Новосибирска, еще не закончившись, перестала быть актуальной. В планах социально-экономического развития страны усиленно прорабатывались идеи индустриализации и модернизации экономики и на этой основе социалистического переустройства общества. Новосибирск был определен как крупный центр индустриального строительства. Здесь намечалось сооружение целого ряда промышленных предприятий преимущественно на левом берегу Оби, с созданием «социалистического города» в форме кварталов многоэтажных домов-коммун. А Б.А. Коршунов, предвидя трудности развития в Новосибирске строительной базы, медленный переход к многоэтажному каменному строительству, в своем проекте отдавал предпочтение малоэтажной застройке. Крупные многоэтажные дома он планировал только в относительно застроенной центральной части города, вдоль транспортных магистралей. Другие же районы, в т. ч. на левом берегу, куда планировалось перенести промышленную зону, предполагалось застраивать деревянными домами в один-два этажа. Такой подход в создавшихся условиях, по мнению Б.А. Коршунова, давал возможность сравнительно быстро решить жилищную проблему в городе, даже при развертывании нового промышленного строительства, однако с этим мнением не

могли согласиться его главные оппоненты, разрабатывавшие уже планы строительства социалистического Новосибирска. Многие элементы генерального плана Коршунова вошли в последующие планировочные разработки, особенно в связи с застройкой левобережной части города, возведением второго железнодорожного и коммунального мостов, в застройке Центрального, Октябрьского и Кировского районов.

Согласно плана Б.А.Коршунова в центральной части города было построено в 1928–1930 гг. несколько многоквартирных домов-кварталов нового типа, в которых первые этажи занимались под магазины и общественные центры, рядом предполагалось строительство школ, общественных столовых, детских площадок и других дошкольных учреждений. Но полностью реализовать задуманное не удалось по целому ряду объективных и субъективных причин.

В 1927–1928 гг. силами жилищных кооперативов в Новосибирске было построено 53 многоквартирных дома, возводились более скромные дома индивидуальными застройщиками. К 1929 г. общая жилплощадь в городе увеличилась в 2,4 раза по сравнению с 1922 г. и составила 599 тыс. кв. м²¹. Вместе с тем, жилищный кризис не был ликвидирован. Причиной был не только быстрый рост населения и отсутствие финансовых источников, но и общая слабость экономики, строительной базы, которая пока не соответствовала растущим из года в год потребностям города.

В 1928 г. Сибкрайисполком подал в ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку, в которой обращалось внимание на острый жилищный кризис в Сибири в том числе в Новосибирске. ВЦСПС в докладе СНК СССР также отмечал, что «современное состояние жилищного вопроса характеризуется падением из года в год среднедушевой нормы жилплощади. В наиболее тяжелых жилищных условиях оказываются промышленные рабочие». В том же году с целью улучшения жилищного положения рабочих при СНК СССР образована комиссия по жилищной политике. В Новосибирске в составе местных советских органов созданы комитеты содействия строительству рабочих жилищ²².

4 января 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление о жилищной политике, в котором намечалось развертывание жилищного строительства для рабочих. Особое внимание при этом обращалось на развитие доступной рабочему человеку коопе-

рации. Для решения наиболее острых проблем повседневного существования людей на предприятиях создавались фонды улучшения быта рабочих (ФУБРы)²³. Крупное жилищное строительство стало разворачиваться в рамках осуществления индустриальных планов в начале 1930-х гг., с ориентацией на сооружение многоэтажных домов-коммун, рассчитанных на максимально возможное обобществление быта в них проживающих.

В 1930 г. постановление Экономического Совета (ЭКОСо) РСФСР определило вести дальнейшую застройку и планировку Новосибирска в связи с индустриальным развитием трех крупных его частей, по сути дела трех городов в едином городском пространстве: город на правом берегу Оби, город на левом берегу и город в районе Комсомольского моста на основе Инского железнодорожного узла. В первую очередь, на основе данного решения началось проектирование и строительство новосибирского левобережья как самостоятельного «города социалистического типа». Это подавалось как «достижение советской градостроительной науки и практики», связанное с общим социалистическим переустройством жизни в стране.

«Социалистический город» планировалось застраивать кварталами, состоящими из многоэтажных жилых домов-комбинатов, рассчитанных для проживания 500–1000 чел., с пристроенными к ним общественными, торговыми зданиями и детскими учреждениями. Жилые дома-комбинаты, связанные переходами по вторым этажам, образовывали два ряда застройки, между которыми могли проходить хорошо озелененные улицы-аллеи, пересекаемые в поперечном направлении пешеходными дорожками²⁴.

Ядром нового «города» определялась площадь делового центра на пересечении диагональных улиц-осей. На бровке прибрежного к Оби плато находилась площадь для массовых собраний и демонстраций. По периметру города размещались три районных центра-парка, связанных с бульварами, которые с востока замыкались комплексами институтов и техникумов. Бугринская роща рассматривалась как восточная оконечность этого комплекса. Школы выносились в зеленые зоны. Вдоль р. Тулы планировалось разместить медицинские учреждения, на склонах плато – крупный спортивный комплекс общегородского значения.

По самым совершенным техническим и организационным стандартам, направленным на достижение максимального комфорта и удобства проживания в «социалистическом городе» на левом берегу Оби, планировалось транспортное и энергетическое обеспечение, но осуществить этот прекрасный проект в полной мере не удалось. Реализация его происходила с огромными трудностями, с первых же месяцев строительства выявилась огромная масса проблем, которые не были предусмотрены проектировщиками. Комплексной и массовой застройки «социалистического города» в левобережье Новосибирска не получилось. Финансовые и прочие материальные ресурсы в первую очередь предназначались производственному, а не социальному строительству.

Кроме того, выяснилось, что строительная отрасль города не готова к осуществлению столь масштабного строительства. В Новосибирске практически отсутствовало производство строительных материалов, да и в Сибири в целом в недостаточном количестве выпускались кирпич, цемент, стекло и т.п. В планы же нового промышленного строительства на ближайшее пятилетие заводы по производству стройматериалов не включались.

Обнаружилось несоответствие разрабатываемых в многочисленных комиссиях плановых показателей реальной жизни города, хозяйство которого финансировалось уже строго по регламенту. Отсутствовали проработки по расширению водопроводных и канализационных сетей, транспортных коммуникаций. Вместе с тем, активно планировалось строительство в городе крупных промышленных предприятий. В 1929 г. цифры генплана, рассчитанного на 15 лет, были пересмотрены в сторону увеличения. Соответственно возросли и задания первой пятилетки. Ранее принятые правительственные решения по возведению промышленных предприятий в Новосибирске также были пересмотрены. Намечавшиеся к строительству во второй пятилетке предприятия было решено начать возводить уже в первой. Так, в Новосибирске в 1930 г. планировалось строительство крупного завода сельскохозяйственного машиностроения, льночесальной и льноткацкой фабрик, мощного хлопчатобумажного комбината.

В декабре 1929 г. проблемы застройки левобережной части Новосибирска обсуждались на особом совещании при окрисполкоме, важность которого подчеркивалась уже тем, что проводил его лич-

но председатель И.Г. Зайцев. На совещании отмечалось: «С чем мы приступаем к строительству на левом берегу? Абсолютно ни с чем. У нас нет никакой конкретной постановки о типе города на левом берегу и всех тех построек, которые связаны со строительством этого города... Учитывая возможности новосибирских организаций, вряд ли можно надеяться, что мы к весне, когда уже будет нужно развертывать строительство, будем иметь хороший, высокого качества проработанный план»²⁵. Присутствовавшие на совещании члены Сибирской плановой комиссии Богуславский и Квитневский в целях экономии средств и времени предложили использовать для строительства в Новосибирске магнитогорский проект, пригласить в город группу проектировщиков Магнитогорска, чтобы «провести привязку» проекта к местности. Как позже выяснилось, эта идея обсуждалась в Сибирской плановой комиссии без экспертизы специалистов. Единственным аргументом в ее пользу было желание авторов ускорить и удешевить строительство.

Идея о заимствовании магнитогорского проекта была привлекательной, но специалисты – архитекторы и строители – сразу же разглядели трудности, которые возникнут при ее претворении в жизнь. Сам проект пока представлял только общую схему нового города, а не конкретные технические проработки. Например, архитектор Новицкий предупреждал, что эту схему можно взять за основу только как идею, но чтобы строить через три–четыре месяца новый город, нужен технический проект, выполненный применительно к новосибирским условиям, ибо здесь иные по качеству, чем в Магнитогорске, строительные материалы, другие условия местности. Немаловажным было и то, как воспримут сами рабочие, которым предстояло жить в новом городе, идею его «социализации». Однако организаторы совещания не разделили высказанных сомнений. Для них главным было начать строительство уже весной 1930 г.

В марте 1930 г. в Новосибирске было создано специальное строительное управление «Новосибсоцстрой» с широким кругом задач, связанных не только со строительством. На новую организацию возлагалось, кроме проектирования и строительства жилого поселка, проведение целого комплекса мероприятий по подготовке населения будущего города к социалистическому образу жизни, а также снабжение горожан продовольствием и промышленными товарами. Основными организаторами управления стали М.С. Богуслав-

ский и И.Г. Зайцев – председатель Новосибирского Окрисполкома. 4 апреля 1930 г. на заседании Крайисполкома они доложили, что подготовлены основы проекта «социалистического города» и можно начинать строительство, которое обойдется в 96 млн. руб. Основную массу средств предполагалось получить из централизованных источников, за счет которых планировалось осуществить в 1931–1936 гг. строительство жилых домов и общественных учреждений. Кроме того, намечалось построить мощный пищевой комбинат, хлебозавод, склады продовольствия и промышленных товаров. Причем подчеркивалось, что все это нужно строить одновременно в комплексе, иначе «сама идея социалистического города дискредитируется»²⁶.

В мае 1930 г. были заложены сразу несколько жилых корпусов и зданий общественно-бытового назначения. В первые месяцы присутствовал подогреваемый агитацией и пропагандой значительный эмоциональный и творческий подъем, который вскоре сменился разочарованием. Строительство происходило с огромными трудностями. Стремление максимально упростить и удешевить строительные работы вело к тому, что «социалистический город» заполнялся типовыми, невыразительными зданиями, а жители его испытывали трудности и лишения, не предусмотренные в проектах. Сказывалась общая ситуация в стране, сложившаяся в условиях форсирования индустриального строительства, которое сопровождалось ухудшением продовольственного и товарного обеспечения, снижением в целом уровня жизни людей. Кроме того, намечались очень короткие сроки строительства «социалистического города», что также не давало возможности качественно выполнить намеченные планы.

Обстоятельства катастрофической нехватки жилья вынуждали заселять рабочих в недостроенные помещения, где не могло быть и речи о каком-то комфорте и уюте. Подчас не хватало самого элементарного: простой мебели, постельных принадлежностей, умывальников. Так, газета «Советская Сибирь» 11 августа 1931 г. описывала проживание молодых рабочих в «социалистическом городе» как невыносимое, где большинство проживающих в общежитиях спят на голых топчанах, «ни комендант общежития, ни застройком не обращают на жалобы рабочих никакого внимания».

Чтобы хоть как-то обеспечить крышей над головой всех прибывающих на индустриальное строительство рабочих, власти города и

организаторы строек закрывали глаза на массовое сооружение барачных и различных землянок и насыпных, а то и просто шалашей. В 1930 г. три четверти рабочих на стройплощадке Сибкомбайна (комбината 179, Сибсельмаша) проживало в бараках, в которых на человека приходилось не более двух кв. м. Ещё хуже складывалась ситуация в районе строительства завода горного оборудования, где на одного человека приходилось немногим более одного кв. м жилья²⁷.

В 1931–1933 гг. предпринимались попытки организации социалистических домов-коммун и в старой правобережной части города. В процессе развертывания кооперативного строительства для рабочих строились дома-коммуны жилищных кооперативов «Рабочая пятилетка», «Красный кожевник», «Химик» с обобщественным сектором в жилых корпусах или отдельных блоках, соединенных с жилыми домами надземными и подземными переходами и галереями. В единственном из полностью достроенных домов-коммун кооператива «Рабочая пятилетка» по ул. Каменской существовали столовая, общественная кухня, товарораспределитель, читальные и физкультурные залы. Отводились отдельные комнаты для детей различного возраста и взрослых²⁸.

В целом же попытки осуществить в Новосибирске подобные проекты не удались. В условиях остроты жилищной проблемы в городе дома-коммуны очень быстро превращались в обычные жилые дома квартирного типа, а встроенные и пристроенные под общественно-культурные и бытовые нужды помещения занимали различные учреждения. Строительство идеальных «социалистических городов» в основном происходило на стадии «бумажного проектирования». Да и в обществе данные идеи не находили особой поддержки. Измученные хронической жилищной неустроенностью, жители города в большинстве своем мечтали о пусть очень скромном в одну-две комнаты, но отдельном жилище. Наиболее состоятельные граждане стремились получить надел и ссуды на строительство индивидуальных домов, которые в начале 1930-х гг. начали выдаваться как в государственных учреждениях, так и на предприятиях наиболее активным рабочим. Основная же масса простых новосибирцев и особенно новоселов, как и в прежние годы, практиковала самострой. «Нахаловки» существовали как в центральных, так и периферийных районах города.

Государственные мероприятия по решению жилищной проблемы конечно же приносили значительный результат. Так, только за годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) объем жилой площади в Новосибирске увеличился на 250 тыс. кв. м, в то время как за все 36 лет предшествующего существования города было построено около 600 тыс. кв. м. Причем, только государственными организациями в годы первой пятилетки было построено около 200 тыс. кв. м. Однако население Новосибирска за этот период практически удвоилось. В 1933 г. оно составило 278 тыс. чел. В 1937 г. на одного жителя города приходилось чуть больше трех кв. м жилой площади²⁹.

Новая попытка кардинально решить жилищную проблему была предпринята во второй половине 1930-х гг. в рамках генерального проекта планировки и реконструкции Новосибирска, разработанного бригадой Гипрогора РСФСР под руководством специалистов сектора планировки и социалистической реконструкции городов при ЦИКе СССР. Данный проект предполагалось реализовать в течение нескольких десятилетий, за которые город должен был совершенно преобразиться, главным образом за счет масштабного государственного жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства. Учитывался и дальнейший рост населения, примерно до 650 тыс. чел.³⁰

Планировалось, что к концу реализации данного генерального проекта планировки Новосибирска жилищный фонд значительно вырастет. Если в 1935 г. он составлял около 900 тыс. кв. м, то будет достигать около 6000 тыс. Город застроится в основном большими монументальными зданиями в 4–5 этажей и более, которые будут отличаться высокой степенью благоустройства и комфорта³¹.

Намечалась громадная работа, так как по данным переписи населения и жилищного фонда, проведенной в феврале 1932 г., в городе находилось 24 044 жилых строения, из которых 96,3 % – одноэтажные здания, 2,9 % – двухэтажные и 0,8 % – прочие. По материалу, из которого изготовлены стены, 81,2 % составляли деревянные рубленые дома, 1 % – каменные и остальные жилые сооружения были засыпными, сделанными из различных суррогатов³². Поэтому для реконструкции города необходимо было перестроить и модернизировать практически весь жилой фонд.

По данному проекту территория будущего Новосибирска разбивалась на несколько функциональных зон: жилых, промышленных, транспортных, санитарно-оздоровительных и сельскохозяйственных. Намечалось, что промышленность будет концентрироваться в нескольких местах: на левом берегу Оби вокруг Сибметаллстроя (строительство Сибсельмаша), на правом берегу вокруг Сибмашстроя, Жиркомбината, вблизи Речного порта, Мясокомбината, завода «Труд» и т.д. К транспортным зонам относились территории железнодорожных узлов и магистралей, речных портов и аэродромов.

Жилая зона также разделялась на несколько районов. Генеральный план их выделял семь: Центральный, Ельцовский, Сибмашстроя, Октябрьский, Кировский, Эйхе, Мочище, которые намечалось реконструировать и застраивать высотными комфортабельными зданиями, что позволит избежать скученности построек, в то же время обеспечить жильем всех нуждающихся. В проекте планировки обозначалось, что к концу расчетного периода на одного жителя в Новосибирске будет приходиться не менее 9 кв. м жилой площади³³.

Планировалось, что жилые районы Новосибирска будут пересекаться широкими полосами зеленых насаждений. В Октябрьском районе такая полоса намечалась во всю его длину – от р. Каменки до р. Плющихи через всю площадь между улицами Телеграфной и Ленинградской. Такую же зеленую полосу будет иметь Центральный район между улицами Мичурина и Каменской, от площади Сталина до Жиркомбината. Разбивка бульваров и скверов намечалась во всех районах города. На оформление и благоустройство городских площадей проектом планировки обращалось особое внимание, предполагалось, что из пыльно-песчаных пустынь они должны превратиться в «украшение города, в резервуары чистого воздуха»³⁴.

Жилые дома и здания общественного пользования, по планам проектировщиков, группировались таким образом, чтобы обеспечить по возможности хозяйственно-бытовые и социокультурные потребности горожан. По их мнению, жилые кварталы и районы должны формироваться в рамках единых комплексов, в которых находятся все учреждения, обслуживающие первоочередные нужды людей, в них проживающих: детские ясли и сады, столовые, магазины, клубные и физкультурные учреждения. Крупные жилые здания должны располагаться в основном по периметру кварталов.

В нижних этажах их помещаются магазины, столовые, клубы. Внутри кварталов, кроме отдельных жилых домов, предусматривались здания детских садов и яслей. Хозяйственные постройки сокращаются до минимума и располагаются в подвальных этажах с целью сокращения площади застройки. Внутриквартальные свободные пространства максимально занимают зелеными насаждениями и игровыми площадками для физкультуры и игр детей³⁵.

Началом реализации генерального плана реконструкции Новосибирска намечалась третья пятилетка. Темпы жилищного строительства неуклонно росли уже во второй. За её годы в Новосибирске было введено в эксплуатацию 450 тыс. кв. м жилья, что на 200 тыс. превышало данный показатель первой пятилетки. К 1940 г. жилфонд Новосибирска составлял 1 млн. 440 тыс. кв. м, что все-таки в связи с ростом населения было недостаточным. Улучшить свои жилищные условия удавалось немногим новосибирцам. В первую очередь в государственных благоустроенных домах получали отдельные квартиры, а то и комнаты, чиновники, входящие в партийно-советскую номенклатуру, специалисты, ударники и стахановцы. Простые рабочие проживали в основном в неблагоустроенном частном секторе. Начавшаяся война ещё более усугубила жилищную проблему в городе.

Таким образом, жилищная проблема в Новосибирске всегда была важнейшей в жизни горожан. Со второй половины 1920-х гг. в её решении всё более активное участие принимает государство, которое в лице своих управленческих организаций рассматривало жилищное строительство в городе как одну из важнейших своих задач. Однако, обстоятельства и возможности не позволяли решить жилищную проблему эффективно и в короткие сроки. Поэтому решение её растягивалось во времени. В 1920–1930 гг. активно разрабатывались проекты, намечались планы по их реализации, но они оказывались трудноосуществимыми. Объективные обстоятельства, связанные с масштабным индустриальным строительством, началом Великой Отечественной войны, затем послевоенным восстанием надолго задержали осуществление намеченных планов.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00426а

-
- ¹ **Новосибирск.** Энциклопедия. Новосибирск. 2003. С. 555.
 - ² **ГАНО.** Ф. 1685. Оп. 1. Д. 13. Л. 64 об.; Советская Сибирь. 1924. 16 окт.
 - ³ **ГАНО.** Ф. 1685. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.
 - ⁴ **Сов. Сибирь.** 1924. 17 июля.
 - ⁵ **Новосибирск.** Энциклопедия. С. 309
 - ⁶ **ГАНО.** Ф. 1685. Оп. 1. Д. 92. Л. 544.
 - ⁷ **ГАНО.** Ф. 917. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
 - ⁸ **Баландин С.Н.** Новосибирск. Новосибирск, 1978. С. 64-65.
 - ⁹ Загривко Иван Иванович – с 1925 по 1931 гг. инженер «Сибгосстроя», зам. руководителя отдела благоустройства Управления местного хозяйства, проектировал и строил ряд зданий в Новосибирске. Впоследствии участвовал в строительстве Турксиба, г. Магнитогорска, Челябинского тракторного завода, МГУ, мавзолея В.И. Ленина; **Баландин С.Н.** Указ. соч. С. 65.
 - ¹⁰ **Сов. Сибирь.** 1926. 10 февр.
 - ¹¹ **Сов. Сибирь.** 1925. 22 апр.
 - ¹² **Баландин С.Н.** Указ. соч. С. 65-66.
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Там же.
 - ¹⁵ **Сов. Сибирь.** 1927. 4 авг.
 - ¹⁶ **ГАНО.** Ф. 1228. Оп. 1. Д. 384. Л. 24-25.
 - ¹⁷ **Сов. Сибирь.** 1927. 23 авг.
 - ¹⁸ **Сов. Сибирь.** 1929. 3 июля.
 - ¹⁹ **Сов. Сибирь.** 1929. 3 июля.
 - ²⁰ **Сов. Сибирь.** 1928. 31 января.
 - ²¹ **Новосибирск.** Энциклопедия. С. 319
 - ²² **Новосибирск.** История города. Новосибирск, 2005. С. 166.
 - ²³ Там же. С. 167.
 - ²⁴ Здесь и далее о проекте см.: Новосибирск. История города. С. 41-42.
 - ²⁵ **ГАНО.** Ф. 1228. Оп. 1. Д. 692. Л. 3; Д. 691. Л. 22-24; Л. 1-3, 6-7.
 - ²⁶ **Сов. Сибирь.** 1930. 9 апреля.
 - ²⁷ **Новосибирск.** История города. С. 168.
 - ²⁸ Там же. С. 44.
 - ²⁹ Там же. С. 167, 170.
 - ³⁰ **Социалистическая** реконструкция г. Новосибирска. М., 1936. С. 72.
 - ³¹ Там же. С. 10.
 - ³² Там же. С. 74-45.
 - ³³ Там же. С. 82.
 - ³⁴ Там же.
 - ³⁵ Там же. С. 81-82.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ДОСУГА И МАССОВОГО ОТДЫХА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ СИБИРИ В 1920 – 1930-е гг.

Формирование индустриально-урбанистического образа жизни в городах Сибири включало в себя интенсивное развитие рекреационной сферы. Большинство городов в Сибири возникали как торгово-административные центры в традиционной сельской среде, поэтому по своей поселенческой и архитектурной природе в начальный период своего развития они были очень похожи на большие деревни. Это определяло слабое развитие или даже отсутствие в городской структуре специальных рекреационных зон. Отсутствовали и традиции городского досуга, связанные с использованием новых возможностей городской среды.

Только с развитием процесса индустриализации в первой половине XX в., ростом численности населения городов и возрастанием в нем доли рабочих и служащих начинает более активно развиваться эта сфера городской повседневной жизни. Так, большинство городских садов и парков в городах Сибири возникали именно в первой половине XX в. Больше внимания стало уделяться организации массового отдыха жителей города. С этой целью организовывалась и улучшалась работа городских садов и парков, создавались новые места массового досуга, оборудовались места отдыха, строились спортивные сооружения. В связи с этим все более распространенной формой досуга жителей городов Сибири становился отдых в зеленых зонах города, посещение городских садов и парков.

В Сибири новые городские сады, парки культуры и отдыха особенно интенсивно создавались в 1930-х гг. Например, в Новосибирске в июне 1931 г. открылся Центральный сад им. Сталина, позднее переименованный в Центральный парк культуры и отдыха. В 1923 г. на левом берегу Новониколаевска был заложен городской сад «Свобода», в 1930-е гг. он существенно расширяется и обновляется, становится главным центром массового отдыха жителей Левобережья, с 1936 г. сад получил более известное нынешним жителям Новосибирска название – сад имени Кирова. В Новокузнецке в 1932 г. был открыт парк культуры и отдыха металлургов, начала действовать водная станция¹.

В Иркутске излюбленным местом отдыха жителей был «Сад Парижской коммуны». Однако его возможности, конечно, не могли удовлетворить потребности такого большого города. Газета «Восточно-Сибирская правда», освещая в начале лета 1932 г. вопросы подготовки к сезону летнего отдыха, подчеркивала необходимость создания в Иркутске новых парков культуры и отдыха².

Жители городов Сибири высказывали определенные претензии к организации массовой работы городских садов. Так, молодые рабочие Новосибирска в ходе опроса, проведенного летом 1929 г. газетой «Молодой рабочий», о проведении свободного времени указывали на необходимость разнообразить формы развлечений, часто в городском саду из развлечений предлагались только буфет и танцы. «Дашь сад-клуб» – требовали рабочие³.

В оценке деятельности органов власти и общественных организаций больше внимания стало уделяться вопросам организации культурно-массовой работы в садах и парках. У жителей городов Сибири было много претензий к этой сфере их работы. Так, газета «Восточно-Сибирский комсомолец» в номере от 30 августа 1932 г. отмечала, что даже городской сад Красноярска, признанный лучшим в Сибири, все-таки не в полной мере удовлетворяет потребностей горожан в культурном отдыхе.

«В саду Парижской коммуны нет культуры, – говорилось в обзоре летней культурной работы садов Иркутска. – Единственное развлечение – играет оркестр, читальня пуста, хотя книги имеются». Администрация и профсоюзы не сумели найти нужные формы и средства, чтобы привлечь жителей города к проведению культурных мероприятий во время посещения городских садов⁴. Отмечались определенные недостатки в организации культурной работы в садах Читы, Канска, других городов Сибири⁵.

В плане улучшения работы городских садов профсоюзы предпринимали меры по активной организации культурного отдыха жителей. В целях воспитания новых навыков в проведении отдыха перед культурными работниками профсоюзов была поставлена задача «привить традицию народного гуляния, придав ей советский характер». При культотделах профсоюзов были организованы курсы «массового действия», на которых их слушатели учились вовлекать отдыхающих в садах и парках в культурно-массовые развлечения, выполнять функции их организаторов⁶. По мере улучшения работы городских

садов возрастало число их посетителей. Так, в 1932 г. в городском саду Красноярска побывало около 148 тыс., в 1933 г. – около 150 тыс. чел.⁷

Свои агитационно-пропагандистские задачи в процессе организации массового отдыха населения городов Сибири решали партийные и советские органы. Это проявлялось в самых неожиданных, иногда гротескных формах. Так, в августе 1934 г. бюро новосибирского горкома ВКП(б) на совместном заседании с президиумом горсовета приняло решение о проведении 6 августа массового праздника «День коня». Идеологической подоплекой празднества должно было стать оживление военно-спортивной работы и усиление внимания к гужевому транспорту. В ходе проведения такого тематического праздника 6 августа были организованы бега на ипподроме, парад повозок, массовые гулянья⁸.

Особенно массовыми были мероприятия и праздники, связанные с обороной страны. 18 августа 1934 г. в Новосибирске с большим успехом прошел День авиации: празднично были оформлены улицы, работало более 100 торговых точек, продающих прохладительные напитки и прочие товары, играло 5 духовых оркестров. По городу прошли массовые шествия, в городском аэропорту были организованы митинг и гулянье, прошли праздничные вечера в Домах культуры⁹.

Традиция массовых народных гуляний на площадях, в садах и парках прочно утверждалась в повседневной жизни населения городов Сибири. В праздничные дни организация таких гуляний, выступления артистов и коллективов художественной самодеятельности на открытых площадках, сценах обязательно входили в программу мероприятий. Так, массовые народные гулянья в рабочих предместьях Иркутска состоялись на ноябрьские праздники 1936 г.¹⁰

В Барнауле к празднованию годовщины октябрьской революции в 1936 г. была разработана обширная программа массового отдыха¹¹. В майские праздничные дни 1937 г. в Иркутске состоялось массовое народное гулянье: в саду Парижской коммуны, куда вход по этому случаю был свободным, играл духовой оркестр, на грузовиках выступали артисты эстрады и цирка. Вечером в центре на ул. К. Маркса были организованы массовые танцы под патефон с усилителем¹².

С возрастанием роли профсоюзов в организации внепроизводственной жизнедеятельности трудящихся популярной формой отдыха в выходные дни стали массовые выезды за город коллективом бри-

гады, цеха или целого предприятия. Например, газета «Власть труда» от 27 июля 1926 г. в обзоре проблем массового отдыха жителей Иркутска писала, что массовые выезды на природу организуются на многих предприятиях города.

Отдых горожан во время таких выездов протекал живо и интересно. Устраивались различные подвижные игры, не забывали о просвещении: организовывались беседы, «политбои», тут же выпускались стенгазеты. В Барнаульском округе в 1928 г. пропагандировался опыт организации экскурсий за город в Белоярске, в ходе которых организовывались «громкие читки», беседы и т.п.¹³

Вопросы организации массового отдыха заняли одно из главных мест в культработе профсоюзов. Профсоюзы выделяли для этого необходимые средства, заботились об организации и транспорте, питании отдыхающих. К летнему сезону – периоду массового отдыха – составлялся специальный план работы профсоюзов. Например, перед летним сезоном 1928 г. в профсоюзных организациях Сибири прошли культсовещания по организации летнего отдыха трудящихся¹⁴.

Усиление внимания к вопросам культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих Сибири положительно отражалось на морально-психологическом климате трудовых коллективов. Например, в рамках декадника по улучшению культурно-бытового обслуживания трудящихся, проведенного 6–16 августа 1931 г. на заводе «Труд», в выходной день был организован «день культурного отдыха и развлечений». В нем приняли участие заводчане со своими семьями, были проведены физкультурные соревнования, лекции, кино, танцы. Все участники мероприятий были очень довольны и просили организовывать такие дни как можно чаще. «Советская Сибирь», рассказав об этом мероприятии в номере от 11 августа 1931 г., обратилась к коллективам других предприятий с предложением перенимать подобный опыт организации отдыха.

Развитию традиций массового отдыха на лоне природы способствовало и то, что почти все крупные города Сибири были расположены на берегах рек, окружены лесами. Газета «Новосибирский рабочий» в своей статье, посвященной организации отдыха трудящихся, обратилась к коллективам предприятий города с предложением шире использовать эти возможности. «Природные богатства Новосибирска – на службу культурному отдыху», – призывала газета. В статье отмечалось, что положительный опыт в этом направлении уже имел

ся на заводе «Сибкомбайн», у транспортников Новосибирска¹⁵. Большое внимание в ходе массовых выездов на природу уделялось организации спортивных мероприятий, широко была распространена сдача норм ГТО во время массового отдыха.

Привычка к активному отдыху в выходные дни постепенно утверждалась в повседневной жизни городского населения Сибири. Однако далеко не сразу многие жители городов, особенно пожилые люди, отказывались от традиционного времяпрепровождения. Много места в повседневной жизни горожан все еще занимал пассивный отдых, негативные формы проведения свободного времени. Так, например, обследование быта железнодорожников на Омской железной дороге в 1928 г. показало, что в выходные дни большая часть из опрошенных железнодорожников предпочитает подольше поспать или просто полежать; затем долго ходят на базар, собираются в гости, устраивают застолья с выпивкой и т.п.¹⁶

В плане преодоления старых привычек проведения выходного дня большое значение имели общегородские массовки, которые проходили как народный праздник, привлекая подавляющее большинство населения города. Так, в Иркутске в 1929 г. попробовали организовывать выезды на природу в масштабах всего города¹⁷.

Положительный опыт организации массового отдыха в общегородском масштабе имелся в Новосибирске. В воскресенье 25 июля 1932 г. здесь прошла уже третья общегородская массовка. Ей предшествовала большая организационная работа, пропагандистская кампания. Проводилась массовка в Ельцовском бору. С утра сюда устремились потоки жителей города, выходявших на массовку всей семьей, были устроены аттракционы, работали буфеты. Всего на массовку собралось около 50 тыс. жителей Новосибирска. Участники массовки в разговорах между собой и в интервью корреспондентам газет говорили о своем положительном отношении к такому проведению выходного дня. Так, рабочие Григорьев, Ескин, Черемных в ответ на вопрос о перспективах таких форм массового отдыха заявили корреспонденту газеты «Новосибирский рабочий»: «Массовка привьется, и рабочие пойдут в свой культурный очаг еще охотнее»¹⁸.

Подобные массовки проводились и в других городах Сибири. В 1932 г. в Омске клуб им. Лобкова организовал выезд, в котором приняли участие более двух тыс. горожан. В другой массовке на берегу Иртыша, прошедшей в один из выходных и посвященной займу

индустриализации, приняло участие около трех тыс. участников¹⁹. Кемеровский рудник и Коксострой 27 июня 1932 г. организовали народное гулянье, в котором участвовало более двух тыс. горожан²⁰.

Массовые выезды за город, на природу стали традиционными в городах Сибири в 1930-е гг. Так, в выходной день 6 июня 1935 г. в г. Усолье Восточно-Сибирского края состоялся общегородской выход на остров на р. Ангара. Через неделю, 12 июня, было проведено массовое народное гулянье, о котором заранее сообщалось в афишах по городу. Почти все предприятия города принимали участие в организации этих мероприятий²¹. Предприятия Барнаула 30 мая 1936 г. провели массовый выход в пригородный бор²².

Несмотря на имевшиеся недостатки, работа по организации массового отдыха постепенно приносила ощутимые перемены в проведении досуга жителей городов Сибири. В повседневной жизни утверждалась привычка к активному отдыху на свежем воздухе, спортивным играм. Все это благотворно сказывалось на здоровье городского населения, производительности труда.

Первая Всесоюзная конференция по вопросам рабочего здравоохранения и массового отдыха, состоявшаяся 20–26 мая 1932 г. в Москве, положительно отметила «наметившиеся в последнее время значительные сдвиги массового рабочего отдыха путем организации парков культуры и отдыха и развития массового спорта и игр». В резолюции конференции подчеркивалось, что «широкое развертывание новых форм отдыха... приобретает особое значение с точки зрения оздоровления широких масс трудящихся, борьбы за высокие темпы социалистического строительства, преодоление капиталистических пережитков в сознании людей.»²³

Городские скверы и парки, стадионы и спортплощадки становились привычным и любимым местом отдыха трудящихся Сибири. Например, по данным обследования, проведенного в 1936 г. среди рабочих завода № 104 (Иркутск), в городских садах и на стадионах они бывают в среднем 1–2 раза в неделю²⁴.

Постепенно в повседневной жизни городского населения Сибири в лучшую сторону изменялось содержание общения с друзьями и родственниками в свободное время. Вместо хмельных застолий все чаще в процессе общения обсуждались события общественно-политической и культурной жизни, проводились совместные любительские и культурные занятия. Многие квартиры горожан превра-

щались в своеобразные клубы. Так, в середине 1930-х гг. в Омске на квартире рабочего Захарченко собирались любители изобразительного искусства, в Прокопьевске в квартире рабочего Герасимова устраивались обсуждения актуальных вопросов политики, в Красноярске в квартире рабочего Алексеева проходили антирелигиозные диспуты²⁵. В сентябре 1935 г. в Омске на квартире рабочего Бубнова – ударника завода им. Рудзутака – проходили дружеские вечера за чашкой чая с обсуждением самых разнообразных проблем²⁶.

Вечера за чашкой чая на квартирах стахановцев с чтением произведений советской литературы и обсуждением других проблем в 1936 г. стали популярными на Барнаульском паровозо-вагоноремонтном заводе²⁷. Подобных примеров в опубликованных и архивных источниках встречается довольно много.

В организации отдыха и общения городской молодежи комсомольские организации стремились утвердить молодежные вечера, призванные заменить старую молодежную «вечерку» с вином и картами. Вместо хмельного веселья предлагались новые формы отдыха, например, комсомольские вечерки с обсуждением произведений советской и классической литературы, диспутами на разные темы и т.п. Определенных успехов в этом направлении добились комсомольские ячейки Новосибирска, ставившие своей целью развитие новых форм общения. «Умирает хулиганская вечерка, комсомольцы предлагают свои формы отдыха», – с удовлетворением отмечала газета «Молодой рабочий»²⁸.

Общение, отвечая естественному стремлению человека к контакту с другими людьми, занимало существенное место в проведении свободного времени в целом. По данным обследований, проведенных в 1920-е гг. и в 1936 г., на различные формы досуга и отдыха, в которых главным содержанием являлось общение с друзьями и родственниками, у рабочих затрачивалось около 6–7 часов в неделю²⁹.

Конечно, было бы упрощением и искажением исторической правды утверждать, что теперь подавляющая часть горожан посвящала все свое свободное время позитивным занятиям: посещению очагов культуры, городских садов и парков, спорту или другим подобным формам досуга. Повседневная жизнь горожан Сибири была далеко не столь благообразной, хватало бытовых забот и проблем, не везде и не всегда была возможность пойти в городской сад или клуб, распроstrанной оставалась привычка к алкогольному веселью. Но

возможности городского образа жизни, для которого характерно интенсивное развитие сферы проведения свободного времени, все же постепенно меняли привычки и интересы жителей городов Сибири.

Данные анкетных опросов показывают, что все большее число жителей городов использовало свое свободное время для активного и культурного отдыха. Так, по данным анкетирования горняков Прокопьевска, проведенного газетой «Ударник Кузбасса» в июле 1935 г., на вопрос: «Как Вы провели выходной день?» – 39 % ответивших указали, что они находились дома, читали художественную литературу или занимались домашними делами. 36 % опрошенных посетили театр, клуб или места массового отдыха, 14 % были в гостях или сами принимали гостей, 11 % опрошенных не смогли сказать ничего определенного о своих занятиях³⁰.

Наряду с посещением мест массового отдыха у горожан Сибири становились популярны и другие виды активного отдыха. Новым явлением в организации массового отдыха стало развитие туризма. Сибирский краевой совет профсоюзов летом 1927 г. и летом 1928 г. организовывал экскурсии в Горный Алтай. Группы туристов формировались из всех городов Сибири. В 1927 г. было проведено семь экскурсий, в которых приняло участие 140 чел., в 1928 г. – 11 экскурсий с числом участников 258 чел.³¹

В 1928 г. в СССР было организовано Общество пролетарского туризма³². В городах Сибири активно создавались ячейки Общества, 70 % их членов составляли рабочие. 27 января 1930 г. в Сибири состоялась Первая краевая конференция Общества пролетарского туризма³³.

Общество развернуло работу по организации туризма, вовлечению в свои ряды новых членов. В Омске осенью 1929 г. было организовано отделение Общества, которое быстро завоевало признание у жителей города, интересующихся туризмом. Особенно часто проводились экскурсии на передовые предприятия, в живописные уголки природы и т.п.³⁴ В Иркутске на март 1931 г. насчитывалось 12 ячеек Общества, в которые входило 700 человек, в Красноярске – 20 ячеек, охватывавших 900 членов Общества³⁵.

В 1930-е гг. туризм продолжал развиваться и приобретать популярность. Так, в Западно-Сибирском крае в 1933 г. 245 чел. отдохнули по путевкам Всесоюзных туристских маршрутов, 165 самостоятельно совершили путешествия по стране, в экскурсиях по городам и

новостройкам Сибири участвовало 18367 чел. В 1935 г. эти показатели возросли соответственно до 264, 655 и 33263 чел.³⁶ Развитие туризма также помогало становлению новых навыков в организации и проведении отдыха жителей городов Сибири.

Внедрение в повседневную жизнь физкультуры и спорта, туризма и других активных форм отдыха положительно сказывалось на укреплении здоровья городского населения. Тем же, кто нуждался в специальном лечении и профилактике болезней, на время отпуска предоставлялись путевки в сибирские или дальние санатории и на курорты. В течение 1926–1929 гг. около 60 тыс. рабочих Сибири побывало на курортах, в санаториях и домах отдыха. Такое сочетание туризма с лечением и профилактикой также постепенно становилось привычным явлением повседневной жизни горожан.

В 1931 г. среди рабочих Западной Сибири путевки на курорты получили 10507 чел., побывало в санаториях и домах отдыха 25173 чел.³⁷ В санаторно-курортном обслуживании приоритет предоставлялся рабочим: из отдыхавших на курортах в 1930 г. доля рабочих составляла 79 %, в домах отдыха – 71 %, в 1931 г. эта доля выросла соответственно до 88 % и 83 %³⁸. Развитие сети лечебно-профилактических учреждений и увеличение государственных расходов на медицинское обслуживание создавало более широкие возможности для лечения и отдыха жителей городов Сибири. В 1935 г. в домах отдыха, санаториях и на курортах побывало 82,2 тыс. чел., а в 1936 г. – около 100 тыс.³⁹

У жителей городов Сибири были популярны и такие виды активного отдыха, как охота, рыболовство, сбор грибов и ягод и т.п. Однако, к сожалению, каких-либо обобщающих данных об этих видах отдыха в источниках не встречается. Так, в обзоре ВЦСПС за 1928 г., посвященном организации отдыха рабочих и служащих, отмечалось, что хотя охотничий спорт, например, широко развит, однако организационно он не оформлен, поэтому трудно привести какие-либо цифровые показатели, характеризующие его развитие⁴⁰. В сибирских архивах содержатся лишь отрывочные сведения о работе профсоюзов в этом направлении. Например, имеются сведения, что в годы второй пятилетки на многих предприятиях Восточно-Сибирского края были организованы ячейки Общества охотников-рыболовов⁴¹. Барнаульский городской профсоюзный совет летом 1936 г. активно занимался организацией кружков рыбаков, ягодников, охотников⁴².

Можно сказать, что профсоюзы Сибири поддерживали инициативу и усилия по развитию самых разнообразных форм отдыха, которые отвечали разумным потребностям человека.

Таким образом, в рассматриваемый период интенсивно развивались позитивные изменения в проведении досуга и массового отдыха горожан Сибири. В структуре свободного времени утверждались новые виды жизнедеятельности: отдых в городских садах и парках, любительские занятия, физкультура, туризм и т.п. Были достигнуты определенные успехи в организации массового отдыха.

В целом структура использования свободного времени горожан Сибири постепенно изменялась в сторону приобретения характера и направленности, способствующих полноценному культурному отдыху и развитию личности. Все это свидетельствовало о формировании черт индустриально-урбанистического образа жизни у городского населения Сибири.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а*

¹ **НФ ГАКО.** Ф.3. Оп.1. Д.2. Л.19.

² **Восточно-Сибирская правда.** 1932. 11 июля.

³ **Молодой рабочий.** 1929. 12 июня.

⁴ **Восточно-Сибирский комсомолец.** 1932. 14 авг.

⁵ Там же. 30 авг.

⁶ **ГАНО.** Ф. Р-627. Оп.1. Д.404. Л.91.

⁷ **Народное хозяйство и культура Красноярска и района.** Красноярск, 1934. С.149.

⁸ **ГАНО.** Ф. П-22. Оп.1. Д.80. Л.2.

⁹ Там же. Л.9-10, 21.

¹⁰ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп.2. Д.583. Л.37.

¹¹ **Сибирский текстильщик.** 1936. 28 окт.

¹² **ГАИО.** Ф. Р-604. Оп.1. Д.35. Л.6.

¹³ **ЦХАФАК.** Ф. Р-78. Оп.2. Д.175. Л.26.

¹⁴ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.549. Л.122.

¹⁵ **Новосибирский рабочий.** 1931. 7 июля.

¹⁶ **Сибирский медицинский журнал.** 1928. № 8. С.21.

¹⁷ **Власть труда.** 1929. 26 июля.

¹⁸ **Новосибирский рабочий.** 1932. 24, 26 июля.

-
- ¹⁹ **Советская Сибирь**. 1932. 2 дек.
- ²⁰ Там же. 1932. 4 июля.
- ²¹ **ГАИО**. Ф. Р-2280. Оп.2. Д.444. Л.203.
- ²² **ЦХАФАК**. Ф.Р-333. Оп.1. Д.169. Л.50.
- ²³ **ГАИО**. Ф.Р-523. Оп.3. Д.110. Л.44, 45.
- ²⁴ **ГАИО**. Ф. Р-2280. Оп.2. Д.519. Л.109.
- ²⁵ Там же, Д.84. Л.20.
- ²⁶ **ГАОО**. Ф.Р-763. Оп.1. Д.222. Л.20-21.
- ²⁷ **Горн.** (Орган профкома и администрации Барнаульского паровозо-вагоноремонтного завода) 1936. 11 июня.
- ²⁸ **Молодой рабочий**. 1929. 25 янв.
- ²⁹ **Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.** Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С.149.
- ³⁰ **Ударник Кузбасса**. 1935. 8 июля.
- ³¹ **ГАРФ**. Ф.5451. Оп.12. Д.601. Л.33-35.
- ³² **ГАРФ**. Ф.5451. Оп.12. Д.601. Л.4-18.
- ³³ **Молодой рабочий**. 1930. 20 янв.
- ³⁴ **ГАОО**. Ф.Р-690. Оп.1. Д.98. Л.244; Ф.Р-337. Оп.4. Д.31. Л.21.
- ³⁵ **Восточно-Сибирская правда**. 1931. 25 марта.
- ³⁶ **ГАНО**. Ф.П-3. Оп.10. Д.1146. Л.27-28.
- ³⁷ **ГАНО**. Ф.Р-627. Оп.1. Д.52. Л.36; Д. 866. Л.7.
- ³⁸ Там же. Д.697. Л.110.
- ³⁹ **Восточно-Сибирская правда**. 1935. 15 июля; **ГАНО**. Ф.Р-627. Оп.1. Д.1642. Л.2; **ГАОО**. Ф.Р-763. Оп.1. Д.209. Л.4.
- ⁴⁰ **ГАРФ**. Ф.5451. Оп.12. Д.549. Л.46.
- ⁴¹ **ГАИО**. Ф.Р-2280. Оп.2. Д.411. Л.11.
- ⁴² **ЦХАФАК**. Ф. Р-333. Оп.1. Д.169. Л.50.

**МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАБОЧИХ
ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941 – 1945).**

Изучение повседневной жизни молодых рабочих оборонных предприятий является одной из актуальных и новых проблем. В последние полтора десятилетия историки получили доступ к архивным фондам, где хранятся документы о возникновении и деятельности военных заводов. С другой стороны, после отказа от классового подхода к реконструкции и интерпретации социальных явлений, рабочая молодежь в отечественной науке рассматривается как самостоятельный объект и субъект исторического процесса. В связи с этим важно исследовать новые аспекты ее формирования и развития, в частности проблему повседневности молодых тружеников тыла в условиях военного времени.

Предметом изучения в данной статье является повседневная жизнь молодого поколения рабочих оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Понятие «повседневная жизнь» определяется как социокультурная реальность, включающая различные сферы повседневности – семейно-брачную, материально-бытовую, культурно-досуговую, интимно-личностную, уличную и т.д. В данном случае рассматриваются быт, культурная жизнь и досуг рабочей молодежи. В зависимости от условий социальной среды «непосредственного обитания» человека юноши и девушки усваивали бытовые навыки, опыт проведения свободного времени, прямо и опосредовано влиявшие на их мотивацию к труду.

Одним из факторов, воздействовавших на повседневную жизнь трудящихся, являлся уровень оплаты труда. В годы Великой Отечественной войны в оборонной промышленности Западной Сибири произошло его повышение (табл.1). В 1942–1944 гг. заработная плата рабочих составляла от 491 до 760 руб. На заводе № 653 ее максимальный размер достигал 592 руб., № 605 – 651, № 325 – 714, № 635 – 760. Эти данные позволяют выявить средний уровень оплаты труда рабочей молодежи, но они не дают возможности обнару-

жить различия в материальном положении подростков и молодых людей.

Таблица 1

**Средняя оплата труда рабочих оборонных предприятий
западносибирского тыла, руб.***

Завод	1942 г.	1943 г.	1944 г.
635	667	695	760
325	–	592	714
605	491	651	593
653	574	538,5	591,5

*ГАКО. Ф.791. Оп.1. Д.2. Л.27, 37, 58; ГАНО. Ф.11. Оп.46. Д.92. Л.25;
ГАТО. Ф. Р-053. Оп.1. Д.5. Л.27, 33.

Размер заработной платы зависел, прежде всего, от социально-профессионального статуса рабочей молодежи. При поступлении юношей и девушек на оборонные предприятия их оплата труда устанавливалась в соответствии с тарифной ставкой ученика. В 1942 г. на заводе № 653 она достигала в среднем 223 руб., 1943 – 212, 1944 – 158. Заработок учеников составлял от 26,7 до 38,6 % заработной платы квалифицированного рабочего. Зарплата начинающих работать на предприятии подростков и молодых людей, не имевших квалификации, была в несколько раз ниже, чем у опытных рабочих, что оказывало влияние на условия их повседневной жизни.

Молодые рабочие, не имевшие опыта индустриального труда и выполнявшие элементарные производственные операции, также получали низкую заработную плату. Так, 15 октября 1942 г. заместитель начальника облтрудрезервов Смирнов отмечал, что у выпускников томского РУ № 10 – Г. Казакова, А. Соловьева, Е. Макарова, П. Бомбенко, изготавливавших шаблоны вместо деталей, заработок составлял 130 руб.¹. В данном случае, на уровень оплаты труда влияла слабая профессиональная подготовка подростков и молодых людей.

В целом заработная плата устанавливалась в зависимости от специальности и квалификации молодых рабочих. В начале 1944 г. на заводе № 635 почасовая оплата труда сдельщиков составляла от 2 руб. 08 коп. до 6 руб. 43 коп. (табл.2). Прессовщик 6 разряда получал 2 руб. 93 коп., плавильщик – 6 руб. 43 коп. Плотник 4 разряда зарабатывал 2 руб. 08 коп, 5 разряда – 2 руб. 62 коп. За 12-ти часовую смену столяр 5 разряда получал 31 руб. 56 коп.,

заливщик – 64 руб. 20 коп. Самая низкая заработная плата за смену достигала 24 руб. 96 коп., высокая – 77 руб. 16 коп. Эти данные свидетельствуют о значительной дифференциации в оплате труда рабочих.

Таблица 2

**Почасовая оплата труда сдельщиков на заводе № 635
на 1 января 1944 г.***

Специальность	Квалификация, разряд	Почасовая оплата труда, руб., коп.
слесарь	5	2-64
токарь	5	2-79
плотник	4	2-08
плотник	5	2-62
столяр	5	2-63
сверловщик	4	3-39
чистильщик резьбы	4	2-93
плавильщик	6	6-43
заливщик	5	5-35
прессовщик	6	2-93
транспортировщик	4	2-65
грузчик	4	3-20

*ГАОУ. Ф.1117. Оп.1. Д.31. Л.68-69.

Значительные различия в заработной плате рабочей молодежи были характерны для многих предприятий оборонной промышленности. В марте 1943 г. на заводе № 644 зарплата молодого рабочего составляла от 200 до 800 руб., в конце 1943 г. – от 250 до 1000. На заводе № 520 стахановец Гордышев заработал 821 руб., Головня – 819, Берестов – 649, Варнавский – 644, Худяков – 600, Уколов – 427, Белкин – 401². Следовательно, разница между заработками молодых рабочих составляла от 2 до 4 раз.

Условия повседневной жизни военного времени способствовали значительному снижению реального содержания заработной платы. Уменьшение ее роли в материальном обеспечении трудящихся обуславливалось постоянным повышением рыночных цен на продовольственные и промышленные товары. Значительная часть заработка уходила на уплату военного налога, займов по государственным облигациям, на выплаты в фонд обороны. Снижению размера оплаты труда также способствовали штрафы за невыполнение норм выработки, изготовление бракованной продукции.

Скудность материального положения составляла характерную черту быта военного времени. Юноши и девушки, прибывавшие на оборонные предприятия, были вынуждены приспособляться к жилищно-бытовым условиям заводских общежитий, скудному питанию. Широкомасштабная эвакуация населения из прифронтовых районов в индустриальные центры Западной Сибири обострила жилищную проблему. 13 сентября 1941 г. Совнарком СССР издал постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». В городах западносибирского тыла развернулось строительство землянок, бараков, в которых размещались рабочие эвакуированных предприятий и их семьи. Для поселения людей использовались также помещения хозяйственных и культурных зданий, дополнительная площадь, освобождавшаяся за счет уплотнения жильцов квартир и частных домов.

Предприятия использовали различные формы жилищного обеспечения рабочей молодежи – заводские общежития, подселение на частные квартиры и т.д.. В 1942 г. по 12 оборонным предприятиям Новосибирска насчитывалось более 300 общежитий. В них проживали 22432 чел, в том числе на заводе № 153 в 33 общежитиях – около 4 тыс. чел. На заводе № 590 в 6 бараках размещались 208 выпускников ремесленных училищ, на подселении – 58. В октябре 1942 г. в Кемерово на комбинате № 392 из 940 чел, закончивших РУ и школы ФЗО, в общежитиях проживали 580, на частных квартирах – 360³.

Уроженцы городов, поступая на предприятия по месту жительства, как правило, оставались жить в родных семьях. В первый год войны молодой рабочий завода им. Чкалова В.Л. Соскин проживал у родителей. Каждый день по пути на работу и обратно он проходил по несколько километров. Юноши и девушки, прибывавшие на военные заводы из сел, поселков и районных центров, размещались в общежитиях, относившихся к различным типам жилой застройки. Они жили в одно- и двухэтажных каменных, деревянных, брусчатых домах, каркасно-насыпных бараках, землянках. В 1942 г. в Новосибирске на заводе № 556 в двухэтажном брусчатом доме площадью 638 кв. м проживали 159 учащихся школы ФЗО. В 1944 г. Томское ремесленное училище № 10 имело в своем распоряжении деревянный двухэтажный дом с 11 комнатами общей площадью 204 кв. м и каменное здание, где находилось двухкомнатное обще-

житие в 112 кв. м. В этих жилых помещениях размещались 98 учащихся⁴.

Многие молодые рабочие жили в приспособленных под жилье помещениях. В 1942 г. на заводе № 635 юноши и девушки размещались в общежитиях, созданных на площадях артиллерийских складов. В 1943 г. их переселили в двухэтажные деревянные дома с мансардами, но положение значительно не улучшилось, так как большинство домов требовали капитального ремонта. На 1 января 1945 г. общая жилплощадь в домах завода № 635 составляла 4426 кв. м, а в землянках и каркасно-насыпных бараках – 17343.

В июне 1943 г. в Новосибирске работники Госсанэпидемстанции обследовали общежития, находившиеся в подвалах многоэтажных домов. В их сырых и темных помещениях проживали учащиеся ремесленных училищ. В справке, составленной по итогам рейда, отмечалось, что подвалы совершенно непригодны для проживания. Руководству облтрудрезервов рекомендовалось переселить подростков в бараки и дома⁵.

Проживание рабочей молодежи в подвалах, землянках, зданиях хозяйственного и культурно-бытового назначения обуславливалось острым дефицитом жилья. В ноябре 1942 г. в Сталинске в 6 комнатах общежития ремесленного училища № 23, общая площадь которых составляла 765 кв. м, проживало 400 чел. В среднем один учащийся РУ занимал менее 2 кв. м. В 1943 г. в Новосибирске на заводе № 644 в одном из домов в комнате № 2 площадью 25 кв. м размещалось 10 молодых рабочих. На каждого из них приходилось 2,5 кв. м. В феврале 1945 г. в Томске на оборонных заводах норма жилплощади в общежитиях составляла в среднем 3,6 кв. м, в том числе на заводе № 690 – 3,6, 838 – 3,7, 653 – 2,7, 631 – 3,8, 765 – 3,4, Томском электромеханическом – 4,5⁶.

В общежитиях отсутствовали нормальные бытовые условия. В 1942 г. на заводе № 564 в бараках, где размещались молодые рабочие, протекали крыши, через щели у оконных переплетов в комнаты проникал холодный воздух. Снег падал прямо на койки. Внутри помещений не было освещения, отопления, канализации. Территория вокруг общежитий засорялась мусором, пищевыми отходами. Мусорные ямы находились рядом с бараками, помой иногда выливались на улицу через окна.

Молодые рабочие были вынуждены приспосабливаться к тяготам и лишениям повседневной жизни. В ноябре 1941 г. в Кемерово в РУ № 5 в жилых помещениях, вместо кроватей, стояли 3-х ярусные нары. Койко-мест не имели 142 чел, матрацев – 29, подушек – 69, одеял – 21. В комнатах и коридорах царила антисанитария. В конце 1942 г. в Томске в общежитиях школы ФЗО № 16 находились двухъярусные нары, отсутствовали столы, стулья, вешалки. Подростки и молодые люди хранили вещи под нарами и матрацами. В бараке школы ФЗО № 10 жильцы спали по двое на одном топчане. В апреле 1943 г. в Новосибирске в общежитии ремесленного училища № 4 не хватало корыт для умывальников, табуреток, вешалок, скамеек, коек, матрасов, простыней. Антисанитарные условия часто приводили к появлению вшей и клопов⁷.

Молодые рабочие повсеместно испытывали острую нехватку одежды и обуви. Документы свидетельствуют, что в мае 1943 г. в Кемеровской области на заводе № 606 летняя одежда отсутствовала у 48 подростков и молодых людей, сменного нательного белья не имело до 90 % жильцов рабочих общежитий. На заводе № 677 около тысячи молодых рабочих не имели обуви. Девушки получили обувь 39-40 размера, юноши – 43, которая была для них велика. В июне 1944 г. на комбинате № 179 сотни подростков ходили на работу без нательного белья, в грязных ватных брюках и фуфайках.

Из-за отсутствия пригодных жилых помещений, одежды, обуви молодые рабочие часто оставались ночевать прямо в цехах. В конце 1942 г. в производственных помещениях завода № 65 жили 727 чел. В начале 1945 г. на комбинате № 179 подростки Алексеев и Аверкин круглые сутки находились на предприятии по причине отсутствия мест в общежитиях. Рабочий Бондарь, не имевший обуви, ночевал в цехе 2 месяца⁸.

Одной из острых проблем повседневной жизни западносибирского тыла, наряду с тяжелыми жилищно-бытовыми условиями, являлся дефицит продуктов питания. В годы войны действовала жесткая карточная система продовольственного обеспечения населения, в том числе трудовых коллективов оборонных предприятий. С 1 сентября 1941 г. карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия были введены в Новосибирске и Томске, с 10 ноября – в небольших городах и рабочих поселках Новосибирской области. С 1 ноября 1941 г. вводились карточки на мясо, рыбопродукты, жиры, крупу, макароны.

Карточная система осуществляла дифференцированное распределение продовольствия между 4 категориями населения: рабочими, служащими, иждивенцами и детьми до 12 лет. Рабочие ведущих отраслей народного хозяйства, в том числе оборонной промышленности, получали в день по 800 г хлеба. На месяц им выдавалось по 2 кг мяса, 1,5 кг крупы и макарон, 600 г жиров, 600 г сахара. Продовольственные карточки отоваривались в магазинах, прикрепленных к предприятиям, на которых создавались отделы рабочего снабжения, занимавшиеся как торговлей, так и организацией сети общественного питания для трудящихся⁹.

Карточная система продовольственного обеспечения распространялась и на молодых рабочих военных заводов. Они отоваривались продуктами питания по установленным нормам, которые, как правило, не соблюдались. Часто одни продукты заменялись на другие, менее качественные. Нехватка продовольствия возникала в связи с перебоями в централизованных поставках, с воровством работников торговли и разнообразными «утечками» и перераспределением пайков для служащих заводских администраций, представителей обкомов и горкомов партии. В 1-м квартале 1943 г. в Новосибирске столовая школы ФЗО № 22 не получила 8 кг мяса, 195 кг крупы, 10 кг жиров, 170 кг сахара, 1785 кг овощей, 29 кг муки, 1538 кг картофеля, 811 яиц. С 1 января по 1 мая 1944 г. в Киселевске в РУ № 22 столовым не хватало 328,7 кг сахара, 57,5 кг крупы, 64,6 кг жиров, 103,4 кг сыра. Сверх нормы учащимся было выдано 174,5 кг мяса¹⁰.

В начале декабря 1942 г. на партсобрании завода № 635 обсуждался вопрос о продовольственном обеспечении рабочих. Выступавшие отмечали несколько причин плохого питания трудящихся – перевозка хлеба в антисанитарных условиях, неудовлетворительная организация заготовок продовольствия, воровство продуктов работниками столовых, отсутствие контроля за их выдачей. 11 марта 1943 г. партторг Уманский на заседании партбюро отметил, что в столовой № 1 рабочим выдан обед, «который по нормам выхода продуктов, исходя из закладки, не соответствовал нормативам. Суп содержал только признаки картофеля и жира, хотя закладка состояла из 200 г картофеля и 10 г сливочного масла»¹¹.

Документы свидетельствуют о том, что работники магазинов, столовых «обвешивали» молодежь, выдавая ей продукты по заниженным нормам. Так, осенью 1942 г. на комбинате № 392 в ходе

проверки столовой № 16 контролеры установили, что буфетчица Белых не довешивала по 25 г хлеба каждому. За продовольственные махинации она была снята с работы и отдана под суд.

Карточная система являлась суровым испытанием для молодых рабочих. Иногда подростки и молодые люди теряли карточки и оставались без гарантированного пайка. В 1943 г. на одном из военных заводов Новосибирска у рабочего Михайлова пропали карточки. Руководство цеха не оказало ему своевременной помощи. В результате молодой рабочий умер от голода¹².

Все названные недостатки продовольственного обеспечения трудящихся оказывали влияние на нормы, качество и структуру питания рабочей молодежи. Обеды в столовых готовились иногда из испорченных продуктов, которые плохо проваривались. 19 октября 1943 г. в партийную организацию завода № 635 поступил акт, составленный рабочими пароводяного цеха. В нем отмечалось чрезвычайно низкое качество обеда, выданного в столовой № 1. «Картофельный суп черного цвета сварен из картофеля, который почищен исключительно плохо – суп пахнет навозом и к употреблению совершенно не пригоден»¹³. Партбюро завода признало протест трудящихся справедливым.

Труженики тыла вспоминают о том, что меню военных лет часто состояло лишь из воды с плохо очищенным картофелем или грубо нарубленной капустой. Так, ветеран Томского Подшипникового завода Е.Р. Квятковский отмечал, что в столовой предприятия на обед, как правило, выдавался суп с мороженой капустой, несколькими картофелинами и перловкой, заправлявшийся хлопковым маслом. В Новосибирске на заводе № 644 подростки и молодые люди получали, в основном, суп из лапши, пшена, картофеля и овощей, изредка – рыбу, мясо и молочные продукты. Обеды были очень низкокалорийными. «Придешь с обеда и не знаешь, обедал или нет, все равно есть хочется»¹⁴ – отмечала в письме к родственникам ученица РУ № 14 Звягина, выражая чувства и настроения молодых рабочих, трудившихся на оборонных предприятиях в годы войны.

На предприятиях и в учебных заведениях гострудрезервов устанавливались нормы продовольственного обеспечения рабочей молодежи. В марте 1945 г. в школе ФЗО № 27 каждый учащийся должен был получить на месяц 1400 г крупы, 2300 г мяса или рыбы, 12 кг картофеля, 9 кг овощей, 750 г жиров, 600 г сахара, 150 г сыра,

30 г чая, 6 яиц. Фактически эти нормы выдерживались лишь приблизительно. В результате в структуре питания подростков и молодых людей преобладали картофель и овощи.

В годы войны частота приема пищи колебалась в зависимости от объема продовольственных фондов предприятий. Бывало так, что юноши и девушки питались только один раз в день. Иногда передовики производства получали дополнительно стахановские обеды. Всем остальным приходилось готовить пищу в общежитиях, в которых не всегда для этого были соответствующие возможности¹⁵.

В столовых часто отсутствовали условия для приема пищи. В декабре 1942 г. в столовой № 1 завода № 208 не хватало освещения, мест, посуды. Завтрак для учащихся ремесленных училищ выдавался за 20 мин. до начала смены. Подростки, не успевавшие поесть, опаздывали на работу. В апреле 1943 г. в столовой ФЗО № 32 юноши и девушки употребляли суп и чай из одной миски. Из-за недостатка столовых принадлежностей учащиеся брали картофель и овощи руками, а суп выпивали через край тарелки¹⁶.

В начальный период войны в условиях развертывания производственных мощностей эвакуированных предприятий решение материально-бытовых проблем трудящихся оставалось второстепенной задачей. Примерно с 1943 г. администрации, партийные и комсомольские организации начали уделять более серьезное внимание улучшению жилищных условий, питанию, обеспечению молодых рабочих одеждой и обувью. В бараках заводов № 69 и 617 были отштукатурены и побелены стены, покрашены двери, зашпаклеваны оконные рамы. Помещения стали чистыми, светлыми и уютными. В школе ФЗО № 20 в 3-х деревянных и брусчатых домах, где размещались подростки и молодые люди, было проведено центральное отопление, водопровод, канализация, электроосвещение, открыты прачечная, 3 изолятора, 4 умывальных, 3 сушилки, комнаты личной гигиены для девушек, медпункт. В школе ФЗО № 27 в жилых помещениях для создания комнат учащиеся возвели перегородки, деревянные нары заменили железными кроватями. В прачечной завода была организована стирка белья, открыта сапожная мастерская. Юноши и девушки получили нательное белье, постельные принадлежности и обувь. При подготовке к зиме 1943/44 гг. на заводе № 644 молодым рабочим выданы 32 тумбочки, 56 табуреток, 12 столов, 60 вешалок, 700 пар обуви, 50 пар белья, 30 пар варежек,

60 фуфаяк, 5 хлопчатобумажных костюмов, 50 дамских носок, 100 чулок. В мае 1944 г. в Киселевске учащиеся РУ № 22 получили 799 мужских рубашек, 544 кальсон, 689 дамских сорочек, 158 трико, 159 пар мужской и 136 пар женской обуви. При посещении бани юношам выдавалось 25 г мыла, девушкам – 40. В сентябре–декабре 1944 г. на комбинате № 179 общежития рабочей молодежи получили 1100 железных кроватей, 861 тумбочку, 3600 табуреток, 630 столов, 450 ведер, 150 тазов. Юношам и девушкам выдали 4560 простыней, 3519 одеял, 6071 матрац, 2992 наволочки¹⁷.

Вещи повседневного спроса в военные годы выглядели своеобразно. Молодые рабочие носили тапочки и ботинки, верх которых состоял из хлопчатобумажной ткани, а подошва была изготовлена из дерева. К зиме выдавались ватные «стеганки», которые соединялись с галошами, фуфайки и брюки, покрытые бязью.

На оборонных предприятиях создавались организации по бытовому обслуживанию рабочих. Осенью 1942 г. на заводе № 69 возникла мастерская по пошиву и починке одежды, обуви, парикмахерская. В 1943 г. на заводе № 635 создан бытовой комбинат, включавший пошивочные мастерские и парикмахерские.

В общежитиях создавались бытовые советы, способствовавшие благоустройству помещений, обеспечению рабочей молодежи одеждой и обувью. В конце 1944 г. на заводе № 153 в одном из барачков образован бытсовет под руководством комсомольца Кислого. По инициативе его членов открылась прачечная, в красных уголках появились скамейки и тумбочки. Для обеспечения общежития топливом комсомольцы организовали коллективный выезд молодежи за опилками.

Для воспитания у подростков и молодых людей позитивных бытовых навыков комсомольские организации проводили конкурсы на лучшие комнаты. В феврале 1944 г. молодые рабочие завода № 296 обязались в течение месяца соблюдать чистоту в жилых помещениях, содержать в порядке имущество, соблюдать правила внутреннего распорядка и посещать баню раз в неделю. Победителей награждали репродукторами, чайниками, стульями, столами, тумбочками, занавесками.

Юноши и девушки, проживавшие самостоятельно, как правило, не получали такой помощи. На плечах 16-летнего подростка Белкина, трудившегося на заводе им. Чкалова, остались 5 малолетних

братьев и сестер. Семья оказалась в очень тяжелом положении. «Комната примерно 18 кв.м. Стоит грубо срубленный стол, в углу подобие нар, на нарах маленькая кучка трепья, на закопченной стене висит столярная ножовка, а у порога ржавое ведро, в котором 4–5 кг картофеля – весь съестной припас этой большой семьи и на полу оборванные чумазые ребятишки»¹⁸ – отмечал комсорг цеха № 3 Яковлев. Несмотря на то, что семья молодого рабочего испытывала лишения, ей длительное время не оказывалась материальная поддержка.

На оборонных предприятиях принимались меры по улучшению продовольственного обеспечения рабочих: осуществлялось расширение сети ОРСов, продовольственных магазинов и столовых, усиливался контроль за распределением продуктов питания. В 1942–1943 гг. на предприятиях Новосибирска было создано 79 ОРСов. В 1944 г. на заводе № 635 проводилась аттестация всех работников ОРСа, вводился учет выдачи талонов на спецпитание рабочим вредного производства, расширилось и улучшилось меню в столовых. Пристальное внимание обращалось на питание молодых рабочих, особенно проживающих в общежитиях. Комсомольские организации стремились перевести их на двух- или трехразовое питание в столовых предприятий. С февраля 1945 г. на заводах Дзержинского района Новосибирска ученики ремесленных училищ и школ ФЗО стали питаться три раза в день¹⁹.

Несмотря на принимаемые меры, система централизованного продовольственного обеспечения не могла полностью удовлетворить потребности рабочей молодежи в питании. Его дополнительными источниками являлись подсобные хозяйства, индивидуальное и коллективное огородничество, децентрализованные заготовки. Для обеспечения поставок продовольствия на заводы в введение ОРСов передавались совхозы. В 1942 г. УРС комбината № 179 получил в распоряжение 2 совхоза, 1943 – 8. В 1943 г. из них в столовые предприятия поступило 5,6 тыс. т картофеля, 4,6 тыс. т овощей, свыше 1,5 тыс. л молока, 67 тыс. шт. яиц, 314 т мяса и 20 т масла. В 1944 г. трудовой коллектив завода № 69 из подсобного хозяйства получил 51 т мяса и рыбы, 217 т молока и молочных продуктов, 24,5 т крупы. Благодаря этому 1050 молодых рабочих получали трехразовое питание²⁰.

Другим источником поступления продовольствия служили огороды. В 1944 г. на комбинате № 179 молодежи юнгородка было отведено 10 га, на которых выращивались картофель и овощи.

Часть продуктов питания приобреталась на городских рынках. Молодые рабочие приобретали у частных торговцев картофель и овощи, реже молоко и мясо. Высокие рыночные цены являлись значительным препятствием для покупки продовольственных товаров. Не имея достаточных средств, молодежь обменивала вещи на продовольствие в пригородных селах²¹.

Не дожидаясь получения помощи от администрации, профсоюзных и комсомольских организаций, юноши и девушки часто самостоятельно решали бытовые проблемы, изготавливая одежду из подручных средств, обеспечивая себя дополнительным питанием. Для зачистки изделий в цехах выдавалось наждачное полотно на хлопчатобумажной основе. Сбереженные куски ткани работницы отстирывали и шили из них платья, халаты. Марля от повязок-распираторов использовалась для изготовления блузок. Из ветоши с хлопчатобумажной пряжей, предназначенной для протирки металлических поверхностей, тщательно выбирались нитки и из них вязались кофты и платки. В общежитиях или прямо в цехах юноши и девушки облепляли железные печи картофельными очистками и пекли их, парили кисель из овсяной шелухи, готовили супы из крапивы. Нередко подростки и молодые люди охотились на голубей и собак, воровали овощи из частных огородов²².

Условия повседневной жизни оказывали значительное влияние на поведенческие реакции молодых рабочих, в связи с чем их бытовое поведение принимало как позитивные, так и негативные формы. 25 февраля 1943 г. инструктор Пахарькова сообщала в Новосибирский обком ВЛКСМ, что на заводе № 644 подростки кидали под кровати картофельную шелуху, сморкались и плевали на пол. На заводе № 386 в бараках № 4 и 5 молодые рабочие разбили стекла, «ходили по естественным надобностям» в коридорах и на лестничных площадках, отбирали у учащихся школы ФЗО хлеб, одежду, обувь, обменивали и продавали вещи, воровали продовольственные карточки²³.

Подростки придумывали оригинальные развлечения. Одной из распространенных забав молодых рабочих на Томском подшипниковом заводе являлась игра в войну. Они снимали с себя вшей, бро-

сали на карту СССР и давили их, когда те подползали к Москве – «Танки Гудериана не пройдут!»²⁴.

Из-за высокой занятости на производстве у молодежи было очень мало свободного времени. Длительный рабочий день, производственное обучение лишали подростков и молодых людей даже малейшего отдыха, необходимого для восстановления сил. Постоянные физические и психологические нагрузки вызывали усталость, обуславливали падение их мотивации к труду и безразличное отношение к материально-бытовому положению. Но постепенно трудности преодолевались. Огромную роль в этом играли комсомольские организации. Они стремились всячески поддержать молодежь, обеспечить не только высокую производительность труда, но и минимальное качество жизни, которого можно было достичь в условиях военного времени.

С целью организации отдыха подростков и молодых людей комсомольские комитеты оборонных предприятий стремились провести интересные мероприятия для рабочей молодежи. Наиболее часто проводились кинолектории, при отсутствии стационарных клубов демонстрировались фильмы с помощью передвижных киноустановок. В 1942 г. на заводе № 564 юноши и девушки просмотрели 248 кинокартин. На заводе № 838 молодые рабочие посещали киносеансы 2-3 раза в неделю. В 1944 г. в ремесленных училищах и школах ФЗО было организовано 1809 культпоходов в кино и театры, в которых приняли участие 19 тыс. чел.²⁵.

Молодые рабочие принимали участие в художественной самодеятельности. В 1942 г. в Новосибирске на заводе № 69 ежемесячно организовывались концерты, в которых участвовали оркестры, баянисты и массовики. В марте 1943 г. в Томске на заводе № 838 юноши и девушки раз в неделю проводили вечера отдыха. На предприятии действовал ансамбль, выступавший в районных и городских смотрах художественной самодеятельности и в подшефном госпитале. На заводе № 690 выступали драматический, хоровой и струнный коллективы.

Со 2 августа по 15 декабря 1943 г. в Новосибирске проходил смотр художественной самодеятельности. В финальном туре приняли участие 477 молодых исполнителей, в том числе 5 ансамблей, 3 хора, 4 оркестра, 1 кукольный театр, 3 акробатических физкультурных группы, 33 солиста-вокалиста, 15 чтецов, 23 танцора, 5

инструменталистов. По содержанию исполняемые произведения относились к военной тематике, народному творчеству, классике²⁶.

Со временем на крупных оборонных предприятиях организовывались культурные учреждения. В апреле 1942 г. на заводе им. Чкалова был создан клуб, в котором работал драмколлектив, состоявший из 30 чел, имелись духовой оркестр, вокальный ансамбль, балетный класс, классы скрипки и рояля. В 1943–1944 гг. в клубе завода № 188 работали драматический, хоровой, балетный кружки, в которых, в основном, участвовала заводская молодежь. В общежитиях, госпиталях и пионерлагере было проведено 80 концертов. На областном смотре художественной самодеятельности драмколлектив занял 3-е место и был награжден грамотой облисполкома.

На комбинате № 179 при клубе им. К. Цеткин работала библиотека с фондом около 4000 книг, в том числе 100 экземпляров политической литературы, 50 художественной, 500 брошюр. Ее читателями являлись 800 молодых рабочих. В 4 общежитиях юнгородка действовали красные уголки, в которых насчитывалось 35 гармоний, 1 баян, 6 патефонов, 40 радиопродукторов, 10 гитар, 42 балалайки, 4 партии шахмат, 25 партий шашек, 2 бильярда²⁷.

В 1944 г. в культурных учреждениях учебных заведений гос-трудрезервов Новосибирской области работали 109 кружков. Самый крупный коллектив художественной самодеятельности находился в РУ № 2. В его составе действовал хор из 120 чел, духовный оркестр – 28, струнный – 34, джаз-оркестр – 14. В первом квартале 1944 г. в 3 клубах и 53 красных уголках ремесленных училищ и школ ФЗО Кемеровской области проводились концерты, встречи с фронтовиками, знаменитыми стахановцами силами 5 ансамблей песни и пляски, 33 хоровых, 28 драматических кружков²⁸.

Не на всех предприятиях были условия для проведения организованного досуга. Рабочая молодежь проявляла инициативу в свободное время. Некоторые подростки и молодые люди читали художественную литературу. В годы войны среди молодежи большой популярностью пользовались произведения В. Василевской «Радуга», Б. Горбатова «Непокоренные», Н. Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», Алигер «Зоя», «Народная героиня», «Герой Советского Союза А. Матросов»²⁹.

В общежитиях организовывались импровизированные музыкально-хоровые вечеринки, в качестве «музыкальных инструмен-

тов» использовались ложки и кастрюли и другие подручные средства. Летом танцы устраивались прямо на улице. Молодые рабочие вели беседы о политике, читали стихи, играли на гитаре, балалайке и пели. Некоторые молодые люди сочиняли стихи. От того времени сохранилась масса частушек, в которых отражались надежды и чаяния, связанные с ожиданием мирной жизни, возвращением домой.

«Я пришла на передачу,
Передача свистнула.
До свиданья, Заводская
И баланда кислая»³⁰.

Таким образом, повседневность военного времени включала совокупность социокультурных явлений, которые развивались под воздействием объективных и субъективных факторов и влияли на формирование сознания и поведения молодого поколения рабочих оборонной промышленности западносибирского тыла. На материально-бытовое положение рабочей молодежи воздействовали высокие рыночные цены, налоги и займы, снижавшие реальное содержание заработной платы, обострение жилищной проблемы, нехватка одежды и обуви, дефицит продуктов питания. Под влиянием жесткого ритма военно-промышленного производства у подростков и молодых людей не оставалось времени для отдыха. Повседневные лишения негативно отражались на их поведении, нередко принимавшего асоциальные формы.

Высокую роль в бытовом воспитании рабочей молодежи играли партийные и комсомольские организации, прививавшие ей навыки улучшения скудного быта военного времени, благоустройства общежитий, коллективного огородничества. Юноши и девушки пытались самостоятельно ремонтировать и изготавливать одежду и обувь, обеспечивать себя питанием. Организация активного отдыха подростков и молодых людей способствовала их включению в культурную жизнь. Свободное время, проведенное в коллективе сверстников, позволяло рабочей молодежи отвлечься от тягот трудовой и повседневной жизни, выдержать испытания и не потерять жизненного оптимизма.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а.*

-
- ¹ ГАНО. Ф.11. Оп.46. Д.92. Л.25; Ф.22. Оп.3. Д.1184. Л.112.
- ² ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.706. Л.49; Д.712. Л.29.
- ³ Постановление Совнаркома СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13 сентября 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т.3. М., 1968. С.34; ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1360. Л.161; Ф.190. Оп. 2. Д.709. Л.23; Д.951. Л.49.
- ⁴ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. док. Новосибирск, 2005. С.700; **Соскин В.Л.** Первый год войны в Новосибирске глазами подростка. // Память о войне. Сб. док. Новосибирск, 2000. С.94-95; ГАНО. Ф.80. Оп.3. Д.121. Л.10.
- ⁵ ГАНО. Ф.198. Оп.1. Д.171. Л.41; Ф.1117. Оп.1. Д.43. Л.13.
- ⁶ ГАКО. Ф.П-74. Оп.6. Д.53. Л.12; ГАНО. Ф. П-4. Оп.6. Д.452. Л.189; ГАНО. Ф.607. Оп.1. Д.334. Л.17.
- ⁷ **Из истории** земли Томской. Кто был для фронта мал. Сб. док. Томск, 2003. С.106-107; ГАКО. Ф.П-15. Оп.8. Д.22. Л.31; ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.4,8.
- ⁸ ГАКО. Ф.П-15. Оп.8. Л.60; ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.795. Л.42; Ф.738. Оп.1. Д.449а. Л.37; Ф.1117. Оп.1. Д.10. Л.160.
- ⁹ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье. // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941 – 1945). Сб. статей. Новосибирск, 2004. С.81; **Советский** рабочий класс. М., 1975. С.220; ГАНО. Ф.П-4. Оп.7. Д.40. Л.75.
- ¹⁰ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.6; Ф.190. Оп.2. Д.663. Л.80.
- ¹¹ ГАНО. Ф.1117. Оп.1. Д.186. Л.94.
- ¹² ГАКО. Ф.126. Оп.1. Д.42. Л.20; ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.814. Л.32.
- ¹³ ГАНО. Ф.1117. Оп.1. Д.31. Л.76.
- ¹⁴ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). С.411; ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1560. Л.45.
- ¹⁵ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.810. Л.51-52.
- ¹⁶ ГАНО. Ф.198. Оп.1. Д.231. Л.56.
- ¹⁷ ГАКО. Ф.126. Оп.1. Д.42. Л.18; ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.45; Ф.190. Оп.2. Д.671. Л.86, 94, 98.
- ¹⁸ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.1; Д.738. Оп.1. Д.575. Л.12; Д.951. Л.68; Д.953. Л.60, 64.
- ¹⁹ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1560. Л.44.
- ²⁰ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье. // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. С.87-89.
- ²¹ **Оборонная** промышленность Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. С.682.

-
- ²² **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье. // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. С.105; Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал. С.144.
- ²³ **ГАНО.** Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.183; Ф.190. Оп.2. Д.671. Л.49; Д.972. Л.83.
- ²⁴ **Из истории** земли Томской. Кто был для фронта мал. С.146.
- ²⁵ **ГАНО.** Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.2; Д.810. Л.1; Д.953. Л.30.
- ²⁶ **ГАНО.** Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.38-39, 315.
- ²⁷ **ГАНО.** Ф.190. Оп.2. Д.706. Л.35; Д.952. Л.65.
- ²⁸ **ГАКО.** Ф.126. Оп.1. Д.42. Л.4; ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.795. Л.15.
- ²⁹ **ГАКО.** Ф.126. Оп.1. Д.32. Л.59.
- ³⁰ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны. // **Букин С.С.** Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С.43, 92.

В.В. Анохов, А.А. Долголюк.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БЕРДСКА В 1946 – 1970 гг.

Обеспечение населения жильем оказалось для руководства СССР сложнейшей проблемой, которую оно за 70-летний срок так и не смогло решить. По сути дела по настоящему ей стали уделять внимание лишь со второй половины 1950-х гг. Таким образом, советская власть взялась за реализацию важнейшей социальной задачи как раз в середине отведенного ей исторического срока. В крупных городах стала создаваться производственная база для крупнопанельного домостроения. Индустриализация отрасли позволила повсеместно резко увеличить масштабы ввода жилья в эксплуатацию. Если в 1952–1958 гг. в Сибири было введено в эксплуатацию 20,9 млн. кв. м жилой площади, то в два последующих года – 17,2 млн. кв. м. В 1961–1965 гг. в регионе были обеспечены еще более высокие темпы строительства домов. В эксплуатацию вошло 44,6 млн. кв. м общей (полезной) площади¹.

Годы семилетки стали лучшим периодом в истории советской России в решении жилищной проблемы. У миллионов людей появилась возможность и надежда жить в лучших условиях. Однако уже вскоре непроизводственное строительство вновь выпало из приоритетов руководства страны. Уже в 1966–1970 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием прирост ввода жилой площади составил в РСФСР всего лишь около 2 %, а в Сибири произошло даже сокращение объемов сдаваемого в эксплуатацию жилья (до 42,5 тыс. кв. м). В последующие годы в регионе наблюдался устойчивый, но небольшой рост жилищного строительства. В девятой пятилетке введено 46,1 млн. кв. м общей жилой площади, в десятой – 50,0, в одиннадцатой – 58,4 млн. кв. м². Такие темпы роста на долгие годы отодвинули для очень многих сибиряков возможность жить в отдельной благоустроенной квартире, а для других расширить жилую площадь.

За общими показателями не видно, как решалась жилищная проблема в отдельных регионах и населенных пунктах. Возможности отдельных городов очень сильно различались в зависимости от их

величины, ведомственной принадлежности градообразующих предприятий, географического положения и многих других факторов.

В многочисленных публикациях вопросы жилищного строительства, обеспеченности населения жилплощадью чаще всего рассматривались на примере отдельных регионов или больших городов. Малые города, как правило, оставались вне поля зрения исследователей. Данная статья призвана восполнить данный пробел. В ней оценивается опыт решения жилищной проблемы на примере Бердска – малого сибирского города, который в конце 1960-х гг. перешел в категорию средних городов. Бердск, как объект изучения, интересен по ряду причин. Он является одним из самых старых поселений Западной Сибири. За 280-летнюю историю несколько раз прошел периоды восходящего и нисходящего развития. Самый заметный подъем пришелся на послевоенное двадцатипятилетие, которое и составляет хронологические границы статьи, и был связан с появлением в городе трех крупных промышленных предприятий. Учитывали мы и еще одно обстоятельство. Большая часть Бердска оказалась в зоне затопления Новосибирской ГЭС, поэтому он был перенесен на 8 км от своего бывшего местоположения.

В первые два с половиной века своей истории Бердск застраивался преимущественно деревянными зданиями. Несмотря на обилие леса, индивидуальные жилые дома были относительно небольшими «пятистенками» размером 20–36 м². Имелись в поселке и кирпичные строения различного функционального назначения. Некоторые из них были индивидуальными. Частный сектор превалировал в жилом фонде города. Возраст некоторых домов насчитывал многие десятки лет, рядом с ними соседствовали новые здания.

С острым дефицитом жилья впервые в советской истории бердчане столкнулись лишь в военные годы. За короткий срок население города удвоилось. Размещать эвакуированных и мобилизованных поначалу пришлось в основном за счет «уплотнения» местных жителей. Одновременно развернулось и жилищное строительство. Причем впервые в истории Бердска ввод жилья за государственный счет превысил долю жилплощади, полученной за счет индивидуальных застройщиков. Из 26 тыс. м² жилой площади, введенной в военный период, доля государства составляла 77 %, а физических лиц – 23 %.

В целом же гражданское строительство шло в незначительных масштабах, отставая от темпов роста населения Бердска, получившего в 1944 г. статус города. В первом послевоенном году из скромного городского бюджета на жилищное и социально-бытовое строительство власти смогли выделить лишь 4 млн. руб. Была поставлена задача построить четыре 8-квартирных и два 6-квартирных дома, баню, гостиницу на 100 мест, прачечную, две парикмахерские, хлебозавод и Дом Советов³. Однако выполнить этот план не удалось, как из-за нехватки средств, так и в связи с появлением слухов о возможном затоплении значительной части города.

Сложности с новым строительством создавало также отсутствие генерального плана города. Уже в первом послевоенном году стало известно о скором строительстве Новосибирской ГЭС. Точно же об этом в области никто не знал, хотя возможность затопления значительной части Бердска предполагалась. В таких условиях перспективы развития города были не ясны. Генеральный план составить невозможно. Вместо него в 1946 г. были приняты меры к созданию принципиальной схемы размещения промышленности, транспорта, жилищных объектов, культурных и медицинских учреждений⁴. А уже в следующем году горисполком стал инициировать вопрос о составлении генерального плана Бердска на новой территории с учетом возможного затопления части старого города. При этом предлагалось исходить из того, что население в ближайшие 15–20 лет увеличится до 100 тыс. чел.⁵ С учетом этих обстоятельств городские границы должны были кардинальным образом измениться.

Затяжка с принятием решения о строительстве гидроэлектростанции не позволяла приступить к составлению генерального плана. В то же время в Бердске началось строительство радиозавода (БРЗ). Для того, чтобы иметь возможность вести жилищное и социально-культурное строительство, БРЗ в июне 1949 г. заключил договор с Пятым государственным союзным проектным институтом Министерства промышленности средств связи, обязавшимся силами субподрядчика (трест «Новосибпроект») выполнить генеральный план рабочего поселка Бердского радиозавода⁶.

Что же касается разработки генерального плана Бердска, то он в начале 1950-х гг. был выполнен Московским филиалом института «Гипрогор» и в 1953 г. утвержден Новосибирским облисполкомом. Этот документ предусматривал развитие города до достижения им

численности жителей, не превышающей 35 тыс. чел. Наличие такого основополагающего документа для города было очень важно, поскольку именно в это время началось его перемещение на новую территорию. С другой стороны, генплан не имел большой перспективы, поскольку был рассчитан на явно заниженный прирост населения в ближайшем будущем. По плану шло размещение промышленности, объектов социально-культурной сферы, административных и общественных зданий, а также велось государственное и частное жилищное строительство.

На 15 июля 1948 г. обобществленный жилищный фонд города состоял из 226 строений, принадлежащих 30 государственным и кооперативным предприятиям, учреждениям и организациям. В них имелось 1182 комнаты общей жилой площадью 21,2 тыс. м². В расчете на одного проживающего приходилось 6,4 м². Этот показатель был почти в два раза больше, чем в областном центре – г. Новосибирске⁷.

Большая часть жилья находилась во временных строениях – в каркасно-засыпных бараках, построенных в военные годы. Бердскому радиозаводу они достались по наследству от завода им. Ф. Дзержинского. В бараках располагалось 73,3 % всей полезной площади, принадлежащей предприятию. На объектах Почтового ящика (п/я) № 7, входящем в Министерство государственных продовольственных и материальных резервов СССР, эта доля составляла 24 %. Такой же она была и в Туберкулезном санатории ВЦСПС⁸.

Жилищное строительство во второй половине 1940-х гг. велось, прежде всего, в районе создаваемого Бердского радиозавода. Жилье для его работников строилось как за счет предприятия, так и индивидуальных застройщиков. Более успешному сооружению жилых домов способствовало принятие советским правительством в 1948 г. постановления, предусматривающего кредитование индивидуального строительства и оказание помощи застройщикам в приобретении строительных материалов. Опираясь на этот документ, дирекция БРЗ только в 1950 г. выделила своим работникам 168 м³ пиломатериалов. В последующие годы эта помощь еще более возросла. Кроме леса и продукции его переработки трудящимся выделялся кирпич, стекло, кровельные материалы. В 1955 г. застройщикам было отпущено 130 тыс. руб. ссуд, а в 1956 г. – 233 тыс. руб. Индивидуальное строительство приобретало все более широкие масшта-

бы. В 1957 г. рабочие и служащие построили для себя дома общей площадью 1,4 тыс. м², почти столько же, сколько было сдано в эксплуатацию заводскими строителями⁹.

Невиданное в истории Бердска гражданское строительство произошло в 1953–1957 гг. Связано оно было с переносом города на новое место, поскольку большая его часть оказывалась в зоне затопления, создаваемым водохранилищем Новосибирской ГЭС. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 июля 1952 г., все население, проживающее на этой территории, подлежало обязательному переселению, а строения и сооружения – сносу или переносу на новые места. За три года предстояло перенести 10,9 тыс. строений, общая полезная площадь которых составляла 685,8 тыс. м².¹⁰ Выполнение всех намеченных мероприятий предполагалось сочетать с подъемом воды в водохранилище. Поэтому в первую очередь следовало освободить от людей и строений те районы, которые находились на самых низких отметках.

Переезд на новое место и обустройство на нем требовали немалых материальных затрат. Правительственное постановление предусматривало компенсацию расходов на перенос строений и переезд жителей на новые места. Учитывались все возможные затраты населения, начиная от стоимости сноса и заканчивая восстановлением домов на новом месте. Для переселенцев предоставлялся целый комплекс различных льгот. Хотя они были не очень велики, но все же обеспечивали людям возможность создать для себя на новом месте жилье не хуже того, которым они располагали раньше. Переселенцы на два года освобождались от большей части налогов и обязательных поставок молока. Нуждающимся выдавался долгосрочный кредит на строительство домов в размере до 10 тыс. руб. с погашением его в течение семи лет, начиная с четвертого года с момента выдачи ссуды.

Семьям военнослужащих, погибших воинов Советской Армии и флота, а также инвалидам Отечественной войны и труда, пенсионерам и престарелым лицам, проживавшим в ветхих домах, не подлежащих переносу и восстановлению, жилая площадь предоставлялась бесплатно Бердским горисполкомом. На период переноса строения семьям в течение двух месяцев выплачивались квартирные. Во время переезда государство оплачивало переселенцам четырехдневный заработок. Не менее существенной была материаль-

ная помощь – переселенцам отпускалось на двор до 40 м³ леса без взимания оплаты за него¹¹.

Для руководства ходом переноса был создан специальный общегородской штаб, комитет горисполкома по переселению и стройконтора. В своей деятельности они руководствовались перечнем мероприятий по переносу города, принятым XXIV сессией Бердского горсовета 27 ноября 1952 г. и рассчитанным на три года¹².

Непосредственным исполнителем этого проекта вместе со строительными организациями стало все взрослое население Бердска. Специальные задачи предстояло выполнить многим общегородским службам. Важная роль в ходе переселения отводилась отделу коммунального хозяйства¹³. Перед связистами была поставлена задача до 1955 г. перенести контору связи, радиоузел, произвести демонтаж всех телефонных и радиолиний и обеспечить на новой площадке города установление всем гражданам радиоточек, а предприятия и учреждения снабдить телефонной связью.

Важнейшим строительным материалом являлся лес. Его заготовка и вывоз в размере около 100 тыс. м³ поручались Гортопу. Помимо этого ему же совместно с Лесхозом предстояло организовать строительство стандартных домов прямо в лесу. После перевоза и монтажа их планировалось распределять в первую очередь среди инвалидов войны и труда, семей погибших воинов и престарелых.

Несмотря на многочисленные организационные трудности, в первый же год была проделана большая работа по переносу из зоны затопления строений государственных учреждений и частных домовладений и их восстановлению на новом месте. План 1953 г. по перемещению индивидуальных домов был перевыполнен в два раза¹⁴. Почти одновременно ко всем восстановленным домам подводилось электричество. Также оперативно происходило их подключение к радиосети.

Высокие темпы работ по передислокации города, достигнутые в 1953 г., создавали хорошие перспективы для успешного решения сложнейшей задачи в установленные сроки. Правда, вскоре они, в связи с отставанием строительства гидроэлектростанции, были увеличены еще на год. Это позволило городским властям несколько скорректировать планы по переселению, сделав их менее напряженными. Одновременно у них, так же как и у строителей, появилась возможность в более спокойной обстановке готовить новые

площади, уделять больше внимания реконструкции переносимых предприятий, коммунальных домов, объектов коммунального хозяйства и социально-культурного назначения.

Еще до начала переноса города было ясно, что не все жители смогут легко согласиться оставить обжитые и переселиться на новые места. В поселении с более чем 200-летней историей жили семьи, чьи родственники стояли у истоков Бердска. Здесь же находились могилы родных. Нелегко было людям сознавать, что близкое их сердцу место, где они родились и выросли, навсегда скроет обская вода.

Изменить настроение людей, их мнение о переселении были призваны многочисленные собрания жителей, которые проводились в учреждениях культуры, в школах, на улицах. Почти всегда их главными организаторами были горисполком и горком партии. На этих собраниях людям доводили информацию об условиях и сроках переселения, говорилось о льготах, которые им предоставляло советское правительство, о значении для области сооружения Новосибирской ГЭС. Несомненно, широко развернутая массово-политическая и разъяснительная работа дала положительные результаты. Большинство населения с оптимизмом и надеждой на хорошие перспективы на новом месте восприняло грандиозную кампанию. К тому же некоторым на старом месте и терять было нечего. Так, только в 1953 г. из полуземлянок и завалившихся домов в новый город было вывезено более 200 семей¹⁵.

Отношение людей к переселению менялось и в ходе его. Они видели, что на новом месте многие обновляют и существенно расширяют свои дома. Не пустым звуком оказалась и заявленная властями помощь в переселении людям со слабым здоровьем и другим, не способным самостоятельно восстановить свое жилье. Уже в 1953 г. Гортопом было сделано для переселенцев и по льготным ценам продано 58 срубов домов. Различные предприятия и учреждения стали оказывать реальную помощь в переселении. Артель «Стахановец» за один год перевезла 12 семей инвалидов. К тому же для первоначального обзаведения дополнительным имуществом им была выдана ссуда в 16 тыс. руб. Управление гидромеханизации «НовосибирскГЭСстроя» возвело новый дом для своей работницы Прошуниной, жившей до этого в землянке с тремя детьми. Также большую помощь инвалидам, семьям погибших воинов оказывали

такие организации, как Промкомбинат, швейная фабрика, Горкомхоз, артели «Коллективный труд», «Пролетарий» и другие¹⁶.

И все же с передислокацией индивидуальных и коммунальных жилых домов было не все гладко. На протяжении всей кампании узким местом являлась проблема транспортировки. Не хватало переселенцам и строительных материалов. Они хорошо обеспечивались круглым лесом, а вот для распиловки и обработки пиломатериалов в новом городе не доставало пилорам и других деревообрабатывающих станков. С перенапряжением работали и столярные мастерские. В торговой сети постоянно случались перебои с продажей цемента, шифера, стекла, кирпича и других строительных материалов.

В ходе переноса города действие этих негативных факторов то уменьшалось, то вновь усиливалось. И все же люди стойко преодолевали эти трудности. Используя возможности, предоставляемые государством, местными властными органами, а также взаимопомощь, бердчане перевозили свои дома на новые усадьбы и обустраивали их. Помогали заложенные столетия назад коллективистские традиции, идущие еще от древней русской общины. Собирались артели из родственников, знакомых, соседей и в короткие сроки восстанавливали деревянные дома. Иногда приходилось пользоваться услугами наемных строительных бригад.

Наиболее рачительные хозяева подводили под здания прочные бетонные фундаменты. Многие сделали свои дома выше, сменили в них окна и двери. Воспользовавшись случаем, некоторые увеличили жилую площадь за счет капитальных пристроек, а полезную благодаря верандам и террасам. В новом городе заметно улучшилось качество кровли. Большая часть домов стала иметь железные или шиферные крыши. Обилие бесплатного или дешевого леса обеспечивало возможность всем желающим обзавестись добротными надворными постройками, а также огородить свою усадьбу забором из штакетника или досок.

Перенос многоквартирных коммунальных домов осуществляла ремстройконтора с помощью жильцов. Он проходил медленно и не всегда организованно. И внешний вид этих домов после восстановления в новом городе долгое время был хуже, чем индивидуальных. Часто строители покидали возведенные коммунальные дома, не

обеспечив жителей элементарными удобствами и не благоустроив прилегающую территорию.

Основная часть домов и различных построек была перенесена в первые три года. На 1956 г. оставалось переселить около 500 частных и 50 коммунальных домов, что было значительно меньше, чем в предыдущие годы. Однако и этого сделать не удалось. Еще 194 дома перевезли уже в 1957 г.¹⁷.

Среди хозяев индивидуальных домов, оставшихся в старом Бердске к 1956 г., было немало тех, кто имел все возможности переселиться в новый город, но отказывался. Эти люди нарушали установленные для них сроки переселения и к тому же оказывали негативное влияние на других жителей, колебавшихся с принятием решения о переезде. Ситуацию изменило волевое решение горисполкома, отдавшего приказ о принудительной разборке 22 жилых зданий. Это подтолкнуло владельцев других индивидуальных домовладений к переезду в новый город¹⁸.

К концу переселения в старом Бердске осталось еще много таких домовладельцев, которые были не способны самостоятельно перевезти свои постройки на новые места и там восстановить их. Этим людям требовалась дополнительная финансовая помощь. Чтобы изыскать эти средства, бердские горисполком и горком партии отправили письмо в Правительство РСФСР с просьбой о дополнительном выделении ассигнований на перенос оставшихся строений. Вопрос был решен положительно, в результате городские власти получили дополнительно 500 тыс. руб., которые распределили среди особо нуждающихся. Ими оказались в основном инвалиды войны и труда, вдовы и престарелые люди. Эти деньги позволили переместить дома на новое место и по мере возможности обустроить их.

Всего в 1953–1957 гг. из зоны затопления было перенесено 2 458 частных и 114 коммунальных домов. Более 1 тыс. бердчан, ранее не имевших жилья, построили для себя и своих семей новые дома¹⁹. Всего же около 4 тыс. жилых зданий с надворными постройками разместились на 106 улицах нового Бердска. Индивидуальные дома располагались на огороженных участках в шесть соток каждый. Общая полезная площадь восстановленных и вновь построенных домов составила ок. 140 тыс. м².²⁰

Не меньшую сложность представляла передислокация объектов социально-культурного и хозяйственного назначения, административных, общественных и прочих зданий. Одни из них нельзя было перенести из-за ветхости, другие из-за конструктивных особенностей и материала, из которого они были построены. Город был вынужден расстаться со многими строениями, которые занимали органы городского управления, культурные, медицинские, финансовые и другие учреждения. Вместо них на новом месте предстояло заново возвести городской Дом культуры, Дом Советов, здания горкома КПСС, Госбанка, городской больницы, пожарного депо, магазина, бани и т.п. Сооружение многих из этих зданий или же улучшение их качественных характеристик не предусматривалось сметой Новосибирской ГЭС. Это потребовало в последующие годы вести изыскание средств для продолжения работ. Строительство значительной части из них затянулось и не было завершено к окончанию переноса старого города. Особенно медленно возводились Дом культуры, городская больница, новые школы, баня.

Перенос отдельных учреждений в новый город происходил по-разному. Некоторые отделы, такие как топливный, коммунального хозяйства, предприятия связи, лесхоз, оперативно перевезли принадлежащие им строения и столь же быстро восстановили их на новом месте, осуществляя при этом реконструкцию зданий. Другие же, прежде всего учреждения здравоохранения, просвещения, культуры и торговли, столкнулись с множеством проблем. Их передислокация происходила не столь успешно. В отличие от Гортопа и коммунальных служб, они всецело зависели от генерального подрядчика – треста «Новосибоблстрой». А он часто срывал установленные сроки по подготовке строительных площадок, разборке старых зданий и их восстановлению на новом месте.

На то, чтобы одновременно переносить объекты соцкультбыта, восстанавливать и при этом сколько-нибудь заметно реконструировать их, не хватало ни сил, ни средств. К тому же, как уже указывалось, по различным причинам многие крайне необходимые для города объекты перевезти не удалось. Взамен их нужно было соорудить новые. Медленное строительство объектов соцкультбыта заставляло городские власти неоднократно ставить вопрос перед руководством Новосибирской области о привлечении в качестве подрядчиков не только треста «Новосибирскоблстрой» и УНР-806

новосибирского треста № 30, но и других строительных организаций. Однако эта инициатива так и не была поддержана.

После переноса города на новое место перед его руководителями встала задача как можно скорее довести показатели развития социально-бытовой инфраструктуры до нормативного уровня. Советы министров СССР и РСФСР через соответствующие ведомства были готовы содействовать решению этой проблемы.

На 1957 г. Бердску был определен самый большой в его истории план капитальных вложений – около 30 млн. руб. И почти все эти средства направлялись на строительство объектов соцкультбыта и жилья²¹. Осваивать такие инвестиции предстояло имеющимся в наличии относительно маломощным строительным управлениям. Городские власти могли помочь им в основном лишь своевременным решением кадровой проблемы. Выходом из сложной ситуации стало широкое использование промышленными предприятиями хозяйственного способа ведения работ. Его роль в эти годы резко возросла не только в Бердске, но и во всей стране.

Уже в 1957 и 1958 г. были набраны хорошие темпы по строительству объектов соцкультбыта. Были сданы в эксплуатацию Дом культуры на 450 мест, кинотеатр в Новом поселке на 250 мест, переведены во вновь отстроенные помещения городская больница, медпункт, пять относительно небольших детских садов и одни детские ясли, открыто пять новых магазинов и гостиница на 26 мест. В следующие два года Бердск пополнился еще одним кинотеатром – теперь уже летним, возведенным в городском саду.

Масштабы гражданского строительства продолжали нарастать. Этому способствовало создание Бердского строительного треста, что позволило в каждом последующем году осваивать все большие объемы капвложений. Поскольку, по сложившейся в СССР практике, финансирование городов в значительной мере осуществлялось через крупные градообразующие предприятия, то и развитие объектов культуры, просвещения, торговли и общественного питания в 1960-е гг. проходило с помощью радиозавода, электромеханического и химического заводов. Доля местного городского бюджета в строительстве этих объектов была незначительной. Школы, клубы, магазины и столовые строились в микрорайонах преимущественного проживания работников конкретных заводов.

С 1957 г., в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», ситуация с жильем повсеместно улучшается. Решение жилищной проблемы стало одним из основных направлений деятельности советских, партийных и хозяйственных организаций. Объемы строительства быстро нарастали. Уже в 1957–1958 гг. введено в эксплуатацию 28,5 тыс. м² жилой площади, т.е. немногим больше, чем за все военные годы. Из общего количества жилой площади 24 % построено подрядным способом, 16 % – хозяйственным, 60% – силами индивидуальных застройщиков²².

В последующие годы государство стало выделять все больше средств на решение жилищной проблемы. Объемы жилищного строительства в Бердске также возросли. При этом следует отметить, что равномерного роста не наблюдалось. Так, в 1959 г. за счет государственных источников в городе введено в действие 9,2 тыс. кв. м жилой площади, в 1961 г. – 14,6 тыс. кв. м, в 1962 г. – 10,0 тыс. кв. м, в 1963 г. – 28,6 тыс. кв. м, в 1964 г. – 18,0 тыс. кв. м, в 1966 г. – 28,4 тыс. кв. м, в 1968 г. – 19,6 тыс. кв. м, в 1970 г. – 34,7 тыс. кв. м. Что же касается индивидуального жилищного строительства, то оно, достигнув пика в 1960–1964 гг. в 4,9–6,3 тыс. м ежегодно, затем стало сокращаться²³. Это было связано с тем, что, учитывая возможность получать жилье за государственный счет, трудящиеся стали быстро утрачивать интерес к сооружению собственных домов.

Бесплатное жилье для большей части населения стало несомненным достижением советской власти в социалистической России. Как и в других районах СССР, бердчане имели гарантированное государством жилище. Однако действовавшая в стране система распределения жилья содержала серьезные недостатки. Не существовало единых критериев, которые бы строго выдерживались. Большое значение имел субъективный фактор, часто прикрываемый так называемой «производственной необходимостью». На всех бердских заводах профсоюзные организации создавали очереди нуждающихся в получении жилья и его расширении. Большую роль в распределении квартир играла администрация предприятий. Ее решения зачастую приводили к серьезным конфликтам.

Большой резонанс в городе вызвала ситуация, сложившаяся на радиозаводе в июле – сентябре 1958 г. в связи с распределением

жилья в доме № 28 в Зеленой зоне Бердска. Администрация завода, включая бывшего и нового директоров и их заместителей, без участия многих членов жилищной комиссии, приняла решение о выделении квартир руководителям завода и инженерно-техническим работникам. Это вызвало негативную реакцию большинства трудового коллектива. Поэтому данный вопрос стал предметом пристального внимания местной партийной организации и Городского комитета КПСС. Партком радиозавода предложил жилищно-бытовой комиссии и директору А.Л. Премыслеру отменить ранее принятое решение. В результате под давлением общественности было произведено новое распределение, по которому половина квартир предоставлялась нуждающимся из числа рабочих²⁴.

В начале 1960-х гг., т.е. в первые годы функционирования, много жилых домов строил Бердский электромеханический завод. Квартиры работникам завода выделялись в основном с учетом времени их поступления на завод, как того и требовало «Положение о порядке учета, распределения и заселения жилой площади в Новосибирской области». Однако такой порядок перестал устраивать администрацию завода. Она хотела практически самостоятельно распорядиться вновь вводимым жильем. Преследуя вполне благую цель – улучшить кадровый состав трудового коллектива, руководство завода пыталось сделать жилье важнейшим инструментом ее достижения. Союзником дирекции выступала партийная организация. На заседании партбюро 25 августа 1961 г. был рассмотрен вопрос о распределении квартир. Под предлогом, что профком в первую очередь принимает во внимание стаж работы человека на БЭМЗе, а не «общий производственный стаж работников в области машиностроения», бюро посчитало, что из 108 чел., которым цеховые комитеты выделили квартиры, 30 чел. «получили их совершенно не заслуженно». Следствием стало решение, не входящее в компетенцию партийной организации, – отмена утвержденной местным профсоюзным комитетом очередности на жилье, как не отвечающей интересам завода. Предлагалось перед каждой сдачей нового дома начальнику цеха, секретарю парторганизации и профоргу распределять выделенные для подразделения квартиры с последующим утверждением этого решения завкомом. При этом основное внимание рекомендовалось обращать на квалификацию работника и его семейное положение²⁵.

Вопросы, связанные с распределением бесплатного жилья, затрагивали самые насущные интересы бердчан. Они должны были решаться справедливо, и потому требовали строгого порядка, четкой регламентации, учета всей совокупности самых различных факторов. Однако на деле должного порядка достичь не удавалось ни на отдельных предприятиях, ни в городских органах власти. Этот факт в апреле 1963 г. после доклада Заместителя председателя горисполкома отмечало бюро Горкома КПСС. Оно констатировало, что во всех ведущих строительных управлениях города, на радиозаводе и в горисполкоме книги очередности ведутся небрежно, не по установленной форме, иногда теряются и восстанавливаются вновь в искаженном виде. При занесении нуждающихся в списки очередников не всегда проводилось обследование их жилищных условий и не составлялись соответствующие акты. Принятые решения по распределению жилья профсоюзные комитеты и администрация не предавали широкой гласности. По случаям несправедливого выделения жилья, с нарушением существующей очередности и действовавшего «Положения» в различные инстанции шли потоки жалоб²⁶. И очень часто благодаря вмешательству вышестоящих органов удавалось сдерживать злоупотребления многих хозяйственных, советских и профсоюзных работников.

В Бердске одновременно действовали три крупных заказчика и застройщика: БРЗ, БЭМЗ и химзавод. Наибольший вклад в развитие города внесли первые два предприятия. Химзавод по сравнению с ними вел строительство жилья в небольших масштабах. К концу 1971 г. БЭМЗом было построено 112,2 тыс. кв. м жилья, в том числе 106,7 тыс. кв. м благоустроенного. Химзавод за это же время ввел в эксплуатацию всего лишь 14,7 тыс. кв. м жилой площади. Естественно, что и жилищная проблема на электромеханическом заводе решалась успешнее, чем на химзаводе. На первом из этих предприятий в очереди на получение жилья в 1972 г. стояло 15 % от общей численности коллектива, а на втором эта доля была в два раза больше²⁷.

В 1960-х гг. застройка Бердска шла жилыми кварталами и микрорайонами. От пятилетия к пятилетию все больше семей улучшали свои жилищные условия. В 1966–1970 гг. это сделали 4 тыс. семей, т.е. каждая восьмая из проживающих в городе²⁸. Следует отметить и такой немаловажный факт. Если в первые послевоенные годы

нуждающимся в жилье часто предоставлялись лишь комнаты, то в 1960-х гг. преимущественно отдельные квартиры.

Постепенно росла и средняя обеспеченность населения жильем. В 1957 г., т.е. к моменту завершения переноса Бердска, в расчете на одного жителя приходилось около 4 кв. м жилой площади. Через пять лет этот показатель вырос незначительно – до 4,5 кв. м. К 1966 г. он вырос до 5,6 кв. м, а к началу 1971 г. – до 6,5 кв. м жилой площади, что было ниже среднего по стране уровня²⁹. Столь низкие показатели обеспеченности населения жилплощадью объяснялись не только малыми масштабами строительства, но и быстрым ростом населения в Бердске.

Таким образом, жилищные условия основной массы бердчан оставались все еще плохими, хотя чрезмерная перенаселенность квартир была ликвидирована. В списках очередности на получение благоустроенного жилья стояло около 5 тыс. семей. Как отмечалось на пленуме Бердского горкома КПСС 10 марта 1970 г., чтобы обеспечить квартирами всех нуждающихся и при этом достичь санитарной нормы, в 1971–1975 гг. в городе нужно было ежегодно вводить в эксплуатацию по 37–40 тыс. кв. м жилья³⁰. Реализация данной задачи сдерживалась не столько дефицитом финансовых ресурсов, сколько недостатком мощностей строительных организаций. По замыслам партийных и советских органов власти решать данную задачу предстояло в годы девятой пятилетки³¹.

Бердск расширялся территориально. Увеличивался его жилищный фонд. Если на 1 янв. 1962 г. по данным бюро технической инвентаризации он составлял 174,4 тыс. кв. м жилой площади, то на 1 янв. 1968 г. – 297,7 тыс. кв. м. За эти годы особенно быстро рос обобществленный фонд. В начале 1962 г. его доля составляла 46 %, а находящегося в личной собственности – 54 %. Спустя шесть лет пропорция изменилась на противоположную – 57 % к 43 %³². Число домовладений достигло 5436, из которых 4813 находилось в личной собственности. Техническое состояние большей части строений было вполне удовлетворительным. Примерно 90 % жилой площади располагалось в домах, износ которых не превышал 30 %. К этому времени было ликвидировано много ветхих строений. Жилая площадь оставшихся бараков составляла лишь двадцатую часть от ее общей величины. К концу 1960-х гг. значительно выросла доля кирпичных, крупнопанельных домов, достигшая 22,4 %. Деревянные,

рубленные и брусчатые дома, составляли 66,6 %, еще 11 % приходилось на здания, построенные из других материалов³³.

К 1970 г. более двух третей населения было расселено в многоэтажных домах в основном в отдельных благоустроенных квартирах. Доля тех, кто проживал в личных домах, сокращалась, но все еще оставалась высокой. Подавляющая часть семей жила в изолированных квартирах семейного заселения. По сравнению с коммунальным такое жилье обеспечивало более комфортную повседневную бытовую среду. Работающие члены семьи получили возможности для более полноценного отдыха, культурного саморазвития, а дети школьного возраста могли в лучших условиях выполнять домашние задания.

Сложившаяся в стране негативная практика, негласно узаконившая отставание гражданского строительства от индустриального, столь же зримо проявилась и в Бердске. К тому же ситуация здесь усугубилась переносом города на новое место. Дело в том, что многие объекты соцкультбыта из-за ветхости и конструктивных особенностей передислоцировать в новый город не удалось. Поэтому к концу 1970 г. по обеспеченности населения детскими школьными и дошкольными учреждениями, торговыми заведениями, объектами здравоохранения город намного отставал от нормативных значений. К ним удалось приблизиться позднее – в 1970–80-е гг.

Городские власти, руководители заводов постоянно контролировали ход строительства объектов соцкультбыта. Однако подрядчики часто срывали выполнение планов по гражданскому строительству. Чтобы как-то улучшить ситуацию в этой сфере, в 1960-е гг. администрации промышленных предприятий все чаще направляли на строительство жилых домов и других объектов работников основных цехов. В частности, такая практика широко использовалась Бердским электромеханическим заводом при строительстве жилья, поликлиники, Дворца культуры «Родина», торгового центра.

По архитектурному облику Бердск стал одним из лучших населенных пунктов Новосибирской области. Лучше других выглядели центральные улицы: имени В.И. Ленина, Н. Островского и Карла Маркса, а также жилые микрорайоны «Ф» и «Б». До начала 1970-х гг. город застраивался в основном 5-этажными кирпичными домами серии 1-477 и крупнопанельными домами серий 1-464 и 1-468, 9-ти и 12-этажные дома появились позднее³⁴.

Благоустройство жилого фонда в первую послевоенную пятилетку свелось в основном к завершению электрификации города. Этот процесс активно проводился еще во время войны. Так в 1944–1945 гг. было построено 13 новых трансформаторных подстанций, проложено 22 км высоковольтной линии. Одновременно прекратили работу много небольших местных электростанций. К началу 1946 г. в Бердске 82 % жилых домов имели электрическое освещение³⁵.

После постройки в городе еще нескольких трансформаторных подстанций и линий электропередач к 1948 г. весь жилой фонд был электрифицирован. Другие виды благоустройства в домах почти полностью отсутствовали. Лишь в санатории ВЦСПС имелось 400 кв. м жилых помещений, оборудованных водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Это составляло 2 % от всего городского обобщественного жилого фонда³⁶.

В ходе переноса города на новую площадку удалось избавиться от большой доли ветхого жилья. Восстановленные дома и приусадебные постройки сделали жизнь многих бердчан более комфортной. Строящиеся в городе новые многоквартирные дома благоустраивались значительно лучше, чем раньше. На 1 янв. 1968 г. две трети обобщественной жилой площади было оборудовано водопроводом, канализацией, центральным отоплением, горячим водоснабжением, 60 % – ваннами и лишь к 12 % жилищ подведен газ. Дома, находящиеся в личной собственности граждан, такого благоустройства не имели. Во всем городе имелось лишь несколько частных домов, в которые был введен водопровод³⁷.

Городские власти после переноса города на новое место уделяли много внимания улучшению его внешнего вида и санитарного состояния. Исполнительный комитет разрабатывал ежегодные планы по озеленению Бердска, в реализации которых должны были самое активное участие принимать промышленные предприятия, различные учреждения и население. Наведение санитарного порядка в микрорайонах, их благоустройство базировалось прежде всего на энтузиазме жителей. Они самостоятельно и по призыву коммунальных служб и общественных организаций во время месячников по наведению санитарного порядка, коммунистических субботников и в другие дни, вооружившись лопатами, ломом и другим строительным инструментом, десятками и сотнями выходили на благоус-

тройство территорий. Большая часть таких работ выполнялась на безвозмездной основе. И тем не менее, очень многие бердчане считали участие в них своим долгом.

Жители города привлекались к посадке деревьев и кустарников и через уличные комитеты. В 1959 г. очень много для озеленения улиц Первомайской и Маяковского сделали председатели уличных комитетов Власенко и Александров. А всего в этот год вместо запланированных 34 тыс. деревьев было высажено 42,6 тыс.³⁸ С каждым годом в городе рядом с жилыми кварталами появлялось все больше новых скверов, многочисленных клумб, детских беседок, волейбольных площадок. Люди своими руками делали свои дома и прилегающие к ним территории более комфортными и удобными для проживания. Общая площадь зеленых массивов и насаждений в городе неуклонно увеличивалась. На начало 1963 г., кроме городского сада площадью 12 га, Бердск располагал большими площадями пригородных защитных зон и двумя обширными лесопарковыми зонами площадью почти 600 га, общая протяженность зеленых насаждений вдоль улиц и проездов составляла 68 км.³⁹

Всего лишь за 15–20 лет своего существования на новом месте Бердск оделся в густой зеленый наряд. С учетом леса, городских скверов и парков на каждого жителя приходилось более 30 м² зеленых насаждений. По этому показателю город вышел на одно из первых мест в России⁴⁰.

За двадцать пять лет не только изменился внешний облик Бердска, но и внутреннее убранство квартир. В послевоенные годы мебель была в основном деревянной. Её производством занимались местные промартели. Не меньшую часть мебели население изготавливало самостоятельно. Кроме кроватей, столов, шкафов, стульев и табуретов в квартирах имелись скамьи, топчаны, сундуки, тумбочки, этажерки, различные полки и вешалки. Но даже такая простая мебель была в магазинах в дефиците.

Заметные перемены в интерьере жилищ стали наблюдаться со второй половины 1950-х гг. Для относительно небольших квартир, расположенных в типовых многоэтажных домах, стала выпускаться и появилась в продаже специальная мебель фабричного производства. К прежней номенклатуре изделий добавились комоды, шифоньеры, плательные шкафы, металлические кровати, диваны-оттоманки и раскладные диваны, буфеты и шкафы для кухонь. Все

это реализовывалось через розничную торговую сеть и быстро вошло в быт бердчан. Вместо печей, отапливаемых дровами и углем, для приготовления пищи стали использоваться электропечи и электроплитки, а в годы восьмой пятилетки и газовые плиты. В это же время горожане начали приобретать холодильники и стиральные машины.

С каждым новым пятилетием в домах горожан появлялось все больше культуртоваров. Помимо репродукторов ретрансляционной сети в быт прочно вошли радиоприемники. Во многих семьях были те, кто трудился на Бердском радиозаводе. Поэтому в городе пользовались популярностью радиоприемники, а позднее радиолы и магнитофоны местного производства. С конца 1950-х гг. неотъемлемым элементом культурной жизни населения стало телевидение. Сначала телевизоры были лишь у немногих. Однако к концу изучаемого периода они стали доступны большей части семей.

Таким образом, заметно ухудшившиеся в годы войны жилищные условия бердчан, в течение первого послевоенного десятилетия существенно не изменились. Прогресс в решении жилищной проблемы начал происходить лишь с середины 1950-х гг. Поначалу он был связан с переносом Бердска на новую площадку. В ходе его были построены заново или реконструированы с увеличением в размерах, улучшением кровли и отделки многие, в основном частные дома. А вслед за этим в городе произошло резкое расширение государственного строительства жилья, чему способствовало широкое распространение хозяйственного способа возведения домов, индустриализация строительного производства. Следствием стал рост обеспеченности населения жильем, повышение уровня его благоустройства. Население постепенно утратило интерес к сооружению индивидуальных домов, большая его часть стала стремиться к получению жилья в обобщественном фонде. При этом неизменно острой оставалась проблема социальной справедливости при распределении государственных квартир среди нуждающихся в них. Финансирование социальной сферы вели в основном три ведомства, к которым относились ведущие градостроительные промышленные предприятия. Роль городских органов власти с их крайне ограниченными финансовыми ресурсами не могла оказывать большого влияния на решение жилищной проблемы. Качественные изменения в благоустройстве и интерьере квартир способствовали улучшению

жилищных условий бердчан, делали их жизнь все более комфортной.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 07-01-00426а*

-
- ¹ **Капитальное** строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С. 332.
 - ² **Там же**. С. 328, 332.
 - ³ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.
 - ⁴ **Там же**. Д. 54. Л. 24.
 - ⁵ БМА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 23.
 - ⁶ ГАНО. Ф. 1603. Оп. 1 а. Д. 35. Л. 5.
 - ⁷ БМА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 29. Л. 92.
 - ⁸ **Там же**. Д. 50. Л. 8,9.
 - ⁹ **В тысячи адресов**. История Бердского радиозавода. – Новосибирск, 1976. С. 189.
 - ¹⁰ БМА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 115, 116.
 - ¹¹ **Там же**. Л. 129, 130.
 - ¹² **Там же**. Л. 92–99
 - ¹³ **Там же**. Л. 120.
 - ¹⁴ **Там же**. Д. 81. Л. 197
 - ¹⁵ **Там же**. Л. 191
 - ¹⁶ **Там же**. Л. 191, 192.
 - ¹⁷ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 301. Л. 59; Д. 325. Л. 25
 - ¹⁸ БМА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 227.
 - ¹⁹ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 325. Л. 25; БМА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 32.
 - ²⁰ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 325. Л. 25
 - ²¹ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 325. Л. 29.
 - ²² **Там же**. Д. 376. Л. 62.
 - ²³ БМА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 38.
 - ²⁴ ГАНО. Ф. 5438. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–4
 - ²⁵ ГАНО. Ф. 11748. Оп. 1. Д. 5. Л. 69
 - ²⁶ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 439. Л. 8,9.
 - ²⁷ **Там же**. Оп. 11. Д. 34. Л. 155.
 - ²⁸ **Там же**. Д. 26. Л. 1
 - ²⁹ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 348. Л. 47; Д. 450. Л. 30; Оп. 11. Д. 26. Л. 1.
 - ³⁰ ГАНО. Ф. 27. Оп. 10. Д. 28. Л. 58.
 - ³¹ **Там же**. Л. 59.

-
- ³² **БМА.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 63. Л. 56;. Д. 132. Л. 221
- ³³ **Там же.** Д. 132. Л. 221
- ³⁴ **Артемов В.Н., Платошечкин Д.А.** Город Бердск. Строительство – XX век. Бердск, 2001. С. 78.
- ³⁵ **ГАНО.** Ф. 27. Оп. 1. Д. 56. Л. 3
- ³⁶ **БМА.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 29. Л. 92.
- ³⁷ **Там же.** Д. 132. Л. 221.
- ³⁸ **ГАНО.** Ф. 27. Оп. 1. Д. 390. Л. 6.
- ³⁹ **БМА.** Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.
- ⁴⁰ **Косарева И.** Бердск – дважды рожденный. // Сибирская горница. Спец. выпуск. – 2001. С. 45.

М.П. Дудкина.

**ФАКТОРЫ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е гг.**

Здоровье и болезнь следует рассматривать как биосоциальный феномен. Они представляют собой особое состояние человеческого организма, при котором либо существует, либо нарушается динамическое равновесие между собственно физическим благополучием людей и окружающим миром. Здоровье – это состояние физического, духовного, социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. На него воздействуют многообразные факторы. Ведущим среди них является образ жизни. На 50–55 % здоровье человека, особенно в отношении хронических неэпидемических патологий, зависит от того, как он питается, в каких условиях живет, учится, воспитывается, работает и отдыхает; на 20–25 % обуславливается состоянием окружающей среды, ее загрязнением; на 15–20 % зависит от факторов генетического риска и лишь на 8–10 % – от состояния системы здравоохранения.

В качестве количественных показателей региональных различий в уровне здоровья могут использоваться, во-первых, данные статистики о заболеваемости, смертности и физическом развитии населения, во-вторых, стоимостные показатели, характеризующие экономические потери общества из-за болезней. Для выявления региональных различий в условиях жизни населения многое дает изучение его питания, структура которого отражает потребности человеческого организма в определенных продуктах в конкретных природных условиях.

Анализируя заболеваемость и смертность как сложный социальный процесс, следует учесть, что потеря здоровья населения в результате заболеваемости, инвалидности и смертности является стратегической проблемой развития человечества на всем протяжении его существования, но конкретно-историческое понимание этого феномена невозможно без социальной дифференциации его причин, включающей в себя воздействие на человека самых разных экономических, политических, культурных, экологических факторов. Безусловно, в разные исторические периоды, характеризую-

щиеся неодинаковым уровнем развития технико-экономического потенциала общества, санитарно-коммунального благоустройства жилых мест, доступности квалифицированной медицинской помощи, развитием культуры здорового образа жизни, степень воздействия этих социальных факторов на физиологию человека была различной, что позволяет говорить о доминировании в тот или иной период экзогенной или эндогенной типологии заболеваемости и смертности.

Экзогенная и эндогенная природа потерь здоровья отличаются между собой по уровню и характеру. Во-первых, чем выше социально-экономическое развитие общества и более благоприятными являются условия жизни, тем меньше болезни, преобладающие в составе общей заболеваемости, совпадают со списком патологий, занимающих ведущее место среди причин смерти. И наоборот, если имеется почти полное совпадение номенклатуры патологий, как в структуре заболеваемости, так и в качестве причин смерти, то состояние общества является кризисным. Во-вторых, преобладание экзогенных или эндогенных факторов дифференцирует уровень заболеваемости и смертности по разным возрастным группам. При доминировании эндогенных факторов люди чаще умирают от хронических болезней в пожилом возрасте, в то время как экзогенные факторы первоочередными группами риска делают людей с ослабленным здоровьем и как следствие недостаточными адаптационными возможностями организма, а также детей, как правило, не имеющих устойчивого иммунитета и высокой физиологической сопротивляемости к неблагоприятным внешним условиям социальной среды. Экзогенные факторы, таким образом, повышают уровень общей смертности, прежде всего, за счет детской и младенческой летальности.

С началом Великой Отечественной войны произошло резкое ухудшение условий социального бытия в тыловых районах, осложнилась санитарно-эпидемиологическая обстановка, население испытывало острый дефицит жизненных ресурсов, возникли проблемы с оказанием медицинской помощи, что привело к росту общей смертности, показатель которой по РСФСР имел устойчивую негативную динамику от месяца к месяцу: в январе 1942 г. он превысил данные соответствующего месяца 1941 г. на 43,1 %, в феврале – на 52,7 %, в марте – на 65,5 % и в дальнейшем только прогрессировал¹.

Аналогичная ситуация сохранилась и после войны. В городских поселениях Сибири в 1947 г. коэффициенты смертности превосходили уровень 1945 г. на 52,3 %². В основе столь значительного прироста было, прежде всего, увеличение смертности младенцев младше одного года. Рост летальности наблюдался повсеместно во всех областях и краях региона. Коэффициент общей смертности в Омске на 1000 населения в 1946 г. был равен 9 %, в 1947 г. уже 11,4 %, детская летальность на 1000 родившихся в 1945 г. составила 8,3 %, в 1946 г. возросла до 10,4 %, в 1947 г. – до 11,0 %. В целом в Омской области по всем видам заболеваний детская смертность за 1946–1947 гг. увеличилась в 2,6 раза. В Алтайском крае в 1945 г. умерло 18789 человек, в 1948 г. почти на десять тысяч больше – 28201, что по расчетным величинам дало прирост в 1948 г. 22,7 % против 14,5 % в 1945 г. Сходная динамика наблюдалась и в отношении детской смертности. Ее увеличение в Алтайском крае в 1945 г. составило 61,5 %, в 1946 г. – 263,7 %, а в 1947 г. – 109,4%. В 1946 г. количество умерших детей в Новосибирской области было больше, чем в 1945 г., на 13,8 %, в 1947 г. на 93 %, в 1948 г. на 38,6 %. В областном центре в 1947 г. произошёл резкий рывок общей смертности сразу на 34 %, а летальность младенцев увеличилась на 89 %, при относительно высокой материнская смертности³.

Помимо общего показателя, важное значение для понимания социальной сущности феномена смертности имеют данные о непосредственных причинах смерти, которые существенно отличаются в зависимости от того, какую – экзогенную или эндогенную – природу имеет фатальный исход. При доминировании экзогенных факторов среди патологий, приводящих к смерти, преобладают инфекционные заболевания (скарлатина, дифтерия и особенно туберкулез), производственные и бытовые травмы, болезни органов пищеварения, вызванные недоеданием и употреблением в пищу некачественных продуктов (дизентерия, токсическая диспепсия) и патологии дыхательной системы, связанные с трудными бытовыми условиями и частыми переохлаждениями (пневмония), зачастую дополнительно отягощавшиеся сопутствующими заболеваниями (дистрофией, рахитом, отитом, гипотрофией). В годы Отечественной войны в РСФСР смертность от туберкулеза выросла в среднем в два раза по сравнению с довоенными 1938–1940 гг. и, несмотря на некоторое снижение в 1944–1945 гг., значительно превышала цифры довоен-

ных лет. В 1940 г. в РСФСР туберкулез составил до 17–20 % как причина смертности, в 1946 г. от него по-прежнему умирали свыше 17 % детей в возрасте от 3 до 7 лет⁴.

Анализ динамических данных об абсолютной численности умерших взрослых (табл. 1) и детей в возрасте до одного года (табл. 2) по причинам смерти убеждает, что в городах Западной Сибири в 1946–1947 г. больше всего людей умирало от таких болезней как дизентерия (в 1947 г. от нее умерло на 396 % больше, чем в 1946 г., младенческая смертность от этой патологии возросла соответственно на 455 %) и туберкулез в необратимых формах (рост детской смертности в 1947 г. по этой причине составил 506 % к уровню 1946 г.). Самая высокая смертность от туберкулеза среди западносибирских городов была зафиксирована в Прокопьевске и Томске, где она дала прирост до 30 % на 10 тыс. населения, при среднем показателе по РСФСР 22 %. Вместе с тем, по сравнению с военным временем смертность от туберкулеза все же была несколько ниже. Так, по отношению к 1943 г. в Кемеровской области в 1946 г. она снизилась на 45 %, причем наиболее активно этот процесс шел в таких крупных городах как Кемерово, Прокопьевск, Анжеро-Судженск. Значительное число заболевших отмечалось среди демобилизованных из действующей армии и лиц, бывших под немецкой оккупацией. В Алтайском крае в 1948 г. дети чаще всего болели и умирали от токсической диспепсии, удельный вес летальности от которой составил 24,1 %, дизентерии – 8,34 %, дифтерии – 5,4 %. В туберкулезных и детских неинфекционных больницах Новосибирска показатель летальности достигал 20–25 %. Высоким был удельный вес различного рода пневмоний. В Новосибирске в 1947 г. среди остальных причин детской смертности он составил 16,6 %, в Омске – 35,6 %, в Алтайском крае в 1948 г. – 10,8 %⁵.

Вместе с тем, очевидно, что наблюдавшийся в 1946–1947 г. быстро прогрессирующий рост смертности городского населения нельзя объяснить исключительно недостаточным уровнем обеспеченности горожан своевременной медицинской помощью. Первостепенная причина, не называемая в официальных документах, состояла в послевоенном голоде, порожденном как природно-климатической ситуацией (засухой и вызванным ею неурожаем), так и экономическими трудностями восстановительного этапа,

Таблица 1

**Динамика численности умерших по причинам смерти в отдельных городах Западной Сибири
в 1946–1947 гг.***

	Всего умерло		Из них от:											
			дизентерии		токсической диспепсии		туберкулеза		воспаления легких		скарлатины		дифтерии	
	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947
Барнаул	2490	3382	19	118	79	240	502	588	270	501	36	31	15	24
Кемерово	1809	3205	25	199	91	227	365	626	232	513	16	18	7	12
Новосибирск	7633	10419	175	501	176	603	1484	421	847	1734	77	36	102	111
Омск	5044	6731	56	241	111	286	1004	1284	579	1127	54	32	26	56
Томск	2601	3167	63	172	84	115	561	612	217	361	8	5	23	12
Тюмень	1330	1959	19	102	43	58	208	266	217	238	2	2	4	8
Прокопьевск	1819	2814	20	137	83	255	307	409	245	569	1	2	16	22
Бийск	1072	1478	6	45	45	74	245	864	76	157	17	5	15	7
Всего:	25744	35102	2329	3462	2658	3805	6622	7017	4629	7147	2157	2078	2154	2199
Прирост числа умерших в 1947 г. в % к 1946 г.		139%		396%		261%		108%		194%		62%		121%

*Таблица составлена по данным: РГАЭ, Ф. 1562, Оп. 20, Д. 638, Л. 9-10, 21-22, 57-58, 137-138, 147-148; Д. 639, Л. 15-16, 61-62, 65-66; Д. 700, Л. 17-20, 85-86, 135-136, 149-150; Д. 701, Л. 1-2, 49-52

Таблица 2

Динамика численности умерших детей в возрасте до одного года по причинам смерти в отдельных городах Западной Сибири в 1946-1947 гг.*

	Всего умерло детей до года		Из них от:											
			дизентерии		токсической диспепсии		туберкулеза		воспаления легких		скарлатины		дифтерии	
	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947	1946	1947
Барнаул	595	1049	7	53	65	199	36	50	168	339	7	3	5	5
Кемерово	444	923	1	109	79	192	41	531	162	279	1	3	3	5
Новосибирск	1661	3214	69	233	100	564	93	204	491	1114	7	5	14	20
Омск	1196	1982	40	169	104	259	68	163	353	723	5	4	5	14
Томск	481	777	43	107	74	101	25	30	106	200	1	1	4	17
Тюмень	334	648	8	64	41	53	16	30	71	162	–	–	2	4
Прокопьевск	386	763	6	44	71	203	13	38	157	323	–	–	5	6
Бийск	173	386	1	17	40	66	16	512	35	124	3	1	3	1
Всего:	7216	11689	2121	2743	2520	3584	2254	3505	3489	5211	24	17	1987	2019
Количество умерших в 1947 г. в % к 1946 г.		185%		455%		285%		506%		212%		71%		176%

*Таблица составлена по данным: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 638, л. 9-10, 21-22, 57-58, 137-138, 147-148; д. 639, л. 15-16, 61-62, 65-66; д.700, л. 17-20, 85-86, 135-136, 149-150; д.701, л. 1-2, 49-52

сложной внешнеполитической обстановкой, необходимостью быстрого наращивания военно-политического потенциала, соответствующего новым вызовам времени.

В этих условиях, как и вообще в сталинскую эпоху, приоритетность целей достижения военно-стратегических преимуществ любой ценой отодвигала на второй план ценностную установку на возможность продления человеческой жизни и улучшение ее качества. Хотя горожанам в той ситуации выжить было несколько проще, чем сельским жителям: в городах, в отличие от села, в 1946 и 1947 г. сохранялась карточная система. Ее наличие гарантировало только уровень физиологического выживания человеческого организма, но не было достаточным для того, чтобы сохранить здоровье. Сокращение резервов продовольствия, вызванное неурожаем, привело к повсеместному урезанию норм его выдачи, даже для маленьких детей, которые нередко не получали необходимых молочных смесей из-за нехватки молока в молочных кухнях, неполному отовариванию карточек, замене полноценных продуктов эрзацами, и как следствие недоеданию, ухудшению качества питания основной массы городского населения, развитию дистрофии, рахита, и на этом фоне повышению смертности.

В Новосибирске на причины, вызванные хроническим недоеданием, приходилось почти 50 % смертей. Среди детей в возрасте до 3-х лет, находившихся в 1946 г. на лечении в педиатрической больнице Барнаула, 59,3 % имели диагноз дистрофия. Возрастало количество физически ослабленных детей. Если в 1946 г. в городах Кузбасса из общего числа осмотренных детей-семилеток ослабленных было выявлено 8798, то в 1947 г. уже 11487. В 1947 г. за счет дистрофии повысился уровень больничной смертности горожан Кемеровской области на 3,4 %: она стала причиной смерти 43,2 % детей в возрасте до года и 17 % взрослых. Уже в 1948 г., когда ситуация со снабжением городов продовольствием стала немного улучшаться, больничная смертность в Кемерово понизилась на 1,7 %, и в стационарах не было зафиксировано ни одного летального исхода по причине дистрофии⁶.

Голод усилил миграцию сельских жителей, в том числе нелегальную, в промышленные города региона. Колхозники часто уезжали из деревень без документов, не имея возможности трудоустроиться и получить продовольственные карточки в городах. Среди

переселенцев наблюдалась высокая смертность, поэтому соответствующий коэффициент в первые послевоенные годы в городах был выше, чем в сельской местности. В 1947 г. в городах Западной Сибири он равнялся 16,7 %, в 1949 г. 12,2 %; в сельской местности – соответственно 13,2 и 11,6 %⁷. Умершие после смерти зачастую регистрировались как «неизвестные». В Куйбышеве Новосибирской области таковых оказалось около 8 % от общего числа зарегистрированных смертельных случаев⁸. Очевидно, что в столь неблагоприятных внешних условиях сохранить жизнь человеку могло только своевременное оказание медицинской помощи. Поэтому, несмотря на все трудности, которые в это время испытывало здравоохранение, и благодаря работе медиков смертность от послевоенного голода была все-таки меньше, чем в 1921 г. и не превысила 1 млн. человек⁹.

Дополнительным экзогенным фактором, обостряющим ситуацию с заболеваемостью и смертностью городского населения в начальный послевоенный период, стал тяжелый и, как правило, неблагоустроенный быт горожан. Источником инфекций, большинство из которых передается контактным путем, становились все те места, где имелаась скученность и теснота: жилые дома, детские учреждения, школы и поликлиники, городской общественный транспорт, крупные железнодорожные станции, вокзалы и территории вокруг них, переполненные детьми-беспризорниками, бездомными и нередко больными людьми. Основными типами городских жилищ в послевоенные годы оставались небольшие деревянные дома, составлявшие, к примеру, в Новосибирске в 1943 г. 78 % построек, и общежития, в которых проживало около 60 тыс. рабочих городских предприятий. При этом 44 % общежитий размещалось в бараках, 16 % – в землянках и только 25 % – в капитальных зданиях. Жили тесно, в среднем на одного горожанина в годы войны приходилось всего 2,4 кв. м площади, к 1947 г. обеспеченность ею повысилась всего до 3 кв. м на человека. Водопровод был проведен только в 19 % общежитий, канализация – в 9 %. Матерям, имеющим малолетних детей, не всегда предоставлялись лучшие комнаты в квартире или общежитии, они не полностью снабжались керосином и топливом. Проблема недостаточного обеспечения теплом жилых и производственных помещений очень характерна для второй половины 1940-х гг. Она была актуальна даже для угледобывающего

Кузбасса, где, согласно выводам госсанинспекции, обследовавшей в 1951 г. жилищные условия горняков, в большинстве жилых домов зимой было очень холодно¹⁰.

Плохие жилищные условия, нехватка топлива в условиях сурового сибирского климата, практически повсеместное отсутствие бытовых удобств, неполная очистка городской территории от нечистот, плохое питание являлись обычными для горожан в первое послевоенное пятилетие, потенциально усугубляя ситуацию с заболеваемостью и смертностью населения.

Только в конце 1940-х – 1950-е гг., когда последствия и трудности войны стали постепенно преодолеваются, началось совершенствование форм и методов организации здравоохранения, произошли положительные сдвиги в профилактике и анализе причин заболеваемости, несколько улучшился общий материально-бытовой уровень жизни населения, наметилась устойчивая тенденция сокращения заболеваемости и смертности. Вместе с тем, не все эндогенные факторы могут быть устранены человеком, действие некоторых из них носит перманентный характер.

Особенностью западносибирского региона является наличие на его территории разных природно-климатических зон: тундры, тайги, лесостепи, находящихся в резко континентальном климатическом поясе, с частыми и резкими колебаниями температуры при относительно большой влажности. Эти обстоятельства сказывались на социально-бытовых условиях жизни человека и стимулировали возникновение простудных болезней, которые имели высокий удельный вес в течение всего рассматриваемого периода. Согласно данным Минздрава РСФСР, к 1958 г. патологии органов дыхания составили больше четверти (25,9 %) в структуре общей заболеваемости населения республики, в то время как инфекции дали 21,4 %¹¹. Их динамика, прослеживаемая по разным областям региона, показывает, что при всех сезонных колебаниях, характерных для этих патологий, в целом простуды имели тенденцию к росту количества больных. Если в 1955 г. воспалением верхних дыхательных путей в Омске заболело 7,0 % от общего числа больных, обратившихся в городские поликлиники, то в 1956 г. уже 8,1 %, ангиной соответственно 5,0 и 5,3 %. Из общего числа зарегистрированных заболеваний на поликлинических приемах в городах Алтайского края первое место также занимали острые воспаления верхних дыхательных пу-

тей, составившие в 1954 г. 16,4%, в 1955 г. – 7,4 %, но в 1957 г. снова увеличившиеся до 8,5 %. Затем следовали ангины, заболеваемость которыми в середине 1950-х гг. колебалась от 2,7 до 3,6 %. В городах и рабочих поселках Кемеровской области в 1957 г. заболеваемость острым катаром верхних дыхательных путей выросла на 9 %, крупозным воспалением легких на 21 %. В городах Тюменской области также наблюдался прирост числа заболевших ангинами с 39 случаев на 1000 чел. в 1953 г. до 52,3 в 1960 г., гриппом и катаром верхних дыхательных путей соответственно с 99 до 132,9, пневмонией с 14,9 до 20,7 случаев. В Томской области в 1960 г. имелся прирост числа заболевших ангинами на 7,6¹².

Общее оздоровление ситуации было связано как с развитием медицинской помощи городскому населению, так и с улучшением условий социально-бытовых условий жизни. С середины 1950-х гг. началось массовое жилищное строительство. Во многих областных центрах Западной Сибири были приняты планы городского благоустройства¹³.

Однако директивная советская экономика не предполагала гармоничного формирования новых территорий, вопросы удовлетворения нужд населения оценивались как второстепенные, что создало условия для высокого уровня заболеваемости в ходе промышленного освоения Западной Сибири. В частности, несмотря на улучшение снабжения городского населения непродовольственными и продовольственными товарами, качество продуктов и структура их потребления не соответствовали нормам здорового и рационального питания. Судя по структуре товарооборота Омска в конце 1950-х гг., основным продуктом питания горожан по-прежнему оставался хлеб, составлявший 4,91 % от объема продаж продовольственных товаров, все остальные продукты, особенно энергетически ценные, уступали ему: мясо и мясные изделия – 4,78 %, молоко и молочные продукты – 2,95 %, а овощи и фрукты соответственно всего 0,46 и 1,83 %, т.е. их потребление не было регулярным, а носило сезонный характер. Вместе с тем, по данным Института питания АМН СССР, потребность рабочих Сибири в калорийной пище была на 7 % выше, чем в центре. Следует также учесть, что имелись серьезные проблемы с качеством и доступностью основных продуктов питания. Это вынуждало городских жителей Западной Сибири покупать необходимые продукты не в магазинах, а на колхоз-

ных рынках, где цены были в 1,7 раза выше, чем в государственной торговле¹⁴. Если же сравнивать размеры заработной платы в Западной Сибири с центром РСФСР, приняв его за 100%, то здесь имела дифференциация, вызывавшая различия в уровне жизни сибиряков. В Новосибирской области она достигла 100 %, а в Омской области и Алтайском крае составляла всего 98,2 и 91,7 % соответственно. Выше среднего уровня зарплата была в Тюменской и Томской областях: 108,3 и 107,0 % соответственно. Немного улучшал ситуацию тот факт, что в промышленности средняя зарплата была выше, чем в аграрной сфере и народном хозяйстве в целом. В Кемеровской области в начале 1960-х гг. зарплата в промышленности достигла 135,4 руб., в народном хозяйстве – 110 руб., в аграрной сфере – 74,4 руб.¹⁵. Несмотря на то, что постепенно сокращался рабочий день, проводилась последовательная политика повышения заработной платы рабочих и служащих (рост реальной заработной платы по сравнению с 1950 г. в РСФСР составил в 1955 г. 141 %, в 1959 г. – 156 %), принят закон о государственных пенсиях, уровень жизни сибиряков был в целом ниже, чем в европейской части страны¹⁶.

Тем не менее, социально-экономическая стабилизация и некоторый рост народного благосостояния привел к возобновлению крупного демографического процесса поэтапного перехода от традиционного к рациональному, современному типу воспроизводства населения, начало которого для Сибири исследователями определяется на рубеже XIX–XX веков. Его вторая фаза пришлась на 1930–1950-е гг. и была временно прервана крупной демографической катастрофой – Великой Отечественной войной. С ее окончанием постепенно возобновились характерные черты этого процесса, состоящие в уменьшении темпов естественного прироста населения вследствие одновременного снижения коэффициентов рождаемости и смертности.

Улучшение условий бытия сделало внешние трудности менее угрожающими здоровью горожан, что, в свою очередь, положительно отразилось на динамике заболеваемости и смертности населения. В РСФСР в 1956 г. она уменьшилась по сравнению с 1940 г. в 2,6 раза, в СССР за период 1946–1960 гг. – в 1,5 раза¹⁷. Аналогично общероссийской тенденции демографическое развитие городского населения Западной Сибири также характеризовалось быстрым со-

крашением общего уровня летальности, коэффициент смертности, сложившийся в регионе в 1950-е гг., был даже ниже общесоюзного и равнялся 6,4, в то время как в РСФСР в 1960 г. данный показатель достиг только 7,4 на 1000 чел., и это стало самой благоприятной величиной из всех достигнутых во второй половине XX века¹⁸. Хотя, внутри региона, конечно, имели место колебания общего показателя. Так, например, в Новосибирске число умерших на 1000 чел. в 1940 г. равнялось 22,8, в 1950 г. – 10,6, в 1955 г. – 6,8, в 1960 г. – 6,5. В Кемеровской области этот показатель составил в 1940 г. – 19,2, в 1950 г. – 12,8, в 1955 г. – 9,1. В Тюмени в 1950 г. – 11,6, в 1960 г. – 6,7, в Ишиме – соответственно 11,6 и 6,6, в Тобольске – 11,0 и 7,8. В целом общая смертность в Тюменской области с 1940 по 1965 гг. снизилась втрое, детская в 5 раз.¹⁹

Но процесс снижения уровня смертности не был равномерным. Внутри него можно выделить, по меньшей мере, две стадии, когда смертность несколько увеличивалась, не достигая, однако, критических величин. Первая – это 1947–1951 гг., когда активно проявили себя квазиэндогенные факторы, т.е. причины накопленного генеза, вследствие которых умирали от ран и болезней те, кто прошел войну. Это было закономерно – на фронте и в тылу люди находились в состоянии длительного хронического стресса, усиливавшегося лишениями, тяжелой работой, часто на пределе сил, неизбежно подтачивающими резервы организма и стимулирующими развитие хронических патологий. Вторая – это 1957 и 1959 гг., когда смертность несколько возросла в связи с эпидемией вирусного гриппа. В городах Сибири она увеличилась с 8,2 на 1000 чел. в 1956 г. до 8,5 в 1957 г., затем стала снижаться до 7,9 в 1958 г. и 7,6 в 1959 г.²⁰

Одновременно в эти годы началось постепенное становление нового типа заболеваемости и смертности, определяемого по преимуществу эндогенными причинами, когда в группе основных соматических патологий стали преобладать хронические болезни. Все большую распространенность получали те болезни, которые присущи современному индустриальному городу. Характер социально-экономического развития подобной среды способствовал росту стрессовых, экологических, техногенных рисков, отрицательно влиявших на здоровье населения и приводивших к развитию патологий органов кровообращения, нервной, эндокринной, опорно-двигательной и других систем, злокачественных новообразований и иных за-

болеваний. Анализ источников свидетельствует, что в среде городского населения Западной Сибири в 1950-е гг. наблюдаются тенденции к приросту количества больных хроническими патологиями. Только за один 1957 г. в Кузбассе произошел прирост таких больных на 6,4 %. В городах Тюменской области количество заболевших раком на 1000 чел. увеличилось с 1,8 в 1953 г. до 4,3 в 1960 г.²¹ Повсеместно росло число больных с сердечно-сосудистыми патологиями. В городах Алтайского края количество гипертонических больных к 1955 г. увеличилось по сравнению с 1950 г. на 32,9 %. В Омске число заболевших ревматическим пороком сердца в 1955 г. составило 0,1 % в общей структуре заболеваемости, в 1956 г. – 0,2 %. В 1957 г. заболеваемость ревматизмом в Кемеровской области дала рост на 4 %. Широкую распространенность в городской среде имели гастроэнтерологические патологии. Так, в Алтайском крае заболеваемость гастритом составляла в 1954 г. – 3,1 %, 1956 г. – 4,0 %, 1957 г. – 3,8 %. В городах Тюменской области в 1953 г. было 20,9 случаев заболевания гастритами и дуоденитами на 1000 чел., к 1960 г. их число возросло до 23,7²².

Эти патологии нарушают основные жизненные функции человеческого организма и в случае необратимости приводят к смерти. Статистические данные, содержащиеся в таблице 3, с одной стороны, показывают, что как причины смерти эти группы болезней проявили себя практически во всех городах западносибирского региона и в целом даже имели тенденцию к постепенному наращиванию. Но вместе с тем наблюдались внутрирегиональные различия, поскольку на их динамику влияли территориальные особенности в возможностях здравоохранения и ресурсах оздоровительных учреждений отдельных краев и областей.

С другой стороны, очевидно уменьшение удельного веса экзогенных причин и доли класса инфекционных заболеваний. Произошло соответствующее нарастание эндогенных оснований, что с начала 1950-х гг. выдвинуло на первые ранговые места в этом списке раковые и сердечно-сосудистые патологии. Наиболее неблагоприятными городами в этом отношении были Прокопьевск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Томск, Тюмень.

Таблица 3

**Динамика численности умерших по причинам смерти
в отдельных городах Западной Сибири в 1952-1959 гг.***

	Всего умерло			Из них от:														
				дизентерии			туберкулеза			болезней сердца			рака			воспаления легких		
	1952	1956	1959	1952	1956	1959	1952	1956	1959	1952	1956	1959	1952	1956	1959	1952	1956	1959
Анжеро-Судженск	1036	786	862	42	7	5	148	50	43	9	79	67	11	114	156	124	57	64
Кемерово	2146	1691	1736	112	12	11	257	117	107	38	171	225	25	264	286	293	153	133
Бийск	871	983	1149	13	10	3	123	88	74	209	136	244	4	149	175	44	61	64
Прокопьевск	2481	1762	1847	101	8	11	201	101	95	229	252	271	176	189	228	667	310	269
Томск	2215	1941	2016	72	52	52	304	98	93	344	214	313	229	321	328	258	164	147
Тюмень	1189	1019	1050	49	21	15	148	61	44	166	129	178	148	147	172	177	63	44
Ленинск-Кузнецкий	1525	888	1026	76	33	28	147	45	50	26	144	163	97	133	147	501	119	119
Всего:	13415	11026	11645	2417	2099	2084	3280	2516	2465	2973	3081	3420	2642	3273	3451	4016	2883	2799
Количество умерших в 1956 и 1959 гг. в % к 1952 г.		79%	85%		31%	27%		42%	38%		110%	143%		191%	216%		45%	41%

*Таблица составлена по данным: РГАЭ, Ф. 1562, Оп. 20, Д. 1012, Л.3-4, 19-20,65-66, 105-106; Д. 1013, Л. 19-20, 65-66, 79-80; Оп. 27, Д. 202, Л. 3-145; Д. 203, Л. 35-40; Д. 810, Л. 43-44, 55-56, 212-222; Д. 811, Л. 7-8, 31-32, 41-42, 45-46

Оценивая региональные особенности, необходимо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, из-за того, что большая часть этих патологий вызывается естественными процессами старения организма, то с конца 1940-х – начала 1950-х гг. в структуре смертности стали доминировать люди пожилых возрастов. Если в 1938-1939 гг. в СССР для детей в возрасте до 4 лет коэффициент смертности равнялся 75,5 в расчете на 1000 чел., то в 1958 г. уже только 11,8. Смертность людей в возрасте 50-53 года соответственно составила 13,8 и 8,0, 60-64 лет – 24,4 и 6,9, 70 лет и старше – 78,6 и 62,4²³. Поскольку Западная Сибирь в рассматриваемый период отличалась более молодой возрастной структурой населения, то это стало одной из причин опережающего по сравнению с российскими показателями падения уровня смертности в регионе.

Во-вторых, наибольшее влияние на характер естественной убыли населения оказало снижение рождаемости, которое, хотя и не компенсировало потери в результате смертности, но все же понижало их. В условиях снижающейся рождаемости, которая в городах Западной Сибири в 1950-е гг. опережала среднереспубликанские показатели, неизбежным было и снижение детской смертности, а вслед за ней и общей летальности, т.к. именно детская смертность в период войны и два послевоенных голодных года была главным катализатором показателя общей летальности в городах региона. В СССР тенденция снижения детской смертности отчетливо проявилась уже в первой половине 1950-х гг.: если в 1951 г. в городах страны она составила 9,8 % к числу выбывающих детей первого года жизни, то в 1955 г. – 5,4 %²⁴. В Сибири темпы прироста рождаемости и падения детской смертности были менее заметными, чем в целом по стране. Детская летальность в течение первых пяти послевоенных лет здесь сократилась всего на 6,9 %.²⁵ Детская смертность в Томской области убывала с 1947 по 1950 г. с 13,4 % до 10,5 %²⁶. По городским консультациям Тюменской области в 1951 г. она равнялась 7,7 %, в 1955 г. уже только 3,9 %, причем наилучшие показатели были достигнуты в Ханты-Мансийске, а самым отстающим стал Салехард (6 %) ²⁷. В Омске число младенцев, умерших в 1952 г. составило 898 чел., в 1953 г. снизилось до 669 и дальше процесс уменьшения детской смертности остановился²⁸. Медленнее всего смертность детей до года снижалась в Новосибирской области, где в 1957 г. она составила 50,7 чел. на 1000 родившихся, в 1958 г.

уменьшилась только до 47,8, что превышало средний показатель по региону²⁹.

Очевидно, что в 1950-е гг. действие негативных экзогенных факторов оставалось все еще достаточно сильным, хотя и не имело прежнего масштаба. Несмотря на все позитивные изменения в жизни людей, рост уровня жизнеобеспеченности еще не был столь значительным, чтобы произвести переворот в динамике заболеваемости и смертности. Наряду с улучшением во внешних условиях жизни горожан, сохранялись серьезные трудности, усложняющие их социальное бытие. Процесс десталинизации советского общества, с одной стороны, привел к значительно большему вниманию со стороны власти к социально-бытовым вопросам жизни населения, но, с другой, не ликвидировал сложившуюся практику, когда человек и его благополучие приносились в жертву экономическому прогрессу и достижению амбициозных целей форсированного построения коммунизма и первенства в противостоянии с ведущими западными державами, что обусловило традиционное отставание социальной сферы.

На состояние здоровья также влияли особенности проживания в современном индустриальном поселении. Возможности города и здоровый образ жизни его населения – категории взаимосвязанные. Очевидно, что практика градостроительства должна отталкиваться от процессов взаимодействия с окружающей средой, уклада и образа жизни населения, предусматривать развитие на основе взаимодействия биологических, социальных и экономических законов формирования человеческого общества. В идеале город есть система, стремящаяся к сбалансированности трех главных подсистем: население – среда – ресурсы. Но городская среда могла обеспечивать сохранение здоровья населения только тогда, когда оно рассматривалось не как средство для решения социально-экономических задач, а как цель общественного развития. Однако в условиях ускоренного индустриального роста в предвоенные и послевоенные годы акцент смещался не на первую, а на третью часть этой триады. Поэтому в процессе градообразования экологические и иные риски практически не учитывались, в результате вредные для здоровья людей промышленные предприятия оказывались нередко расположенными в центральной части города. Человек в городе, особенно крупном, подвергался многочисленным внешним воздействиям, боль-

шая часть которых вызывала у него состояние хронического стресса, что, в свою очередь, стимулировало развитие разного рода соматических патологий.

Наиболее социально значимыми являются потери здоровья работающего населения. Проблема заболеваемости с утратой трудоспособности охватывает целый ряд важнейших разделов медицинского обслуживания городских жителей. Сюда, прежде всего, относится анализ структуры заболеваемости, ее причин, их корреляция с условиями труда рабочих. Нужно отметить, что систематического отслеживания динамики такого рода показателей органами здравоохранения разного уровня в изучаемый период не велось.

Таблица 4

Динамика производственного травматизма в промышленности некоторых областей Западной Сибири за 1957-1959 гг.*

Область	Число смертельных случаев			Число пострадавших с утратой трудоспособности на 1000 работающих			Средняя продолжительность нетрудоспособности		
	1957	1958	1959	1957	1958	1959	1957	1958	1959
Кемеровская	273	257	259	93	95	81	13	13	14
Новосибирская	28	43	36	47,9	45	46	12,9	13	13,2
Томская	41	27	27	66	74	74	13	13	13
Тюменская	43	25	41	54	52	60	13	13	13

*Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 441. Л. 114, 118, 120, 122; Д. 577. Л. 24, 41, 53, 56-57; Д. 947. Л. 19, 32, 44, 47.

Хотя источники не содержат достаточных данных, чтобы представить в полном объеме картину производственно-обусловленной заболеваемости и смертности работающего населения в 1950-е гг. в городах западносибирского региона, но на основании их анализа очевидно, что потери рабочего времени в результате несчастных случаев (травм и отравлений) занимали одно из ведущих мест среди экзогенных причин.

Анализ данных показывает, что в конце 1950-х гг. самая высокая продолжительность нетрудоспособности на 1000 работающих и смертность, связанная с производством, наблюдалась на промышленных предприятиях Кемеровской области, что, скорее всего, было связано с повышенной опасностью условий труда в угольной и химической отраслях. Этот вывод подтверждается анализом динамики

несчастных случаев в те же годы, но по отдельным отраслям промышленного производства Западной Сибири. Наивысшие показатели смертности на производстве в конце 1950-х гг. наблюдались в топливной (угольной) промышленности и локализовались в Кузбассе. Второе место занимало строительство, третье – транспорт.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что динамика заболеваемости и смертности в западносибирских городах шла в русле аналогичных процессов в целом по стране и республике и соответствовала логике общеисторического развития при переходе страны от военного кризисного периода к мирному устойчивому развитию. Тяжелая демографическая ситуация, высокая смертность, особенно детская, наблюдавшаяся после войны, заставляла государство стремиться к созданию более благоприятных условий жизнеобеспечения (среда, экономика, социальные условия). Это позволило решить задачи улучшения медико-демографической ситуации, переломить ее характер и тенденции, в конечном итоге, обеспечить советскому обществу не только выживание, но и развитие. В этих чрезвычайно сложных условиях городское здравоохранение в Западной Сибири показало себя как социально эффективное.

¹ **Население** России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940-1959. М., 2001, С. 87.

² **Исупов В.А.** Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 1930-х – конец 1950-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 109.

³ **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 47. Д. 6785. Л. 2; **Исупов В.А.** Городское население Сибири, С. 110; **Григоричев К.В.** Динамика рождаемости и смертности населения Алтайского края в середине 1940-х – конце 1980-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 314; **Бурматов А.А.** Голод в Новосибирской области (1946-1948)//Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 97; **ГАНО.** Ф. 29. Оп. 1. Д. 462. Л. 6.

⁴ **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 47. Д. 4826. Л. 25; Ф. 259. Оп. 6. Д. 4465. Л. 10.

⁵ **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 47. Д. 4826. Л. 25; Д. 4831. Л. 186; Д. 6785. Л. 3; Д. 8551. Л. 3; **НГГА.** Ф. 278. Оп. 1. Д. 31, Л. 10; Д. 40. Л. 67.

⁶ **Исупов В.А.** Городское население Сибири. С. 110; **ЦХАФАК.** Ф. 726. Оп. 1. Д. 214. Л. 48; **ГАКО.** Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 28,29; Ф. 316. Оп. 1. Д. 15. Л. 44; **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 47. Д. 6796. Л. 56.

⁷ **Население** Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С.80.

-
- ⁸ **Бурматов А.А.** Голод в Новосибирской области (1946 – 1948). С. 98.
- ⁹ **Исупов В.А.** Демографическая сфера в эпоху сталинизма// Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 198.
- ¹⁰ **НГГА.** Ф. 278. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; **ГАРФ.** Ф. 259. Оп. 6. Д. 4465. Л.1; Ф. 482. Оп. 49. Д.3095. Л. 14.
- ¹¹ **Здравоохранение** России. XX век. Под ред. Ю.Л. Шевченко, В.И. Покровского, О.П. Щепина. М., 2001. С.33.
- ¹² **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 50. Д. 1163. Л. 5; Д. 2264. Л. 4; Д. 2270. Л. 17; Д. 5283. Л. 72-73; **Медведев С.Ф.** Демографические показатели и общая заболеваемость населения Тюменской области // Развитие здравоохранения в Тюменской области за годы советской власти. Тюмень, 1968. С. 21.
- ¹³ **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 49. Д.3095. Л. 14; Д. 9077. Л. 197.
- ¹⁴ **Народное хозяйство** Омской области. Стат. сб. (За 1958-1965 гг.). Омск, 1967, С. 190; **Галкина Т.А.** Влияние социально-экономических условий жизни на миграцию городского населения Западной Сибири в 60-е годы. 1992. С. 115; **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 49. Л. 3122, Л. 11; **ГАНУ.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 788. Л. 59.
- ¹⁵ **Галкина Т.А.** Влияние социально-экономических условий жизни на миграцию городского населения Западной Сибири в 60-е годы. С. 114; **Народное хозяйство** Алтайского края за 50 лет советской власти. Статистический сборник. Барнаул, 1967. С. 81; **Кемеровская область** в цифрах. 1965-1975 гг. Кемерово, 1977. С. 77.
- ¹⁶ **Народное хозяйство** РСФСР в 1959 году. Стат. ежегодник. М., 1960. С. 23; **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 23. Д. 64. Л. 130.
- ¹⁷ **Народное хозяйство** РСФСР. Стат. сб. М., 1957. С. 337; **Исупов В.А.** Городское население Сибири. С. 111.
- ¹⁸ **Исупов В.А.** Городское население Сибири. С. 111; **Здравоохранение** России. XX век. С.21.
- ¹⁹ **Народное хозяйство** Новосибирской области. Стат. сб. Новосибирск, 1961. С. 301; **Народное хозяйство** Кемеровской области. Стат. сб. Кемерово, 1958. С. 135; **Медведев С.Ф.** Демографические показатели и общая заболеваемость населения Тюменской области. С. 18, 20.
- ²⁰ **Народное хозяйство** РСФСР в 1959 г. С. 545; **Исупов В.А.** Городское население Сибири. С. 109.
- ²¹ **ГАРФ.** Ф. 482. Оп. 50. Д. 1163. Л. 5; Д. 2270. Л. 17; **ГАКО.** Ф. 864. Оп. 1. Д. 59. Л. 54; **Медведев С.Ф.** Демографические показатели и общая заболеваемость населения Тюменской области. С. 21.
- ²² **ГАРФ.** Ф. 482, Оп. 50, Д. 2264, Л. 4; Д. 5283, Л. 72; **Медведев С.Ф.** Демографические показатели и общая заболеваемость населения Тюменской области. С. 21.
- ²³ **Здравоохранение** в СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 44.

-
- ²⁴ **Гречишникова Л.В.** О состоянии лечебно-профилактической помощи детям и ее улучшении // Советское здравоохранение. 1957. №1., С. 13.
- ²⁵ **Исупов В.А.** Городское население Сибири. С. 112; **Бадалян Т.М.** Здоровье населения Западной Сибири. 1946-1960 гг.// Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998, С. 108.
- ²⁶ **Федотов Н.П., Бова П.А., Березин В.П.** Очерки по истории здравоохранения Томской области (к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1967. С. 142; **ГАТО.** Ф. 1005, Оп. 1, Д. 532, Л. 1; Ф. 441. Оп. 1. Д. 264. Л. 18.
- ²⁷ **ГАРФ,** Ф. 482, Оп. 50, Д. 1797, Л. 4.
- ²⁸ **РГАЭ.** Ф. 1564, Оп. 27, Д. 11, Л. 10.
- ²⁹ **НГГА.** Ф. 278. Оп. 1. Д. 52. Л. 5; **ГАНО.** Ф. 29. Оп. 1. Д. 953. Л. 3; Д. 701. Л. 7; Д. 953, Л. 3.

С.А. Рафикова

ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РАБОЧЕЙ СЕМЬИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-е гг.

Повседневность 1960-х гг. характеризовалась особым социально-культурным фоном, столь же противоречивым, как и сама эпоха. Демократизация общественной жизни привела к заметному оживлению в области культуры. Однако «оттепель» оказалась очень переменной и недолгой. Н.С. Хрущев не раз говорил, что в вопросах культуры он – «сталинист». Встречи лидера партии и государства с интеллигенцией все более приобретали характер проработок, негодные выставки искусства сносились бульдозерами. Смена руководства в середине десятилетия еще более способствовала усилению идеологического воздействия на культуру, символизируя переход к неосталинизму и начало «ползучей реакции». Столь же неоднозначно развивались культурные связи с Европой и Америкой. С одной стороны, и активизация международных контактов усилили западные веяния, больше стало звучать музыки в исполнении зарубежных артистов. Однако не ослабевала и волна развенчания буржуазной культуры в целом и отдельных ее проявлений, вроде джаза, в частности. Не миновал культурную сферу и технический прогресс. Особо стоит подчеркнуть бурное развитие средств массовой информации, и в первую очередь – телевидения, позволившего приобщить широкую аудиторию не только к получению информации, но и к лучшим произведениям балетного кинематографического, театрального, искусства.

Непоследовательная демократизация, усиление западного влияния, технический прогресс – основные, на наш взгляд, приметы культурной жизни того времени. Каким образом данные перемены отразились в повседневной деятельности людей?

Источниковую базу статьи составили, помимо официальной документации, значительные массивы социальной информации (обследования бюджетов времени и потребительских бюджетов рабочих семей), социологических исследований, художественно-публицистическая литература, а также цикл народных мемуаров, собранных в ходе реализации авторского проекта.

Культурный уровень социального субъекта есть, прежде всего, результат деятельности, связанной с производством, распространением, сохранением и потреблением ценностей культуры. Поскольку в данном случае субъектом является семья, то правомерно говорить о культуре семьи, т.е. об обусловленной общественными отношениями степени реализации сущностных сил и творческих способностей семейного коллектива в целом и его отдельных членов¹.

Если исходить из посылки о временном течении деятельности, то собственно культурная ее составляющая в основном приходится на свободное время, хотя и не идентифицируется с ним. Существует, как минимум, два подхода к определению свободного времени. Большинство авторов, вслед за классиками марксизма-ленинизма, рассматривают его как «настоящую ценность», «действительное богатство общества», как время исключительно развивающей деятельности. С другой стороны, существует позиция, согласно которой свободное время – это не идеальная категория, а конкретно историческая данность, соотносящаяся в обыденном сознании с понятием «высвобожденное» время, т.е. свободное в том смысле, что оно не регламентировано обществом и свободно от исполнения различных непреложных обязанностей. Следовательно, свободная деятельность может быть отнюдь не только позитивной и возвышенной².

Вторая точка зрения представляется наиболее конструктивной и соответствующей задаче изучения живой деятельности: в единстве и борьбе культуры с антикультурой, пассивности с активностью, созерцательности с созиданием, расширенного воспроизводства субъекта с разрушающими личность воздействиями. Однако, противоречие между двумя разграниченными взглядами, как идеальным и реальным, – диалектическое, исторически принципиально разрешимое постольку, поскольку высвобожденное время способно становиться действительно свободным.

В самом общем виде, согласно разнообразным классификациям бюджета времени, к свободному относится время учебы, самообразования, участия в общественной жизни, занятий физкультурой, спортом, любительским творчеством, а также отдых и различного рода развлечения. На наш взгляд, такой подход, с одной стороны, значительно расширяет рамки свободного времени, посредством включения в него занятий в сфере образования и общественного

управления, но, с другой стороны, не все досуговые формы времяпровождения оказываются учтены.

Учеба, повышение квалификации, совмещенные с работой на производстве, были типичным явлением для многих, особенно молодых рабочих, занимая в среднем полчаса в будний день и полтора часа в выходной. Около 60 % всего затрачиваемого на учебу времени приходилось на занятия в учебных заведениях и примерно по 20 % – на дорогу и выполнение домашних заданий, то есть чтение учебной литературы, конспектирование, изготовление чертежей и прочее³.

В начале 1960-х гг. осуществлялся переход на обязательное 8-летнее образование. Между тем, многие рабочие закончили лишь начальную школу. В Томской обл. в 1960 г. имеющих начальное образование и нигде не обучающихся молодых рабочих насчитывалось более 10 тыс. В Кемеровской обл. 507 тыс. чел. в возрасте 15–35 лет не имели семиклассного образования, а обучалось из них лишь 16 тыс. Основной формой получения среднего образования становятся школы рабочей молодежи, численность учащихся в которых увеличилась по региону за десятилетие почти в полтора раза. Однако план по охвату рабочей молодежи системой вечерних школ постоянно не выполнялся, отсеив учащихся за год достигал 25–30 %, успеваемость была низкой, в основном трехбалльной⁴.

Часть рабочих совмещала работу на производстве с вечерним или заочным обучением в вузах и техникумах, что было сопряжено с немалыми перегрузками, особенно для людей семейных и занятых тяжелым физическим трудом. Администрация не всегда шла навстречу рабочим-студентам. К тому же повышение образования не имело достаточных материальных стимулов, порой, рабочий с 5 классами зарабатывал больше, чем техник или инженер.

Общественная работа, как правило, относится к управленческой сфере. Поэтому, не останавливаясь на ней подробно, отметим, что бюджеты времени фиксируют очень незначительную величину временных затрат на ее выполнение – в среднем около 5 мин. в день и менее. Данный вид непроизводственной деятельности включал в себя выполнение различных общественных поручений, участие в собраниях, субботниках, заседаниях, демонстрациях и т.д. Основной формой участия в управленческих структурах являлось посещение собраний. Около 70 % респондентов, по данным уральского

обследования 1966–71 гг., регулярно посещали собрания, 17 % – время от времени, и лишь 12 % – очень редко или никогда. Социологические обследования второй половины 1960-х гг. свидетельствуют, что большая часть «общественников» (60 % рабочих и 80 % ИТР) выполняли свои поручения в рабочее время, т.е. в ущерб основной профессиональной деятельности. С переходом на пятидневную рабочую неделю периодичность и длительность выполнения общественных работ сократилась. Отметим также довольно активное участие промышленных рабочих в написании писем в газеты, на радио и телевидение. Более 40 % получаемой средствами массовой информации корреспонденции исходила именно от рабочих, 26 % – от пенсионеров, среди которых также были бывшие рабочие. В письмах чаще всего затрагивались вопросы работы сферы услуг, жилищного строительства и распределения жилья, благоустройства населенных пунктов, т.е. непосредственно связанные с бытом трудящихся и их семей⁵.

Следует подчеркнуть, что влияние общественности, особенно в первой половине 1960-х гг., было довольно весомым, существовали многочисленные общественные организации, влиявшие на семейно-бытовую сферу: профсоюзные комиссии, женсоветы, домовые комитеты, товарищеские суды, добровольные народные дружины. Деятельность партийно-пропагандистских институтов также не ограничивалась общим руководством, а включала и контроль над личной жизнью, раздачу «добровольных» поручений. Основная же часть свободного времени приходилась на досуговые занятия – отдых, развлечения, любительскую деятельность.

Досуг – это вид деятельности, которую индивид всецело организует по своему усмотрению и выбору. Проблема досуга, в т.ч. в его социальном и семейно-бытовом ракурсах, не получила должного освещения в литературе. К сожалению, большинство исследователей акцентирует внимание на формальной стороне дела, перечисляя количество библиотек, клубов, киноустановок, телевизоров и т.д. Не отрицая принципиальной возможности такого подхода, укажем на его явную недостаточность, известную поверхностность и несостоятельность для оглашения далеко идущих выводов.

Необходимо исходить из существования многофакторной зависимости культурного функционирования субъекта. Действительно, во многом оно зависит от развития сферы образования, культуры,

спорта в обществе. Но также следует учитывать возможности домашней организации потребления культурных ценностей и наличие резерва времени у населения. Наконец, очень многое зависит и от субъективных характеристик: уровня личной культуры, умения рационально распорядиться свободным временем, развитости потребностей в насыщенной культурной деятельности. Только все эти аспекты, в совокупности и взаимосвязи, способны охарактеризовать определенный тип досуга.

Обычно по месту локализации досуговую деятельность делят на публичную, т.е. протекающую в учреждениях культуры (театры, кино, музеи) и в городской среде обитания (улицы, парки, скверы, агитплощадки), и на индивидуально-семейную, т.е. в основном связанную с жилищем человека. Зачастую отдых и развлечения подразделяют также на активные и пассивные, рассматривая последние, как правило, со знаком минус. Не стремясь изначально определить, какие виды отдыха «хороши», а какие – «плохи», попытаемся выявить наиболее типичные из них применительно к рабочим семьям Западной Сибири в 1960-е гг.

Семейный досуг – это вид деятельности, который менее всего регламентирован обществом, а потому позволяет выявить личностные особенности его организаторов, тяготения к определенным видам занятий. Одновременно он с очевидностью обнаруживает те внутренние противоречия и проблемы, которые в прочих сферах деятельности семьи отодвигаются на второй план, предстают более завуалированными.

Анализ бюджетов времени убеждает в том, что абсолютно преобладающими по временным затратам и разнообразными по форме были развлечения: чтение, радиослушание, посещение кино, театров, музеев, лекций, концертов, прием и посещение гостей – в совокупности на это затрачивалось по 2–3 часа ежедневно, а в выходные дни – до 5–7 часов. В будни, когда после работы и выполнения домашних дел оставалось немного времени, оно употреблялось преимущественно на индивидуально-семейное потребление культуры, в выходные дни чаще обращались к публично-зрелищным организациям, выезжали за город, т.е. заметно активизировалась тенденция к внедомашним видам свободного времяпровождения. Примерно такая же закономерность прослеживается и в координатах: «зима–лето», «семейные–несемейные»⁶.

Среди домашних видов потребления культуры наиболее распространенным было чтение, а также просмотр телевизионных и прослушивание радиопередач. Причем, для 1960-х гг. характерна своеобразная конкуренция между традиционным чтением и радиослушанием, с одной стороны, и просмотром телепрограмм – с другой.

На *чтение* ежедневно каждый трудящийся в среднем затрачивал около получаса. Данный показатель недостаточно точен, поскольку иногда в него включалось только чтение периодической и художественной литературы, а в других случаях – и специальной, учебной. Следовательно, полчаса ежедневного чтения – величина условная, но показательная в том смысле, что потребление печатной информации было довольно регулярным занятием, и если не всеохватывающим, то чрезвычайно массовым.

По результатам интереснейшего обследования «Книга и чтение в жизни небольших городов», к читающей публике было отнесено 95 % жителей всех возрастов, начиная с младших школьников; оставшиеся 5 % приходились в основном на людей старшего возраста, с низким уровнем образования; 11 % всех опрошенных читали только периодические издания. Сходные данные были получены в результате обследования свободного времени горожан, проведенного в 1963 г. Более 80 % респондентов ежедневно читали газеты и еженедельно – журналы и книги. Потребительские бюджеты рабочих фиксируют, что на приобретение печатных изданий в начале периода затрачивалось 15–18 руб. в год на одну семью, а в конце 1960 гг. – уже более 30 руб.⁷

Наибольшей регулярностью в рабочей среде отмечалось обращение к периодике, на протяжении десятилетия произошло усиление этого явления. Поначалу дела с подпиской шли напряженно. В 1961 г. в Новосибирской обл., например, была поставлена задача: подписать каждую семью на 1–2 газеты или журнала, но и эти невысокие показатели достичь не удалось. Профсоюзные организации отмечали даже сокращение числа подписчиков: только в Новосибирске 90 тыс. абонентов не продлили подписку. Весьма незначителен был удельный вес индивидуальных подписчиков, в основном газеты и журналы выписывались за счет предприятий и организаций. Подобное положение существовало и в других областях Западной Сибири. К середине десятилетия ситуация изменилась. Число подписчиков и количество выписанных ими периодических из-

даний значительно возросло. В Томской обл., в связи со свободной подпиской и улучшением материального положения трудящихся, только за 1965–68 гг. на 35 % больше стало выписываться газет, на 90 % – журналов. На Алтае в 1964 г. на один почтовый участок доставлялось в среднем 800 экземпляров периодики, в 1967 г. – более 2 тыс. В Тюменской обл. в 1970 г. каждая семья получала в среднем по 4 наименования периодических изданий. Показательно, что за 10 лет тираж издаваемых в стране журналов вырос более чем втрое, а газет – вдвое⁸.

С ростом подписки отделения связи испытывали перегрузку – расширялся объем и радиус обслуживания, не хватало транспортных средств, служебных площадей. В Тюменской области даже в городах и райцентрах, не говоря уж о прочих населенных пунктах, центральные газеты доходили в лучшем случае на второй–третий день, лишь 2/3 местных газет поступало к читателям в день выхода.

Обследование марта 1968 г. свидетельствует о том, что от 90 до 98 % рабочих Западной Сибири являлись подписчиками 1–2 газет: примерно половина респондентов выписывало центральную газету (преимущественно «Правду») и почти каждый – одну из областных или местных газет. Опросы рабочей молодежи также показали, что практически все обследованные в 1966 г. рабочие в возрасте до 29 лет называли себя читателями газет, из них регулярными – около 85 % по Кемеровской обл., 40 % – на Алтае, 35 % – в Новосибирской обл. Молодые рабочие в 85 % анкет указали, что за ноябрь 1966 г в среднем прочли по 3–4 журнала. В газетах в основном читателей привлекали материалы на международные темы, о жизни страны, местных проблемах. Среди журналов предпочтение отдавалось «Работнице», «Крестьянке», «Здоровью»⁹.

Сходной была степень активности в чтении художественной литературы. В выходной день обращение к книге было неизменным занятием большинства респондентов, а в 25 % случаев горожане посвящали этому досуговому занятию частично оба выходных дня¹⁰. Литературу для чтения рабочие получали из массовых и домашних библиотек, от соседей и знакомых. Любители чтения, как правило, совмещали эти источники. Часть художественных произведений публиковалась в журналах. Особенно популярной была «Роман-газета», другие толстые литературно-художественные журналы не имели широкого хождения среди рабочих по причине вы-

сокой подписной стоимости и нежелания долго ждать продолжения повести или романа.

Статистика свидетельствует о сокращении сети библиотек в Западной Сибири почти на 8 % за 10 лет, но это не является показателем свертывания библиотечного дела в регионе, поскольку ликвидировались в основном маломощные сельские библиотечки, расположенные в непригодных помещениях. Общий же книжный фонд библиотек возрос за это время в 11 раз! Увеличилась и численность читателей. По большинству районов примерно треть населения старше 7 лет пользовались услугами массовых библиотек, хотя и не все достаточно регулярно. Самый высокий процент охвата отмечается по учащимся. В среднем за год каждый прочел по 17–20 библиотечных книг¹¹.

Тематический анализ книговыдачи свидетельствует, что наиболее читаемой была художественная литература, это подтверждается и данными социологических опросов. Что касается выявления предпочтений в выборе художественных произведений, то полной типологизации рабочего читателя представить не удастся, так как не проводилось соответствующих социолого-психологических исследований. Но по имеющимся косвенным свидетельствам и данным по Уралу можно сделать вывод, что рабочие в основном читали русскую советскую литературу, а среди жанров особенно популярны были детективы, приключения, произведения о героях-современниках и о Великой Отечественной войне.

Библиотеки вели активную пропаганду книги, зачастую становились центрами интересных культурно-массовых мероприятий: литературных вечеров, читательских конференций, книжных выставок. В Кемеровской обл. в 1967 г. было проведено более 8 тыс. подобных мероприятий, в Тюменской – свыше 2 тыс.¹²

Домашние библиотеки у рабочих или отсутствовали, или состояли, как правило, из небольшого числа книг. По данным обследования 1966 г. лишь 15,7 % рабочих имели более 100 личных книг. Многие рабочие считали собственные библиотеки ненужной роскошью, а кто-то не имел возможностей (материальных и пространственных) для их заведения. Поэтому распространенным способом получения книг был обмен литературой с соседями и знакомыми. Своеобразным новшеством стало создание народных магазинов. На Алтае в конце 1962 г. таковых насчитывалось 23. Специфика дан-

ной книжной торговли заключалась в том, что возникали магазины прямо на предприятиях, а продавцами были общественники-книголюбцы, что позволяло популяризировать книгу, дойти до каждого рабочего-коллеги, учесть личные пожелания при подборе литературы. Однако кардинально решить проблему народные магазины, конечно, не могли. Общая сеть книготорговли оставалась недостаточно развитой, недопоставлялась необходимая печатная продукция, низким было полиграфическое исполнение, многие книги находились в разряде дефицита. В Кемеровской области, например, спрос на библиотеку приключений удовлетворялся лишь на 10 %¹³.

Из других досуговых занятий, помимо чтения, выделяется радиослушание и телесмотрение. *Радио* стало привычным спутником рабочего быта: радиотрансляционная точка была практически в каждой квартире. По утрам, перед выходом на работу, можно было послушать местные новости, прогноз погоды, ознакомиться с обзором газет. В обеденный перерыв многие рабочие с удовольствием слушали концертную программу «В рабочий полдень», а вечером или в выходной день – интересные радиопостановки, сатирические программы. В 1964 г. началось круглосуточное вещание радиостанции «Маяк», пятиминутные новости перемежались музыкальными номерами. Популярны были песни А. Пахмутовой («Девчонки танцуют на палубе», «Главное, ребята» и др.), Д. Тухманова («Эти глаза напротив», «Последняя электричка»), звучали голоса Людмилы Зыкиной, Эдуарда Хила, Муслима Магомаева, Галины Ненашевой и других исполнителей.

Радио в течение нескольких десятилетий завоевывало своего слушателя, являясь для многих основным, если не единственным, источником информации. *Телевидение* же только начинает входить в рабочие семьи в 1960-е гг., но сразу покоряет огромную аудиторию. Едва ли во всей истории культуры найдется пример другой столь бурной экспансии. «Техническое чудо» буквально на глазах превращалось в нечто привычное, необходимое для миллионов людей. Первый опытный телецентр страны был пущен в эксплуатацию в 1938 г. в Ленинграде, а первая телевизионная передача в Западной Сибири состоялась в канун Первой мая 1955 г. из Томского телецентра. К 1957 г. телестудии были уже во всех крупных сибирских городах. В 1967 г. закончилось возведение главного телепередающего центра СССР высотой 533 м – Останкинской башни.

С начала 1960-х гг. стремительно начинает расти число телеприемников у населения. В середине 1962 г. на 100 рабочих семей на Алтае имелся 31 телевизор, в Кемеровской обл. – 19, в Новосибирской – 32, а к концу периода доля владельцев телеприемников составила уже почти 75 %¹⁴.

Обследование свободного времени горожан 1963 г. зафиксировало, что около 70 % опрошенных ежедневно слушают радио, при этом телевизор смотрят только 16 %, а более половины респондентов вообще никогда не смотрели телепередач. К концу 1960-х гг. телесмотрение уже перекрыло по длительности время радиослушания и чтения. Телепередачи смотрели в среднем более 1 часа в день, а если учесть, что не все имели телевизоры и основное время у телеэкрана проводили в выходные дни, то роль телевидения в организации досуга представляется еще более значительной. Отмечалась даже «телевизионная болезнь», регистрировавшаяся в основном в тех районах, где телевидение только что было освоено. Симптомы данного «заболевания» проявлялись в просмотре всех передач, без разбору. Методом социологического обследования было установлено, что во второй половине 1960-х гг. четверть респондентов могла быть отнесена к категории «телебольных», еще четверть – к ежедневным телезрителям¹⁵.

Однако, по мере того, как телевизор переставал быть диковинкой, проявлялась избирательность в телепросмотрах. Особой популярностью пользовались телевизионные художественные фильмы и постановки, трансляции фигурного катания. Появились и развлекательные программы, в т.ч. полубившиеся публике: музыкальный «Голубой огонек», игровые «КВН» и «А ну-ка, девушки!», юмористический, с элементами западной эстрады, «Кабачок 13 стульев». Из передач научно-познавательного характера наибольший зрительский интерес вызывали программы «В мире интересного», «Клуб кинопутешественников», «В мире животных». С 1 января 1968 г. стала выходить ежедневная информационная программа «Время». Любимые несколькими поколениями детей Филя и Степашка появились в 1964 г., вместе с программой «Спокойной ночи, малыши». В 1960-е гг. были созданы мультфильмы про бременских музыкантов, Чебурашку, Винни-Пуха и другие. Важно отметить, что абсолютное большинство программ ориентировалось на семейный просмотр.

Согласно данным специального обследования, рейтинг телепрограмм тех лет выглядел следующим образом: абсолютно лидировали художественные фильмы и КВН, очень популярны были также многосерийные телефильмы, «Голубой огонек» и эстрадные обзоры. При этом наиболее качественными телепродуктами признавались репортажи Интервидения о спортивных состязаниях, КВН и другие конкурсные программы, эстрадные концерты, а уже вслед за ними шли художественные фильмы и телеспектакли. Внедрение телевидения в повседневность существенно изменило структуру бытовой деятельности. Ради голубого экрана большинство опрошенных в те годы телезрителей готово было позднее лечь спать, отложить книгу и общение с гостями, оставить не сделанными домашние дела¹⁶.

В то же время существовало множество проблем, откровенно слабых передач, при этом сильна была их идеологизация. Интересно и показательно также то, что чем больше телевидение становилось средством идеологического воздействия, тем меньше оно воздействовало на трудящихся, что отражено, например, в сатирическом стихотворении, опубликованном в журнале «Сибирские огни»:

В программе телевидения	Просветпроф... просвещении,
Взамен кинопроекции,	Просветпроф... информации.
Рассказов о событиях,	Поскольку телевизоры
Планируются лекции:	Встречаю в каждом доме я,
О формах обучения,	Предвидится энергии
О формах агитации,	Большая экономия!

Кино завладело титулом самого массового вида искусства уже давно, и в 1960-е гг. продолжало лидировать в шкале популярности у массовой аудитории. Около половины кинозрителей составляла несемейная молодежь. Советский Союз справедливо считался самой «кинопосещающей» страной в мире: каждый житель в среднем за год смотрел кино 19 раз, в т.ч. горожанин – 21 раз. Причем мощная экспансия телевидения не вытеснила кинематограф, который позволял участвовать в коллективном восприятии произведения, давал эффект переключения деятельности, возможность «выйти в люди», тогда как просмотр телепрограмм все более становился привычным элементом домашнего быта.

Кино явно лидировало среди внедомашних видов культурного досуга. Общая статистика по количеству киноустановок в регионе свидетельствует об их полуторном приросте. В стране в 1960 г. снималось 139 полнометражных лент, в т.ч. 108 – художественных, а в 1970 г. – соответственно 218 и 181. В 1960-е гг. стали известны молодые режиссеры Г. Данелия, В. Шукшин, Э. Климов, талантливые актеры Г. Польских, Л. Куравлев, Ж. Прохоренко, Р. Нахапетов, Ж. Болотова и многие другие, рождается бесподобная комическая тройца Вицин–Никулин–Моргунов.

Невозможно перечислить все созданные в те годы фильмы, многие из них пользуются заслуженной любовью зрителей и сегодня: «Чистое небо» Г. Чухрая, «А если это любовь?» Ю. Райзмана, «Девчата» Ю. Чулюкина, «Айболит-66» Р. Быкова, «Я шагаю по Москве» Г. Данелия, «Берегись автомобиля» и «Гусарская баллада» Э. Рязанова. Очень популярны были комедии, снятые Леонидом Гайдаем: фильм «Операция Ы» стал лидером проката, только за год его посмотрело почти 70 млн. зрителей, а «Бриллиантовая рука» побила все прежние рекорды.

В обследованиях бюджетов времени киносмотрение часто объединяется с посещением театров, концертов, выставок и прочих зрелищ. В среднем на оплату развлечений в 1960 г. каждый житель Омской обл. затратил 5 руб., а в 1970 г. – 7,9 руб., в Новосибирской обл. – соответственно 5,9 руб. и 7,2 руб., в Томской – 5,3 и 9,9 руб., в Тюменской – 4,6 и 7,4 руб.¹⁷

Однако значимость публично зрелищных учреждений была различной. На примере Омской обл. видно, что более 70% всех расходов, связанных с оплатой зрелищных мероприятий, приходилась на кино, 11–12 % – на цирк, музеи, выставки, стадионы, 5–9 % – на театры. Но удельный вес затрат недостаточно показателен, поскольку билет в кино стоил в среднем 25 коп., а в театр – 1–2 руб., что еще более повышает рейтинг кинопросмотров¹⁸.

По данным социологических обследований, почти 75 % всех рабочих регулярно ходили в кино. Примерно половина из них посещали кинотеатр раз в неделю и чаще, и лишь 5 % вообще не ходили в кино. В основном зрительская аудитория кинотеатров была представлена рабочими, студентами, учащимися. Рабочие особенно резко делились на активных и пассивных зрителей. Основными мотивами

вами посещения кинотеатра они называли наличие свободного времени и желание посмотреть определенный фильм¹⁹.

Рабочая аудитория предпочитала смотреть приключенческие, комедийные, а также мелодраматические киноленты. На вопрос, каких фильмов недостает на экране, в основном отвечали: о современности, молодежи, семье, воспитании детей, исторических. Весьма любопытно сопоставление зрительских и экспертных оценок репертуарных фильмов за год. Из 66 включенных в анкету прокатных фильмов, только по двум совпали показатели наибольшей посещаемости и высокие оценки «жюри» и зрителей, еще по четырем – совпали отрицательные оценки, абсолютное же большинство художественных лент, отмеченных специалистами как лучшие, не нашли отклика у рабочих²⁰.

Определенную роль в досуговом времяпровождении играло посещение *спектаклей, концертов*. Общая театральная сеть страны увеличилась за 1960-е гг. на 45 единиц и к 1970 г. насчитывалось 547 театров, в т.ч. 310 – в РСФСР. Открылось несколько театров и в Западной Сибири: музыкальной комедии в Барнауле и Бийске, театр-студия в Тюмени, молодежный театр Сатиры при Новосибирском обкоме ВЛКСМ.

В среднем в каждой области было по 3–6 театров и одной филармонии. Театральные труппы, помимо спектаклей в стационарных помещениях, часто давали представления на выезде, под их руководством возникали и так называемые «театры-спутники», лучшим самодеятельным коллективам присваивались звания народных. Филармонические организации занимались преимущественно подготовкой и проведением концертных выступлений приезжих артистов, знаменательным событием стало появление симфонических оркестров при областных филармониях.

Специфической формой театрально-концертного обслуживания, особенно активно развившейся в Томской и Тюменской областях, являлась деятельность плавучих культбаз, агитпоездов, призванных нести культуру жителям отдаленных труднодоступных районов, не располагающих стационарной сетью культурных учреждений и собственными творческими профессиональными коллективами. Ежегодно культбазами Томской обл. обслуживалось 250–300 тыс. зрителей, проживающих в 800–850 населенных пунктах. В основном это были, помимо сельского населения, ра-

ботники нефтегазовой, лесной, рыбной промышленности. Благодаря деятельности этих необычных учреждений культуры, только за 1966–69 гг. томичи смогли познакомиться с творчеством хора им. Пятницкого, ансамбля танца Сибири, танцевальных коллективов из Башкирии, Чечено-Ингушетии, многих заслуженных артистов и деятелей искусств из Москвы, Ленинграда и других городов²¹.

Однако в целом сеть театрално-концертных учреждений Западной Сибири была развита крайне слабо. Зачастую на гастроли присылали далеко не лучших артистов и исполнителей. Посещение театров и концертов не стало массовым явлением в рабочем досуге. Примерно 10 % молодых рабочих раз в месяц бывали на какой-нибудь постановке. По обследованию 1968 г., в выходные дни 1/4–1/5 часть респондентов побывала на спектакле или концерте, а в городе – треть опрошенных. Резкие контрасты наблюдались между районами нового освоения и обжитыми. Так, в Тюменской обл. лишь 17 % жителей смогли посетить театральную или концертную площадку (учитывались и выступления самодеятельных коллективов), а на Алтае, в Кемеровской, Омской областях – 27–29 %. Рабочие посещали театрално-концертные мероприятия реже, чем учащаяся молодежь, служащие и интеллигенция²².

Среди причин непосещения театров рабочие называли отсутствие свободного времени, конкуренцию телевидения и радио. Довольно высока была и стоимость театрального билета – около двух рублей. Посещение театра или концерта для рабочего редко являлось результатом личной мотивации, гораздо большую роль играли коллективно организуемые просмотры. Во многих театрах практиковалось проведение целевых показов, для коллективов определенных предприятий. Например, Новосибирский театр «Красный факел» за 1970 г. дал 53 таких спектакля, обслужив 47 тыс. зрителей, причем каждый раз заполняемость зала составляла более 90%²³.

Профессиональные концерты посещались еще реже, чем театры. Наибольшей зрительской симпатией пользовалось исполнение народной и эстрадной музыки, при этом люди старшего поколения предпочитали массовые, народные, эстрадные музыкальные номера, выступления артистов разговорного жанра, а молодежь – эстраду и джаз. С середины 1960-х гг. в стране начинается «битломания»: в

подражание исполнителям ансамбля «Битлз» молодежь отращивает длинные волосы, изучает английский язык, покупает на «черном рынке» пластинки кумиров за 20–30 руб.

Удельный вес респондентов, посещавших *выставки и музеи* был и вовсе невелик. За три месяца лишь 1 из 100 молодых рабочих посетил музейную или выставочную экспозицию, в основном случайно, или под воздействием воспитательных мероприятий. Исследование свободного времени 1963 г. подтверждает приведенный расклад: более 80 % опрошенных регулярно ходили в кино, но при этом столько же – никогда не посещали симфонические, литературные, эстрадные концерты, музеи, выставки²⁴.

Несколько активнее рабочие принимали участие в лекциях, беседах, диспутах, разного рода вечерах – тематических и отдыха. *Лекции* проводились в основном в рамках занятий университетов культуры, кинолекториев, предваряли вечера отдыха, читались непосредственно на производственных площадках, по месту жительства. Наряду с естественнонаучными и политическими темами в афишах встречались и такие названия, как «Быт – не частное дело», «Алкоголизм – вредный пережиток прошлого», «Гунеядцам – нет места в нашем обществе», «Бережливость – черта коммунистическая», «Без бога – шире дорога», «Какой должна быть советская семья» и др. Лекционная пропаганда была заметно идеологизирована и имела преимущественно назидательно-воспитательный характер.

Ее трансформацию можно проследить на примере народных университетов, появившихся в конце 1950-х гг. в облике университетов культуры, для изучения основ эстетики, литературы и искусства. В течение рассматриваемого периода происходил рост их сети, углублялась дифференциация по областям знаний. Срок обучения составлял от одного года до трех. Парадокс же заключался в том, что чем более их работе содействовали партийные органы, направляя ее на коммунистическое воспитание трудящихся, тем чаще ЦК КПСС указывал на такие негативные моменты, как рост заорганизованности и формализма.

Как правило, народные университеты не отличались долговечностью. В Кемеровской обл. первые два таких университета были созданы в 1959 г., к концу периода их насчитывалось 70 с 19 тыс. слушателей, но при этом не осталось ни одного университета из 8, соз-

данных в 1960 г. и из 23-х, организованных в 1963 г., из прочих «выжили» не более половины. Доля рабочих среди слушателей значительно уменьшилась, составив не более трети всех посещавших занятия. Нередко лекции были недостаточно подготовлены, иной раз тема не соответствовала анонсированной. Например, рабочим-литейщикам Томской обл. вместо космоса рассказывали о Чайковском, причем, по отзывам слушателей, лектор выступал плохо, а принесенные им пластинки оказались низкого качества. Негативно на лекционной пропаганде отразилась и отмена вознаграждения выступающим по линии общества «Знание», которое затем было восстановлено²⁵.

Более живым и непосредственным явилось участие рабочих в диспутах, особенно популярных в молодежной среде. Темы многих из них сегодня кажутся забавными: «Как бы ты хотел прожить жизнь?», «Готов ли ты жить при коммунизме?», «Что такое грех?» и т.д. Однако в те годы, особенно в пору подъема общественного оптимизма в начале 1960-х гг., вполне серьезно обсуждались, например, в ходе диспута о любви, вопросы: Только ли мое личное дело – моя любовь? О любви первой, второй... и десятой. Любовью дорожить умеете. Кто должен знать о твоей любви? Где, с кем и как встречаться? Каким становится человек, когда он любит, когда труд для него радость, когда он верен своей Родине и когда сердце его наполнено любовью к близкому человеку? Дух, атмосфера этих диспутов во многом передана в художественных фильмах тех лет – добрых, чистых, наивных.

Однако нельзя не отметить, что беседы и диспуты также не избежали назидательности и формализации. Чем явственней угадывался разрыв между коммунистической утопией и реальностью, тем более уходила из них живая дискуссия, тем более они становились ненужным довеском в качестве официальной части вечеров, за которой следовали танцы, концерты, аттракционы и буфет.

Наряду с чтением, телесмотрением, посещением культурных учреждений, по частоте и продолжительности среди досуговых занятий выделяется *прием и посещение гостей*, который зачастую сочетался с просмотром телепередач, играми, танцами. Бюджеты времени на это фиксируют по 30–40 мин. в день. Но поскольку данный вид досуга приходился в основном на выходные и праздничные дни, то время встречи увеличивается до 3–4-х часов. Согласно оп-

росу начала 1970-х гг., около половины молодых людей проводили свободное время «у кого-нибудь дома». Причем, если до 25 лет с домашним местом встреч конкурировали улица, двор, клуб, то с возрастом встречи все более приобретают домашний, семейный, соседский характер.

Зачастую принимали гостей и ходили в гости во время каких-либо праздников. Рабочие отмечали почти все официальные праздники, особенно Новый год с нарядной елкой, 9 Мая – в память о Победе, 7 Ноября и 1 Мая – с непременной демонстрацией. В 1966 г. впервые был объявлен нерабочим днем 8 Марта. Из бытовых праздников «справляли» дни рождения, новоселья, проводы на пенсию, из религиозных – Рождество и Пасху, хотя их библейский смысл не всем был понятен.

Именно в 1960-е гг. предпринимались активные попытки возрождения народных праздников. Наряду с удачными примерами восстановления традиций масленичных и других гуляний было много явных неудач, не обошлось и без формализма. Например, в 1963 г. праздник масленицы в Новосибирске происходил, по словам очевидцев, следующим образом: «Было две тройки и две пары невзрачных коняг. Агитмашина в течение нескольких часов оглушала джазовой музыкой и слащавыми завываниями ультрамодных девиц, народные мелодии, присказки – не звучали. «Илья Муромец» фотографировался с любителями спиртного. Чучело зимы рабочий парка бросил в огромную кучу дров, вылил 7 ведер бензина и поджег, за несколько секунд все сгорело...»²⁶.

И все же в основном праздники отмечались более узким кругом, хотя редко ограничивались лишь семейным. Приглашали родственников, коллег по работе. Домашние встречи организовывались либо «в складчину», либо хозяевами, и тогда гости приходили с подарками (в основном на бытовые праздники). К приему гостей специально готовились: в доме наводился порядок, делались закупки продуктов и спиртных напитков, приготавливались обильные и разнообразные угощения. Однако зачастую после посещения гостей рабочие не могли вспомнить ничего особенного: «Как обычно... Ну, выпили...».

Следует отметить, что в течение всего периода наблюдался устойчивый рост расходов на приобретение алкогольных напитков. В расчете на одного жителя они возросли за десятилетие в Тюмен-

ской области с 62 до 150 руб., в Кемеровской – с 63 до 110 руб. В Тюменской обл. объем данного вида продаж вырос за 10 лет более чем втрое, в т.ч. из расчета на душу населения – в 2,4 раза, а выраженный в литраже – в 3,6 раза. Каждый житель от новорожденного до старика «выпивал» здесь в 1960 г. по 44–45 бутылок спиртного (в т.ч. 15 водки, 12 вина и 18 пива), а в 1970 г. – уже 90 бутылок, (в т.ч. 25 водки, 38 вина и 27 пива). Если же соответствующие расчеты проделать применительно к населению старше 18 лет, то количество потребленного в конце периода алкоголя будет измеряться 120 «поллитрами». В расходах рабочей семьи затраты на приобретение спиртных напитков составили: в Новосибирской обл. 99 руб. в 1960 г. и 144 в 1970 г.; на Алтае – соответственно 105 и 111 руб., в Кемеровской обл. – 159 и 175 руб.²⁷

Безусловно, растущая алкоголизация населения негативно отражалась на общем уровне культуры. Поскольку традиции «культуропитейства» в регионе были не развиты, качественных вин и пива продавалось мало, то потребление алкоголя зачастую перерастало в типичное пьянство, становясь самоцелью, компенсатором недостатка услуг учреждений культуры и отдыха. Систематически увеличивалось число больных хроническим алкоголизмом. На полную мощь работали медицинские вырезыватели. В Кемеровской обл. их «постояльцами» за половину 1962 г. оказались 25 тыс. чел., а за 1969 г. – более 82 тыс., в т.ч. свыше 2,5 тыс. лиц женского пола. В Тюменской обл. эти показатели за 1962–69 гг. увеличились с 16,8 до 59,6 тыс. Отнюдь не случайно наиболее тревожная криминогенная обстановка складывалась в самых «пьющих» областях²⁸. Воспитательные мероприятия и меры жесткого воздействия не давали желаемых результатов, зато реализация спиртных напитков приносила казне миллиарды рублей в год в виде налога с оборота, превращая лозунг «Пьянству – бой!» в лицемерную фразу.

Переходя к анализу собственно творческой деятельности трудящихся в структуре проведения досуга, необходимо определить ее временное пространство и реальную значимость в повседневной жизни рабочих. На *творческие занятия* (участие в различных самодеятельных коллективах, занятия рационализаторством, техническим творчеством, коллекционированием, прочими личными увлечениями) у рабочих уходило в среднем около 15–20 мин. в день. Однако творческий процесс трудно измерить в минутах или каких-

то других показателях. Элементы творчества могут быть включены и в домашний труд, если, например, вязание, шитье, садоводство, оформление жилища элементами декоративно-прикладного искусства и т.п. не сопряжены лишь с прагматической необходимостью и выматывающими хозяйственными заботами. Поэтому следует хорошо представлять себе чрезвычайную условность подобных «измерений».

Наиболее распространенной формой творчества, и одновременно неотъемлемой частью духовной культуры нашего общества, традиционно являлась *художественная самодеятельность*. В 60-е гг. развиваются многие прекрасные самодеятельные коллективы, работающие почти на профессиональном уровне, преимущественно в жанре драматургии, хореографии, вокала, лучшим из них присваиваются звания народных. В Новосибирской обл. первые такие коллективы появились в конце 50-х – начале 60-х гг. (народные театры при ДК им. Цеткин, Кирова, Ефремова), а к 1971 г. самодеятельных коллективов, удостоенных звания народных, насчитывалось уже 50. В Кемеровской обл. в 1960–63 гг. это высокое звание было присвоено 8 коллективам, в 1964 г. – еще четырем, среди которых была агитбригада Анжерского машиностроительного завода, танцевальные ансамбли Ново-Кемеровского химического комбината и ДК КМК, а также духовой оркестр Кузнецкого металлургического комбината. Кемеровская самодеятельность получила высокую оценку и была приглашена в Москву с отчетным концертом.

Статистические данные свидетельствуют об увеличении, хотя и нестабильном, числа творческих объединений и их участников. Однако за массовостью художественной самодеятельности зачастую крылись «дутые» цифры, кружки и хоры, создаваемые лишь на период проведения смотров, для отчетности. Массовость сплошь и рядом граничила с посредственностью, откровенной халтурой. Постепенно исчезали народные виды творчества, все более массивным становился идеологический пресс: практически вся вторая половина десятилетия прошла под эгидой подготовки к празднованию 50-летия Великого Октября и 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, что не могло не отразиться на репертуаре, а, следовательно, и на заинтересованности рабочих участвовать в самодеятельности. В ходе многочисленных проверок поднимались вопросы

художественного уровня кружков и ансамблей, профпригодности их руководителей.

Согласно результатам изучения свободного времени в 1963 г., почти 85 % респондентов не занимались в коллективах художественной самодеятельности. Отмечается в этот период понижение престижа занятий в ней у молодежи. По данным другого обследования, проведенного во второй половине 1960-х гг., абсолютное большинство респондентов либо никогда не участвовало в занятиях самостоятельным творчеством и не хотели участвовать, либо ранее занимались, но бросили. На момент опроса 8 % жителей крупного города и 19 % – малого, называли себя участниками художественной самодеятельности, среди мужчин эти показатели были несоизмеримо меньшими. Аналогичная картина наблюдалась и в рассматриваемом регионе. В 1966 г. из 100 молодых рабочих Западной Сибири лишь 4–5 участвовали в художественных коллективах. В 1968 г. в майские выходные дни 5–6 % респондентов приняли участие в репетициях и концертах, в городах этот процент был ниже²⁹.

В повседневной жизни определенное место занимали занятия физкультурой, спортом, туризмом. Правда, значительно больше было любителей насладиться спортивным зрелищем в качестве зрителя, чем поучаствовать в нем лично. За выходные дни в 1968 г. около четверти респондентов, в т.ч. 30–40 % всех мужчин, посетило спортивные мероприятия, а занималось спортом лишь 10–20 % из них. Занятия эти преимущественно сводились к физзарядке и различным играм³⁰. *Спорт* традиционно считался «привилегией» молодых людей. Однако по данным обследования рабочей молодежи, в 1966 г. лишь 1 % респондентов на Алтае и в Новосибирской обл. и 4 % в Кемеровской числилось в спортивных секциях, хотя почти каждый имел в личном пользовании лыжи или коньки, а каждый третий – шахматы. Многие зависело и от личных желаний и пристрастий, и от уровня организации спортивно-массовой работы. Но в целом почти 3/4 рабочих не занимались физической культурой³¹.

Более активно рабочие участвовали в *загородных прогулках*, часто сочетавшихся с рыбной ловлей, сбором ягод и грибов. Большое значение в развитии туризма играли коллективные (семьями, бригадами) выезды на природу, в зону отдыха, значительно активизировавшиеся с переходом на пятидневную рабочую неделю. Например, работницы Новосибирского хлопчатобумажного комбината при 6-

дневке в среднем за летний выходной проводили в загородных прогулках около 1 часа, а при пятидневке – 2 ч. 48 мин. Иногда планы загородных поездок продумывались специально и включали проведение различных конкурсов, песни у костра и прочее, а иной раз – выливались в коллективную пьянку, поэтому сложно однозначно оценить данный вид досуга.

Летом местом излюбленного отдыха рабочих становились *пляжи*, на которых проводились в среднем около полутора часов в свободный день. Устоявшимся элементом городского досуга являлось посещение парков, служивших средоточием культурной жизни, особенно в начале периода, когда еще мало было телевизоров и не утратились традиции семейных парковых прогулок. Работа *парков культуры и отдыха* была многоплановой: здесь читали лекции, выступали коллективы художественной самодеятельности, организовывались выставки, встречи с известными людьми, работали аттракционы, играли духовые оркестры. Трогательны фотографии тех лет: посетители гуляют парами, семьями по аллеям, кружатся на колесе обозрения, слушают музыку военного оркестра – веселые, жизнерадостные, искренние в проявлении своих чувств. По вечерам здесь работали танцплощадки. Особо популярными танцами в этот период становятся твист, исполняемый под мелодии «Королевы красоты», «Черного кота», а также финская «летка-енька».

Иногда, в основном во время отпусков, рабочие и члены их семей могли отдохнуть в санаториях, домах отдыха, на турбазах. Однако сеть данных учреждений оздоровления и отдыха в регионе была крайне недостаточной. В 1968 г. число мест в санаториях составляло всего 7,6 % к норме, в домах отдыха – 9,4 %, на турбазах – 7,1 %. Общие показатели по стране были в полтора раза выше, поэтому рабочие стремились выехать на отдых за пределы Сибири³².

Таким образом, анализ повседневной культурной жизни рабочей семьи позволяет констатировать, что основная часть свободного времени посвящалась досуговому занятиям – разного рода развлечениям, отдыху. Наиболее типичными формами досуга были: просмотр телепрограмм и кинофильмов, чтение, прием и посещение гостей, в летний период заметно усиливалась тяга к загородным прогулкам, туризму, пляжам. Абсолютно преобладали потребляющие формы досуга, причем читательские и зрительские интересы преимущественно ориентировались на произведения легкого раз-

влекательного жанра. Посещение театров, концертов, выставок, лекций и т.п. не стало характерным элементом рабочего досуга. Приобщение к физкультуре, спорту, художественной самодеятельности, любительскому труду занимало гораздо более скромное место в данном раскладе. Непременным элементом рабочего досуга являлось потребление спиртных напитков, ставшее во многих семьях настоящим социальным злом.

Тип досуговой культуры представляет собой, как уже отмечалось, некую результирующую материально-технических возможностей организации потребления и производства ценностей культуры, условий отдыха, личных запросов трудящихся и временного простора для реализации желаемой программы.

Сеть учреждений культуры и отдыха в регионе была развита слабо, что обуславливалось не только существованием исторически сложившихся диспропорций, но и усугублением ситуации в условиях масштабного индустриального освоения Западной Сибири и действия пресловутого остаточного принципа. Достаточно взглянуть на многотомную хронику культурной жизни страны, чтобы представить, сколь скромное место занимал в ней рассматриваемый район. Наличие специфических форм культурной работы, привлечение артистов из других областей Союза, проведение выездных и самодеятельных выступлений не могли улучшить ситуацию коренным образом.

Недостатки в развитии индустрии культуры и отдыха во многом предопределили усиление тяги к домашним формам проведения досуга. В рассматриваемый период наметилась явная тенденция к «одомашниванию» досуга. Благоустроенное жилье, квартиры посемейного заселения, переход на пятидневную рабочую неделю, увеличение технических возможностей для организации свободного времени семьи способствовали тому, что жилая ячейка все более становилась местом реализации различных видов культурной деятельности и отдыха членов семьи. Особенно велика в этом была роль телевидения, превратившегося в элемент семейного уклада. Недаром большинство опрошенных в те годы подчеркивали, что телевизор позволяет больше времени отдыхать вместе с семьей.

«Экспансия» телевидения коренным образом изменила структурные параметры свободного времени. При некотором уменьшении количества кинопосещений, ослаблении интереса к парковым

прогулкам, занятиям художественной самодеятельностью и чтению – время телепросмотров возрастало. Значительное место в досуге рабочих отводилось приему и посещению гостей, при этом отмечается ослабление родственных и расширение дружеских контактов.

Преимущественное преобладание домашних способов досугового времяпровождения и пассивно-созерцательных форм потребления культуры, сами по себе еще не характеризуют однозначно культурный уровень ни положительно, ни отрицательно. Можно активно заниматься самообразованием, смотря умную телевизионную программу, читая содержательную книгу, расценивать встречи с родственниками и друзьями как реализацию потребности в общении, компенсаторно-психологической разгрузке и т.д. Однако далеко не всякое досуговое времяпровождение возвышает и развивает человека. Тот же прием гостей можно превратить в пьянку, смотреть все телепрограммы, без разбора, довольствоваться чтением малохудожественных произведений. Здесь важны уже не формальные, а сущностные характеристики, сам субъект культурной деятельности, которого трудно описать эмпирически.

Относительно и само понятие культурности и рациональности временных затрат. Этот пласт проблем в научной литературе либо вообще не затрагивается, либо подается на уровне общих фрагментарных словесных оценок. Между тем, проблема трудно расчленимого единства культуры и антикультуры реально существует, что мы и пытались показать через анализ уровня культурных запросов, структуру досуга, форм его организации.

Интересный материал для размышлений дает сопоставление желаемой и фактической структуры досуговой деятельности горожан, выявленной в результате обследования свободного времени в 1963 г. Среди наиболее востребованных и вполне удовлетворенных потребностей выделяются: посещение кинотеатров, чтение книг, прогулки, просмотр телепередач (рейтинги реальный и желаемый практически совпадают). Из менее распространенных форм досуга, респонденты в целом были удовлетворены уровнем самообразования, посещением спортивных зрелищ, танцевальных вечеров, ресторанов, хотя затраты времени и посещаемость заведений соответствующего характера были очень невысоки.

Структура фактической и желательной досуговой деятельности горожан

Фактический ранг		Желаемый ранг
Чтение газет	1	Посещение театров
Прослушивание радио	2	Посещение кинотеатров
Посещение кинотеатров	3	Туризм, загородные прогулки
Общественная работа	4	Занятия спортом
Чтение книг	5	Посещение эстрадных концертов
Хождение в гости и прием гостей	6	Прогулки
Чтение журналов	7	Просмотр телепередач
Прогулки	8	Чтение книг
Просмотр телепередач	9	Посещение симфонич. концертов
Политучеба	10	Любительские занятия
Занятия с детьми	11	Посещение музеев
Посещение театров	12	Самообразование
Самообразование	13	Хождение в гости и прием гостей
Домашние игры	14	Посещение спорт. мероприятий
Посещение эстрадных концертов	15	Чтение газет
Посещение спорт. мероприятий	16	Пассивный отдых
Туризм, загородные прогулки	17	Прослушивание радио
Пассивный отдых	18	Занятия с детьми
Танцевальные вечера	19	Танцевальные вечера
Любительские занятия	20	Занятия худ. самодеятельностью
Занятия спортом	21	Общественная работа
Посещение музеев	22	Чтение журналов
Посещение ресторанов	23	Домашние игры
Посещение симфонич. концертов	24	Посещение ресторанов
Занятия худ. самодеятельностью	25	Праздное безделье
Игра в карты	26	Политучеба
Праздное безделье	27	Игра в карты
Религиозные обряды	28	Религиозные обряды

Что касается чтения газет, прослушивание радиопередач, общественной деятельности, политучебы, приема и посещения гостей, т.е. того, что реально преваляло в досуговой деятельности опрошенных, то их рейтинг в желаемом раскладе оказывался на несколько порядков ниже, что свидетельствует о некоем пресыщении данными досуговыми занятиями. Зато респонденты выказали явное желание гораздо более активно посещать эстрадные и симфонические концерты, музеи, заниматься туризмом, спортом, любительской деятельностью и художественным творчеством³³.

Показательно, что основной причиной нерациональной организации досуга опрошенные чаще всего называли нехватку свободного времени, исследователи же видят эти причины в недостаточном развитии сферы досуга и отсутствии действительных потребностей в содержательном отдыхе. В условиях увеличения свободного времени неразвитость структуры досуга порождала существенный вакуум, который далеко не всегда заполнялся достойными занятиями, порождал жалобы на скуку и бесцельное времяпровождение.

Разработчики одного из первых в нашей стране рациональных бюджетов времени (РБВ), сопоставив его с фактическими временными затратами городских рабочих в конце 60-х гг., констатировали определенный «перерасход» рационального лимита времени на бездеятельный отдых, досуговое общение (встречи с друзьями, прием и посещение гостей), просмотр телевизионных и прослушивание радиoproграмм. При этом отмечался явный недостаток времени, уделяемого для занятий с детьми, чтения, посещения театров и музеев, спорта, туризма, любительского творчества³⁴.

В целом условия складывания досуговой культуры в Западной Сибири были весьма противоречивы. С одной стороны, увеличение свободного времени, улучшение материальной обеспеченности трудящихся, всплеск общественного оптимизма, а с другой, – недостаточное развитие сети культуры и отдыха, чрезмерная идеологизация воспитательной работы, перебои в торговле многими товарами при неограниченной продаже спиртных напитков и ухудшении криминогенной обстановки в регионе – такое чрезвычайно сложное сочетание далеко не всегда разрешалось позитивно, особенно в условиях массового перевода рабочих и служащих на пятидневную рабочую неделю. Данная тема нашла отражение в художественной литературе, кинофильмах тех лет, в частности в противопоставлении городской «наносной» культуры и «исконной» народной. Вряд ли справедлива такая категоричность, но проблема истинности духовных ценностей в условиях расцвета демагогии и извращенно понимаемого «материалистического» подхода – весьма актуальна. Исходя из сказанного, сложно дать однозначную оценку сложившемуся типу досуга рабочей семьи, но очевидно, что в повседневной деятельности культурная составляющая реализовалась недостаточно полно, особенно с позиций разграничения культуры и антикультуры.

-
- ¹ Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. Свердловск, 1980. С.5-8.
- ² **Соколов Э.В.** Свободное время трудящихся и культура досуга. Л., 1977. С. 40; **Орлов Г.П.** Противоречия в использовании свободного времени (явления антикультуры) // Сб. науч. трудов Свердл. юрид. института. Вып.16. 1972. С.101-115; **Грушин Б.** Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967. С.14.
- ³ **РГАЭ.** Ф.1562. Оп.26. Д.921. Л.47.
- ⁴ **РГАСПИ.** Ф. 5451. Оп.28. Д.1763. Л.110, 111; Д.1785. Л.59-65; **ГАКО.** Ф.794, Оп.1. Д.343. Л.5; **Народное** хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С.425, 426.
- ⁵ **РГАЭ.** Ф.1562. Оп.26. Д.921. Л.47; **Духовный мир** советского рабочего: Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1972. С.172; **Новикова Т.М.** Общественная деятельность в бюджете времени промышленных рабочих //Социс. 1981. № 2. С.82; **Массовая** информация в советском промышленном городе. М., 1980. С.384, 426.
- ⁶ **Статистика** бюджетов времени трудящихся. М., 1967. С.49,52; **ГАТюО.** Ф.1809. Оп.1. Д.701. Л.206, 209, 257; **Железовская З.Л.** Использование свободного времени рабочими омских промышленных предприятий //Труды Омского гос. института физ. культуры. Вып.3. Омск, 1963. С.15,16; **Патрушев В.Д.** Использование совокупного времени общества. М., 1978. С.152; **Петросян Г.С.** Внерабочее время трудящихся в СССР. М., 1965. С.94-96; **Артемов В.А.** Социальное время. Новосибирск, 1987. С.115, 116; **Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.** Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С.206; **ГАРФ.** Ф. 374. Оп.36. Д.388. Л.2, 17, 25, 39, 54, 62, 76, 91, 99, 113, 128, 136.
- ⁷ **Книга** и чтение в жизни небольших городов. М., 1973. С.7; **Грушин Б.А.** Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С.452; **ГАРФ.** Ф.374. Оп.31. Д.8017. Л.18; Оп. 36. Д.5866. Л.42; **ГАНУ.** Ф.11. Оп.3. Д.17. Л.48. Д.5245. Л.13.
- ⁸ **ГАНУ.** Ф.1650, Оп.1. Д.430. Л.8. Д.383. Л.44. 45; Д.464. Л.104; **РГАСПИ.** Ф.5451. Оп.58. Д.1785. Л.90; **ГАТюО.** Ф.1112. Оп.1. Д.5643. Л.29; Д.4962. Л.284; **ГАТО.** Ф.829. Оп.1. Д.93. Л.31; **ОАКК.** Ф.1. Оп.7. Д.16. Л.90; **Народное** хозяйство СССР в 1970 г. С.678.
- ⁹ Рассчитано по: **ГАРФ.** Ф.374. Оп.36. Д.3888. Л.2-136; Д.7806. Л.45,46; Д.7813. Л.77; Д.7808, Л.15; Д.7801, Л.108.
- ¹⁰ **ГАРФ.** Ф.374. Оп.36. Д.7806. Л.34. 35; Д.7813. Л.65, 66; Д.7802. Л.96, 97; Д.7808. Л.3, 4; Д.7806. Л.65, 66.

- ¹¹ Рассчитано по: **Народное** хозяйство РСФСР в 1970 г. С.444-453; **ГАТО**. Ф.1653. Оп.1. Д.170. Л.1,3; **ГАТюО**. Ф.1112. Оп.4. Д.5643. Л.11,29; Ф.1809. Оп.1. Д.673. Л.1; **ОАКК**. Ф.1. Оп.7. Д.33. Л.15; **ГАНО**. Ф.1650. Оп.1. Д.534. Л.40.
- ¹² **ГАКО**. Ф.304. Оп.27. Д.191. Л.55; **ГАТюО**. Ф.1809. Оп.1. Д.673. Л.1.
- ¹³ **Саркисян Г.С.** Народное благосостояние в СССР. М., 1983. С.219; **Чернова Н.В.** Изучение факторов, определяющих спрос на книжную продукцию //Социс. 1980. №1. С.127, 128. **ГАКО**. Ф.794. Оп.1. Д.483. Л.4; **ГААК**. Ф.1041. Оп.5. Д.69. Л.1, 64; Д.135. Л.85.
- ¹⁴ Рассчитано по: **ГАРФ**. Ф.374. Оп.35. Д.7979. Л.1; Д.7981 Л.5, 6; Оп.32а. Д.7175. Л.1, 110; **ГАКО**. Ф.304. Оп.25. Д.10. Л.223, 230, 231; **ГАНО**. Ф.11. Оп.3. Д.74. Л.7, 8; Д.5201. Л.37; Оп.4. Д.1370. Л.13; **ГАТюО**. Ф.1112. Оп.1. Д.5254. Л.127, 233.
- ¹⁵ **Грушин Б.А.** Четыре жизни России. С.453. Кино и зритель. М., 1968. С.100.
- ¹⁶ См. подробнее.: **Фирсов Б.** Телевидение глазами социолога. М., 1971.
- ¹⁷ Рассчитано по балансам денежных доходов и расходов населения областей Западной Сибири.
- ¹⁸ **ГАОО**. Ф.2122. Оп.1. Д.5744. Л.106. Д.5999. Л.25.
- ¹⁹ **Кино** и зритель. М., 1968. С.62; **Грушин Б.** Свободное время... С.25.
- ²⁰ **Кино** и зритель. С.327.
- ²¹ **ГАТО**. Ф.829. Оп.1. Д.85. Л.260; Ф.1653. Оп.1. Д.250. Л.163, 164.
- ²² **ГАРФ**. Ф.374. Оп.36. Д.3888. Л.2, 17, 25, 39, 54, 62, 76, 91, 99, 113, 128, 136.
- ²³ **Культурное** строительство в Сибири. 1941-1977. С.209, 210.
- ²⁴ **Грушин Б.А.** Четыре жизни России... С.454, 355.
- ²⁵ **ГАКО**. Ф.304. Оп.27. Д.145. Л.80. 81; Оп.25. Д.34. Л.102-109. **ГАНО**. Ф.11. Оп.3. Д.8681. Л.3-14. **РГАСПИ**. Ф.5451. Оп.25а. Д.8463. Л.38. **ГАКО**. Ф.794. Оп.1. Д.488. Л.1-7.
- ²⁶ Приведено в переложении. См.: **Мельников М.** Поэзия народных бычаев //Сибирские огни. 1966. №7. С.166.
- ²⁷ Рассчитано по: **ГАТюО**. Ф.1112. Оп.1. Д.4972. Л.50, 54; Д.6071. Л.47-49; Д.3965. Л.128, 129; **ГАКО**. Ф.304, Оп.27, Д.167, Л.73; Оп.25, Д.39, Л.34, Д.42, Л.129, 130; **ГАКО**. Ф.304, Оп.25, Д.14, Л.78; Д.42, Л.172д. **ГАНО**. Ф.11. Оп.3. Д.17. Л.56; Оп.5. Д.5157. Л.20; **Архив** Управления статистики Алтайского края. Д.20/10, 20/20.
- ²⁸ **ГАКО**. Ф.304. Оп.25. Д.39. Л.35; **ГАТюО**. Ф.1112. Оп.1. Д.3965. Л.75.
- ²⁹ **Грушин Б.А.** Четыре жизни России... С.456.; **Коган Л.Н., Шеметило Р.К.** О некоторых проблемах исследования духовной жизни трудящихся Урала //Социс. 1974. № 7. С.26-29; **Духовный мир** советского рабочего. М., 1972. С.172; Рассчитано по: **ГАРФ**. Ф.374. Оп.36. Д.3888. Л.2, 17, 25, 39, 54, 62, 76, 91, 99, 113, 128, 136. **ГАРФ**. Ф.374. Оп.36.

-
- Д.7806. Л.34, 35, Д.7813, Л.65, 66; Д.7802, Л.96, 97; Д.7808, Л.3, 4; Д.7806. Л.65, 66.
- ³⁰ **Бюджет** времени городского населения. М., 1971. С.173.
- ³¹ **Духовный** мир советского рабочего С.172; **ГАКО**. Ф. 794. Оп.1. Д.343. Л.2, 5, 8.
- ³² **Хомелянский Б.Н., Шкляев Н.А.** Региональные различия и перспективы развития организаций отдыха трудящихся Западной Сибири //Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Выпуск 2. 1969. №6. С.46-48.
- ³³ **Грушин Б.А.** Четыре жизни России... С.488.
- ³⁴ **Гордон Л.А., Клопов Э.В.** Рациональный бюджет времени: подход к проблеме и опыт начального расчета //Социс. 1977. №1. С.29, 30.

М.М. Ефимкин, В.А. Ламин

**РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПЕНСИОНЕРОВ-СИБИРЯКОВ В 90-е гг. XX ВЕКА.**

(По материалам социологического исследования пенсионеров Искитимского района Новосибирской области*)

Историко-социологическое описание объекта позволило установить наличие большой общественной группы в социально-демографическом составе населения района, находящейся в пределах пенсионных возрастов. В ее составе доминировали представители женского пола, таких социальных категорий как бывшие рабочие сельского хозяйства и индустрии, колхозников, ранее занятых в колхозно-кооперативных хозяйствах и бывших служащих; специалистов среднего звена, руководителей различных учреждений и ведомств, интеллигенции сферы народного образования и здравоохранения. Основным источником их существования были пенсионные выплаты, лежавшие в основе формирования семейного бюджета. Они существенно различались. Так, если на селе пенсию в размере до 80 руб. получали 4,6 % пенсионеров, то в городе только 3,7 %. 80–110 руб. платили 16 % сельским пенсионерам и 11,1 % – городским. А вот пенсии в размере 120–130 руб. и больше получали 41,5 % лиц пенсионного возраста, проживающих в поселках городского типа и рабочих поселках, в то время как в сельской местности право на получение пенсии в таких размерах имели 27,3 % пенсионеров. А село Искитимского района давало основную массу пенсионеров. Значит наиболее обеспеченная централизованными денежными поступлениями часть пенсионеров проживала в рабочих и городского типа поселках. Она была не столь многочисленна, учитывая, что пенсионеры, проживающие в городской местности, составляли не более трети общей численности пенсионеров района.

Пенсионеры по старости – основная социально-демографическая группа нетрудоспособного населения (в нашем случае это почти 67 %), которой предоставлялись денежные выплаты по социальному обеспечению. Размер пенсий назначался в зависимости от трудового вклада. Пенсии устанавливались с учетом длительности ра-

* Проведено в 1990-1991 гг.

бочего стажа, величины утраченного заработка, отражавшего количество и качество затрат труда, особенностей прошлой общественно-полезной деятельности. Мы не отвлекаем внимание читателя на дискуссионные вопросы данного утверждения. Скажем только о том, что никогда назначенный размер пенсионных выплат основной массе трудящихся не отражал количество и качество затрат труда. Ибо выплачиваемая заработная плата далеко не отражала данные затраты. Пенсии, как известно, направлены на удовлетворение как первостепенных нужд, отражающих общечеловеческие потребности, так и специфических потребностей нетрудоспособных.

К первым относятся потребности в питании и жилище, предметах культурного обихода, средствах информации и коммуникации, гигиены, санитарии, одежды и обуви. Специфические потребности лиц пенсионного возраста – это необходимость в систематическом лечении, медицинском и бытовом обслуживании, особой организации досуга и отдыха и др. Изменения в процессе реализации этих потребностей для нетрудоспособных приводят к тому, что из размера пенсии они могут быть исключены полностью или частично. Вместе с тем, это дает возможность более полно и качественно удовлетворять другие потребности, расширять в необходимых случаях объем их потребления. Все пенсии должны полностью удовлетворять необходимые потребности в питании с учетом определенного снижения калорийности рационов у нетрудоспособных. Анализ набора продуктов питания, рекомендованный в то время институтом питания АН СССР для пенсионеров по старости, показывает, что в рационе питания пожилых людей должна быть относительно велика доля таких продуктов как фрукты и ягоды, овощи, молочные продукты, рыба, при достаточно высоком потреблении мясопродуктов и значительном сокращении потребления хлебопродуктов и яиц, что объективно влияет на величину расходов на питание в размере пенсии. Минимальная пенсия в Новосибирской области после мартовского 1991 г. повышения ее размеров составила 115 руб. у пенсионеров по возрасту. В Искитимском районе пенсионеров с пенсией до 160 руб. насчитывалось немногим более 9 тыс. чел. От 160 до 210 руб. получали 471 нетрудоспособных, свыше 210 руб. – 350 лиц пенсионного возраста. С учетом компенсации в 65 руб. на основные товары потребительской корзины, основная масса пенсионеров стала получать 180–225 руб. денежных

пенсионных выплат. Помимо этого их семейный или личный бюджет складывался и из других источников.

Таблица №1

Источники формирования семейного бюджета пенсионеров, мужчин и женщин, (в %)

пол	Источники бюджета					
	пенсия	З/плата пенсионеров	Стипендия вторых членов семьи	Индивидуальная деятельность	з/плата вторых членов семьи	Личное и подсобное хозяйство
Муж.	94,1	6,7	2,0	2,4	3,9	26,3
Жен.	96,2	6,5	0,2	1,7	6,2	20,2
Всего	95,5	6,6	0,8	1,9	5,4	22,2

Глядя на эти данные, легко убедиться в том, что основным источником, формирующим семейный бюджет пенсионеров, оставалась пенсия. Второй важнейшей статьёй дохода лиц пенсионного возраста было личное и подсобное хозяйство, что не удивительно, если помнить о преобладании среди наших респондентов сельских жителей. Слабо, как видно, развита среди нетрудоспособных индивидуальная трудовая деятельность, доходы от которой были незначительны, что должно учитываться в связи с кардинальными системными изменениями. Определенный довесок в бюджет пенсионеров давала их заработная плата. Она кстати, численно превышала поступления в бюджет от заработной платы вторых членов семьи.

В целом, пенсионеры сами формировали свой семейный бюджет за счет различного рода поступлений от бывшей и настоящей трудовой деятельности. Серьезных различий в источниках формирования данного бюджета между мужчинами и женщинами не наблюдалось. Пожалуй, только удельный вес женщин-пенсионерок, проживавших со вторыми членами семьи и формировавших свой семейный бюджет за счет их зарплаты, значительно превышает аналогичную группу у мужчин-пенсионеров. В общем количестве пенсионеров, чей бюджет пополняется за счет заработной платы вто-

рых членов семьи, они составляли свыше 76 %. И это не случайно – женщины-пенсионерки не только живут дольше мужчин-пенсионеров, они в значительной степени используются для ухода за малыми детьми своих дочерей, сыновей, братьев, сестер и внуков. Некоторый перевес по полу доли мужчин-пенсионеров, формирующих свой бюджет за счет личного и подсобного хозяйства, объясняется их значительно меньшим общим количеством среди всех пенсионеров. При рассмотрении данной категории отдельно, мы увидим, что 61 % из всех, кто использовал подсобное хозяйство, составляют женщины, что опять же объясняется их количественным преобладанием.

Более существенные различия в источниках формирования бюджетов пенсионеров наблюдаются в отдельных возрастных группах. Так, пенсионеры в возрасте до 50 лет на 72,7 % указали пенсию в качестве основного источника дохода, 21,8 % из них получили еще и заработную плату, 32,7 % – имели доход от личного и подсобного хозяйства, 20 % – от индивидуальной трудовой деятельности и почти 13 % указали на зарплату вторых членов семьи. Нет сомнения в том, что это наиболее экономически активная часть пенсионеров. Лица в возрасте 55–60 лет – это только недавно вышедшие на пенсию, почти 98 % указывают пенсию как основной источник формирования их бюджета. В то же время более 41 % из них называют таковым и личное, подсобное хозяйство. А вот индивидуальной деятельностью занято их немного – 1,8 %. На поступления в семейный фонд от заработной платы указали почти 10 % лиц данного возраста.

Между прочим, с увеличением возраста снижается доля этих источников формирования бюджета пенсионеров. Начиная с 61 года и до 75 лет и старше, только 4–5 % лиц указывают зарплату в качестве дополнительного источника доходов. А личным и подсобным хозяйством, получая от него доход, занято 19,2 % людей в возрасте 61–65 лет, 12 % – в возрасте 66–74 лет и 11 % – которым было 75 и больше лет. Значит, с увеличением возраста пенсионеры все прочнее «салятся» в своем семейном бюджете на денежную пенсию, лишаясь других источников дохода. Даже такой в целом незначительный канал поступления средств как зарплата вторых членов семьи, резко сокращает свои поступления. Только 2,6 % пенсионеров в возрасте 66–74 лет указывают на него среди прочих источников, формирующих их бюджет. А среди лиц 75 лет и старше он вообще

составил немногим более 1 %. А как было показано выше, данные возрастные контингенты среди пенсионеров весьма многочисленны. При этом следует учитывать то обстоятельство, что на доходы от личного и подсобного хозяйства указывают в основном сельские пенсионеры. Если среди пенсионеров, живущих в поселениях городского типа и рабочих поселках, на этот источник указывало только 10,2 %, то среди проживающих в колхозах уже почти 43 %, а те, кто избрал местом своего жительства совхозы и другие сельские населенные пункты на 23,5 % считают данный вид хозяйственной деятельности существенным подспорьем в своих доходах. Каковы же они были?

Таблица №2

Размер дохода на члена семьи пенсионера – по полу.

Пол	Доход (руб.)					
	до70	70-10	101-1	151-2	201-2	251-3
Муж.	3,8	15,0	47,3	19,2	6,2	8,5
Жен.	5,0	27,1	49,0	14,3	2,8	1,9
Всего	4,6	23,2	48,4	15,9	3,9	4,0

Итак, основная масса пенсионеров имела на каждого члена семьи доход 101–150 руб. в месяц. Следующая по численности группа пенсионеров располагала на одного члена своей семьи 70–100 руб. Вместе они составляют 71,6 % всех обследованных респондентов территории. По 151–200 руб. имели около 16 % лиц нетрудоспособного возраста. И только по четыре процента располагали 201–250 и 250–300 руб. на каждого члена семьи. При этом наблюдались существенные различия в среднедушевом доходе между мужчинами и женщинами пенсионерами. Последние по всем градациям данного дохода уступают мужчинам. Данное неравенство заложено в основе формирования пенсионных начислений на производстве, где, как известно, средняя заработная плата женщин почти всегда уступала мужской. Второй причиной является место жительства мужчин, проживавших в основном в поселках городского типа и рабочих поселках и получивших «индустриальную» пенсию. И третья причина лежит в составе семей, в которых проживают пенсионеры. Женщины живут в семьях с большим количеством людей, особенно детей. Напомним и последнее – женщины численно преобладали в составе всех пенсионеров.

До выхода на пенсию для женщин средняя зарплата распределялась в следующих пропорциях: более 36,0 % из них получали до 100 руб. и около 11 % – 200–250 руб. И только 8,4 % получали более 250 руб. Мужчины же на 35,6 % получали свыше 250 руб., а до 100 руб. зарабатывало только 8,5 % работающих мужчин. По 150–250 руб. получало около 40 % из них. Как видим, разница существенная и объясняется она не только «индустриальным» трудом у мужчин в городских поселениях, но и занятием ими основных механизаторских профессий на селе. Отсюда и существенная разница в размерах пенсий между женщинами-пенсионерками и мужчинами-пенсионерами. Так, пенсию в пределах 120 руб. получали только 35,3 % мужчин и 76,4 % женщин. Тогда как свыше 120 руб. получали 64,7 % первых и только 23,6 % вторых. Тем не менее, женщины составляли подавляющее большинство среди всех пенсионеров района, что делало их пенсионный показатель определяющим.

Размер среднедушевого дохода в семьях пенсионеров в значительной степени разнился по территории их проживания. Так, семьи, проживающие в городских и приравненной к ним местности, на 64 % имели душевой доход свыше 150 руб. Живущие в совхозах – на 56 %, в колхозах только на 34,2 %. Наивысший доход в свой бюджет имели пенсионеры, возраст которых не превышал 50 лет. Так, средний душевой доход в размере 101–150 руб. на каждого члена семьи пенсионеров в возрасте до 50 лет приходился на 27,4 % их семей, в возрасте 55–60 лет уже на 53,5 %, в возрасте 61–65 лет – на 59,1 % и старше 66 лет на 42,6 % семей. Тогда как более 150 руб. на человека имело 55,2 % семей нетрудоспособных не достигших 50 лет. Те же семьи, где пенсионеры были в возрасте 55–60 лет, только на 25,9 % получали доходы в этих же размерах. Еще более низкие показатели у семей старших по возрасту лиц, получающих пенсии. Те же 150 руб. и больше имели 18,3 % семей пенсионеров в возрастной группе 61–65 лет, около четверти – в возрасте 66–74 лет и совсем мало – 14,2 % семей пенсионеров, возраст которых перевалил 75 лет. В целом данная категория семей пенсионеров имела в среднем 70–150 руб. на человека, в том числе 70–100 руб. – 41,1 % из них и 101–150 руб. – 40,3 %. У остальных – 4,4 % не выходило и 70 руб.

Еще в 1989 г. среднедушевой совокупный доход семей рабочих и служащих нашей страны составлял примерно 160 руб. В ноябре

1990 г. отдел по труду и социальным вопросам Новосибирского облисполкома совместно с управлением статистики вывел по ценам прошлого года прожиточный минимум в 160 руб. А после апрельского повышения цен прикидка по предварительным расчетам минимального потребительского бюджета выливалась уже в 362 руб. Даже если учесть, что общие расходы пенсионеров по возрасту в расчете на одного человека составляли около 88 % среднедушевых расходов семей работающих, то и тогда абсолютное большинство семей пенсионеров района не достигали минимального потребительского бюджета. И по другим данным, которые оценивают прожиточный минимум пенсионеров по возрасту по стране в целом в 165 руб., положение наших респондентов следует признать тяжелым.

Как показано в таблице № 2, только 23,8 % семей лиц пенсионного возраста имели среднедушевой доход свыше 150 руб. Подавляющее большинство – 76,2 % соответственно находятся по своим доходам ниже даже этого прожиточного минимума. Компенсация в 65 руб. ежемесячно являлась явно недостаточной для подтягивания уровня жизни пенсионеров хотя бы до минимального прожиточного уровня. И это социальное напряжение нарастало по мере роста свободных рыночных цен, который до сих пор не поддается точному учету и регулированию. Даже по официально опубликованному уровню цен, пенсионер должен был тратить на питание средств в два с лишним раза больше, чем до реформы розничных цен. Если до нее он расходовал на покупку мяса и мясопродуктов 9,7 руб., то нынче это обходится ему в 34 руб., молоко и молочные продукты вздорожали для пенсионеров с 9,8 до 17,5 руб., хлебные продукты – с 5,5 до 16,7 руб., приобретение непродовольственных товаров – с 24,2 до 37,6 руб. и т.д. И это в целом по стране. Мы же должны учитывать тот факт, что суровые климатические условия Сибири требуют на 29–30 % большего потребления перечисленных продуктов, не говоря уже об овощах и фруктах, что значительно поднимает расходы семейного бюджета пенсионеров.

Между прочим, данный признак (доход на одного члена семьи) тесно колеруется с жилищными условиями пенсионеров. Тот, кто живет беднее, имеет худшие жилищные условия. Семьи пенсионеров, занимающие площадь менее 5 м² на человека, на 9,6 % имеют доход до 70 руб. в месяц, на 34,6 % – до 100 руб., на 44,2 % до

150 руб. и на 11,6 % – более 150 руб. В тоже время семьи пенсионеров, владеющие жилой площадью более 12 м², только на 3 % получают доход до 70 руб. на каждого члена семьи, до 100 руб. выходило на 20,1 % этих семей, до 150 руб. – на 48,6 % и на 28,3 % из них приходилось свыше 150 руб. Все эти данные слабо учитывались в проведении целенаправленной социальной политики, тогда как положение наименее обеспеченных лиц нетрудоспособного возраста с каждым днем становилось все катастрофичнее.

Потребность в жилье относится к числу первостепенных потребностей человека, от удовлетворения которых зависит, просто говоря, жизнь старого человека, ее продолжительность и комфортность. Степень удовлетворения потребности в жилье может служить мерилom того, как удовлетворяются все остальные потребности. Применительно к ветеранам труда – это справедливо вдвойне, поскольку они уже отдали обществу основную часть своих сил и умений, а что получили взамен? Обеспеченность городского и сельского населения Искитимского района жилой площадью имела определенные различия. Но, поскольку две трети наших пенсионеров проживало в сельской местности, то и жилищные проблемы сосредоточены главным образом там. В сельской местности жилой фонд составлял немногим более 600 тыс. м² общей площади или по 11 м² на человека. При этом водопроводом было оборудовано меньше половины (48 %), канализацией и вовсе только 23,2%, теплоснабжением еще меньше – 20,5 % и газифицировано около 56 %. Одновременно с этим почти 15 % жилого фонда находилось в ветхом состоянии, 48% его имел процент износа от 30 до 65 % и 37,9 % – до 30 %.

Между прочим, подобная картина с жилым фондом в районе отражала общее положение по Новосибирской области, среднее состояние жилого фонда которой был еще хуже. Особенно находящегося в личной собственности граждан. По области также только незначительная часть населения, имея жилье на правах личной собственности, проживала в благоустроенных помещениях. Здесь центральным отоплением пользовалось 16 % горожан и 13 % сельских жителей, водопроводом соответственно – 23 и 10 %, горячим водоснабжением – 0,6 и 0,3 %, ванной или душем – 0,5 и 0,4 %. Значительно отстает и уровень благоустройства обобщественного жилого фонда сельских жителей от соответствующего уровня горожан.

Центральным отоплением пользовалось 95 % городского населения против 44% сельского, водопроводом – 94 % против 43 %, канализацией 93 % против 29 %, горячим водоснабжением – 87 % против 10 %, ванной или душем – 87 % против 21 %. Сложившаяся в те годы ситуация с жилищным фондом обостряла данную социальную проблему и требовала ряда мер, направленных если и не на ее разрешение, то хотя бы на смягчение.

В 1989 г. была принята программа ускоренного социального развития населенных пунктов Искитимского района на 1989–1993 гг. С помощью промышленных предприятий города и района на нее предусматривалось затратить более 166 млн. руб. капитальных вложений и построить почти 1900 квартир. Перспективными планами до 2005 г. предполагалось довести обеспеченность общей жилой площадью одного жителя района до 13,9 м² в 1990 г.; 16,7 м² в 1995 г.; 20 м² в 2000 г. и 22,8 м² в 2005 г. За все это время село по плану должно было получить 134,5 тыс. м² жилья в виде 65070 квартир, в том числе 44,5 тыс. м² только в тринадцатой пятилетке. Однако уже тогда было очевидным, что даже эти наметки в жилищном строительстве выполнены не будут. Значит, подобная участь ожидала и решение жилищных проблем в районной программе «Забота». Принятая на 1991–1995 гг. она предусматривала огромные подвижки в сторону улучшения условий жизни пенсионеров района.

Наиболее значительным мероприятием в ней значилось решение о строительстве жилого дома в Искитиме на 180 чел., в селе Бурмистрово на 10 одиноких престарелых и инвалидов, а также улучшить в целом за 1990–1992 гг. жилищные условия участникам и инвалидам Великой Отечественной войны в количестве 57 чел. Все это свидетельствовало о мизерных возможностях местных органов управления и необходимости привлечения к решению данных проблем те хозяйства, откуда вышли пенсионеры, создававшие своим трудом им прибыль. Доходило до абсурда, такой огромный индустриальный монстр (сколько лет трубили о том, что он самый крупный в Европе), как Новосибирский электродный завод оказывал помощь в получении и ремонте жилья семнадцати пенсионерам в год.

Как следует из приведенных данных в таблице № 3, 52,9 % пенсионеров проживало в собственных домах и кооперативных квартирах. Остальные занимали различные виды государственного и кол-

хозного жилья. Это не удивительно, если мы вспомним о том, что большая часть пенсионеров проживала на селе, занимая совхозные и колхозные дома и квартиры, а также имея собственные жилищные постройки.

Таблица № 3

Тип жилья, занимаемого пенсионерами района (по полу, в %)

Пол	Тип жилья			
	Государственная квартира, дом	Кооперативная квартира	Собственный дом	Колхозный дом
Всего	41,0	0,8	52,1	6,1
Мужской	40,8	0,5	56,7	2,0
Женский	41,0	0,9	50,9	7,2

Если в рабочих поселках и поселках городского типа пенсионеры на 93,3 % проживали в государственных квартирах и только 6,7 % из них имели собственные дома, то в совхозах в данных типах жилища они были расселены примерно поровну: в колхозах подавляющее большинство пенсионеров были владельцами личных домов – 64,0 %, 33,3 % жили в колхозных квартирах и домах и 2,7 % – в кооперативных. Данная информация дает представление о типах расселения пенсионеров, их реальных и потенциальных жилищных возможностях.

Для практики социального управления тех лет мы попытались выяснить, какие возрастные группы пенсионеров занимают тот или иной вид жилища. В государственных квартирах и домах проживало более 39 % лиц моложе семидесятилетнего возраста, собственными домами владели 50,2 % их общей численности, 5,5 % жили в колхозных домах и около 1 % – в кооперативных квартирах. Остальные не указали эти данные. В тоже время, государственные и кооперативные квартиры занимало всего 32,6 % пенсионеров, возраст которых «перевалил» за семьдесят лет. А почти 65 % из них проживало в собственных колхозных домах, со всеми вытекающими отсюда бытовыми и возрастными последствиями. Удивительно, но здесь просматривается четкая возрастная зависимость наших респондентов от типа занимаемого жилища. Дифференцированное рассмотрение жилищного положения более «частых» возрастных групп убеждает в этом. Так, государственные и кооперативные квартиры –

наиболее благоустроенный тип жилища – занимали 88,5% среди пенсионеров в возрасте до 50 лет; 62,1 % среди тех, кому было 55–60 лет; 59,7 % – в возрасте 61–65 лет; 58,1 % лиц, которым было 66–74 года и 49,3 % – старше 75 лет. А в частных, крайне низко благоустроенных домах, старики среди пенсионеров значительно преобладали над более молодыми возрастными группами. Почти 51 % лиц пенсионного возраста старше 75 лет доживали свой век в подобных строениях. Немало их и среди других возрастных групп – почти 42 % среди тех, кому 66–74 года и более 40 % достигших 61–65 лет.

Тип занимаемого пенсионерами жилища определял и уровень его благоустройства. Только 17,5 % пенсионеров имели жилье полностью благоустроенное. При этом среди мужчин их около 20 %, а среди женщин 17 %. Учитывая, что женщины были определяющим большинством среди пенсионеров, нетрудно подсчитать, что среди всех живущих в благоустроенных домах женщины составляли более 63 %, а мужчины 37 %. Остальные проживали в домах и квартирах, где на 70,7 % не было центрального отопления, канализации и водопровода; 72,8 % занимаемых пенсионерами жилищ не имели горячей воды и душа; почти 80 % не телефонизировано. И даже бань не имели 41 % пенсионеров, живущих как в сельской, так и в городской местностях. Для наглядности предлагается следующая таблица, в которой представлены данные об уровне благоустройства жилищных условий различных возрастных контингентов пенсионеров.

Таблица № 4

Уровень благоустройства занимаемого жилья у различных возрастных групп пенсионеров, (%)

Возрастные группы (лет)	Степень благоустройства жилья				
	Полностью благоустроено	Нет центрального отопления, канализации, водопровода	Нет горячей воды, ванны, душа	Нет телефона	Нет бани
До 50	38,3	46,7	51,7	66,7	25,1
55–60	15,8	65,2	72,8	72,2	35,4
61–65	12,3	76,0	76,0	68,6	38,7
66–74	20,3	74,6	74,0	73,4	50,0

75 и стар ше	15,5	75,9	78,4	75,9	51,
-----------------	------	------	------	------	-----

Как видно, наихудшие жилищные условия имеют пенсионеры старших возрастов, что становится понятным, если учесть фактор проживания большей доли данного контингента в сельской местности в собственных, совхозных и колхозных домах. Если в рабочих поселках и поселках городского типа жилье пенсионеров было полностью благоустроено на 77,3 %, то в совхозах и колхозах только на 15–16 %. Поэтому не случайно и то, что благоустроенные квартиры занимали в большинстве случаев пенсионеры, бывшие служащие. Почти 64% из них имели подобное жилье, тогда как среди пенсионеров, бывших рабочих только 44 %, а колхозников вышедших на пенсию, лишь 1,9 %. Зато они на 95 %, а рабочие на 56 % жили в собственных, государственных и колхозных домах. Не случайно только 14 % пенсионеров – рабочих и 12 % пенсионеров-колхозников имели полностью благоустроенное жилье, тогда как среди пенсионеров-служащих – более 40 %.

Правда, это компенсировалось большей занимаемой жилой площадью, приходящейся на одного пенсионера, проживавшего в собственном, государственном или колхозном доме. Если в государственных квартирах, которые занимали пенсионеры, на 37,3 % из них приходилось жилой площади меньше 5 м² и 5–9 м², то проживавших в домах на таких жилых площадях было только 27,3 %. по 10–12 м² жилой площади имели 24,9 % пенсионеров, живущих в квартирах и 25 % – в домах. А свыше 12 м² на человека выходило на 37,8 % пенсионеров, пользующихся государственными квартирами и 48,1 % пенсионеров, имевших собственные или занимавших совхозные и колхозные дома. В целом же по району 6,5 % пенсионеров имели жилую площадь меньше 5 м², 26,8 % из них проживали на площади в 5–9 м², 25,1 % лиц пенсионного возраста занимали площадь в 10–12 м² и 41,6 % пенсионеров владели жилой площадью свыше 12 м². Среди женщин-пенсионеров и мужчин-пенсионеров не наблюдалось большой разницы в размерах жилплощади, приходящейся на душу населения.

Более заметно это при рассмотрении социально-профессионального состава пенсионеров, занимавших тот или иной объем площади для проживания. Пенсионеры в возрасте до 50 лет на 4,8 % име-

ли на человека менее 5 м², 38,7 % из них располагали 5–9 м², 19,4 % проживали на жилой площади в 10–12 м² и 37,1 % имели свыше 12 м² жилой площади. Данные следующей возрастной категории (55–60 лет) лиц пенсионного возраста были такие: меньше 5 м² – 8,7 %, 5,9 м² – 30,8 %, 10–12 м² – 32 %. На более старшие возрастные контингенты пенсионеров приходится и больший удельный вес лиц, проживавших на просторных, по сравнению с первыми, площадях. Примерно 27–30 % из них имели на каждого пенсионера по 10–12 м² и 42–48 % – более 12 м² жилья. Объяснение прежнее: большее количество пенсионеров и в более старших возрастах проживают в сельской местности в личных, государственных и колхозных домах. Руководящие органы социального обеспечения и сегодня должны учитывать, что «индивидуальный» размер жилой площади каждого пенсионера разнится при рассмотрении их бывшего социального положения. Наименьший размер жилой площади на одного человека приходился на бывших колхозников и рабочих, среди которых 10–7 % имели меньше 5 м² и 30–40 % – больше 12 м². В тоже время среди бывших служащих первых было только 1,5 %, зато вторых почти 51 %. Так что социальное положение пенсионеров до выхода на пенсию во многом определяло их будущие жилищные условия. Все руководители различного уровня и специалисты на 60 % имели жилую площадь свыше 12 м² на человека и на 82–85 % проживали в государственных благоустроенных квартирах.

Таким образом, реалии повседневности пенсионеров-сибиряков в условиях начинающихся шоковых реформ были и без того тяжелыми. Нехватка жилья, низкая степень его благоустройства, а к середине 90-х гг. просто трагическое положение в области потребления продовольственных, промышленных товаров и бытового обслуживания, перешагнувшим пределы реальных возможностей пенсионеров и их скудных семейных бюджетов, определили их социально-политическую позицию к данным реформам. Только один из двадцати пенсионеров-респондентов положительно воспринимал происходящие в стране системные изменения.

В связи с этим более остро встала проблема организации трудовой деятельности пенсионеров в целях поддержания уровня их материальной обеспеченности. Особое внимание уделялось реалиям и возможностям, намерениям и фактической степени развития личного подсобного хозяйства.

Тип и набор домашних хозяйственных занятий пенсионеров находился в явной зависимости от возраста. До 50 лет и непосредственно накануне вступления в пенсионную фазу наблюдался очень высокий уровень активности на ниве ведения личного подсобного хозяйства. К этому времени значительная часть людей обзаводилась всеми возможными и доступными видами структур, составляющих личное подсобное хозяйство. Более 70 % их владели приусадебными участками, свыше половины выращивали крупный рогатый скот, почти две трети разводили свиней, овец, коз, 1/3 – домашнюю птицу. В первые пять лет пребывания на пенсии этот уровень активности хозяйственных занятий в основном сохранялся. Правда, по двум его параметрам отметка понижалась и при том существенно. С выходом на пенсию определенная часть людей, похоже, старалась освободиться от наиболее трудоемких, тяжелых и хлопотных хозяйственных занятий; от содержания крупного рогатого скота и свиней, овец, коз. Примерно каждый третий из бывших «скотоводов» утрачивал интерес к содержанию домашних животных, ликвидируя эту структуру в личном подворье. Относительная величина людей, занимавшихся содержанием крупного рогатого скота, понижается с 51 до 34 %; свиней, овец, коз – с 61,2 до 49,1 %. Зато возрастало число пенсионеров, с 32,7 до 37,1 % отдававших предпочтение разведению домашней птицы, увеличивалось количество владевших садовыми участками.

В последующие годы этот процесс деградации структурного состава личного подсобного хозяйства расширяется, усиливается, углубляется. К 75-летнему возрасту от половины людей, занимавшихся разведением крупного рогатого скота, остаются единицы – 4,1 %, от 2/3 «свиноводов, овцеводов» и т.п. – 18,4 %, сокращается также домашнее птицеводство с 37,1 до 15,3 %. При этом «перелом» в хозяйственных структурах личного подворья по названным составляющим происходит почти одновременно в диапазоне между пятым и седьмым годом пребывания на пенсии. К 75-летнему возрастному рубежу в личном подсобном хозяйстве пенсионеров превалируют три структуры: приусадебный участок, огород, садовый участок. Бывшие «скотоводы» ограничивались занятиями в растениеводстве. Это превращение, происходившее в начальный период пенсионного существования, обусловлено, по-видимому, не только личностными, но и в определенной степени внешними причинами – главным

образом, трудностями в приобретении молодняка животных, кормов, сенокосных угодий, ограниченных транспортных возможностей и других часто почти непреодолимых препятствий.

Об этом, в частности, свидетельствовали ответы пенсионеров на вопрос «желали бы они заниматься личным подворьем, при условии льготного предоставления фуража и других сопровождающих услуг помощи». Значительная часть их положительно заявила о стойком присутствии такого намерения. К сожалению, в реальной ситуации складывались условия, обычно, не способствовавшие осуществлению названного намерения. Очень часто человек после выхода на пенсию становится обузой, малоинтересным, не нужным для руководства предприятий, общественных организаций, трудового коллектива. Его проблемы уходили вместе с ним на второй, последний план повседневного внимания руководителей и общественных структур предприятия, учреждения. Дилемма первоочередного оказания помощи со стороны предприятия работающему заявителю или ветерану-пенсионеру трудового коллектива, будь то обеспечение продуктами, товарами, жильем, ремонтом квартиры, другими приобретениями и услугами, в том числе помощью в содержании домашних животных и т.д. вплоть до вспашки огорода, в подавляющей массе случаев разрешалась не в пользу пенсионера.

Срез структурных параметров личного подсобного хозяйства по принадлежности пенсионеров к основным социальным группам трудящихся (рабочие, колхозники, служащие) показал, что его состав практически не имеет жесткой связи, не зависит от прежней социальной биографии. Во всяком случае, между бывшими рабочими и колхозниками не наблюдалось какой-то специфической привязанности, пристрастия к тому или иному виду домашней хозяйственной деятельности в пенсионном возрасте. И те и другие почти в одинаковой мере склонны к самым различным видам хозяйственных занятий: от работ, связанных с возделыванием приусадебных, садовых и огородных участков, до содержания крупного рогатого скота, других домашних животных и птицы. Так, в обследованном контингенте, в среднем, около 66 % пенсионеров-рабочих имели приусадебные и огородные участки, 11,3 % – садовые. Пенсионеры-колхозники, соответственно, 73,9 и 12,6 %. Естественно предположить, что разность в 7–8 пунктов по первому показателю между рабочими и колхозниками объясняется спецификой места жительства.

В отличие от колхозников, проживающих в традиционных деревнях, определенная часть пенсионеров-рабочих проживала в поселках городского типа, в которых деревенские и городские условия быта соседствуют, но последние явно ограничивают, теснят возможности приусадебного хозяйства и владения огородными участками.

В поселках городского типа приусадебный участок имели 10,4% пенсионеров, крупный рогатый скот и птицу в хозяйстве не держали, незначительное число их 6,3% выращивали свиней. Иная картина в колхозных и совхозных поселениях. Здесь подавляющая часть пенсионеров проживала в отдельных домостроениях с приусадебными участками, пользуясь полевыми огородными участками для выращивания, преимущественно, картофеля. И, кроме того, пятая их часть в колхозах и 9,3 % в совхозах имели садовые участки. Независимо от принадлежности жилья (собственный или казенный дом) более четверти – 28,4 % колхозных пенсионеров и – 23,6 %, проживавших в совхозных поселениях, держали в личном хозяйстве крупный рогатый скот, свиней, соответственно, 47,3 и 36,2 % и домашнюю птицу – 12,2 и 28,3 %.

Выявлены так же практически равные уровни занятости пенсионеров из рабочих и колхозников содержанием крупного рогатого скота, свиней, овец, коз. Пятая часть тех и других имели в подсобном личном хозяйстве крупный рогатый скот и треть в каждой группе – свиней, овец, коз. В данном случае нивелировка различных возможностей содержания животных в поселках городского типа и в колхозах происходила за счет совхозных пенсионеров-рабочих.

Правомерность этого вывода подтверждается приведенными выше сопоставлениями названных параметров в срезе пенсионеры-рабочие совхозов и пенсионеры-колхозники. Некоторые различия между пенсионерами из рабочих и колхозников имелись в частоте занятия выращиванием домашней птицы. Домашняя птица разводилась в 25 % личных подсобных хозяйств пенсионеров-рабочих и 18,9 % – пенсионеров-колхозников, что согласовалось с данными, свидетельствующими о значительном распространении в среде пенсионеров-рабочих, проживающих в поселках городского типа, домашнего птицеводства.

Отличия структуры личного подсобного хозяйства пенсионеров из служащих от рабочих и колхозников проявляются по нескольким параметрам. Только половина их имеет приусадебные участки и 60,2 % огороды, зато вдвое больше, чем в среде рабочих, владевших садовыми участками: 22,1 % против 11,3 % пенсионеров-рабочих. Заметно выше, чем среди рабочих и даже колхозных пенсионеров, процент занимавшихся содержанием крупного рогатого скота – 28,3 % против 21,2 %, в пенсионном контингенте рабочих и 20,7 % в колхозном. Думается, что это объяснялось отнюдь не какой-то особой склонностью, предрасположенностью бывших служащих к скотоводству, а скорее остаточными факторами их прежнего руководящего положения, более прочной социальной интеграцией, корпоративностью сообществ служащих, большей прочностью неформальных связей, совокупным результатом которых являются более широкие возможности обеспечения личного хозяйства кормами и т.п. Важное значение, несомненно, имеет аспект здоровья, предшествующий образ жизни, поскольку физический труд, которым заняты рабочие и колхозники, хотя и укрепляет мышцы и закаляет организм, однако, навряд ли способствует продолжительному сохранению жизненных сил.

Таким образом, анализ объективного положения, субъективных устремлений пенсионеров и имевшихся возможностей в районе их проживания свидетельствовали о необходимости для ветеранов труда продолжать трудовую активность, создавая тем самым себе более сносные условия существования. Это и определило устойчивость данной демографической группы населения России в последующих социальных потрясениях в стране.

Д.В. Чернов

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

Проводимые в России масштабные экономические преобразования, формирование рыночной экономической модели в 1990-е гг. определили необходимость взаимодействия общества и бизнеса для поддержания социальной стабильности в стране. Однако среди многих вопросов развития сегодня, по-прежнему, актуальными остаются социальная ответственность делового сообщества, компаний и отдельных представителей коммерческого сектора, а также их взаимодействие с государственным и общественным секторами. Наше внимание к данной проблеме в контексте «социального дела» не случайно. Растущее в последнее время число частных и общественных инициатив, ориентирующихся на благотворительность, значимо для развивающейся социальной работы. Более того, всё это определяет складывание в России на современном этапе государственно-общественной модели социального вспомоществования, доказавшей свою эффективность в Европейских государствах.

Отметим, что стратегия современной социальной работы, независимо от модели, направлена на активизацию позиции человека в процессе принятия помощи через повышение его самостоятельности, способности контролировать свою повседневную жизнь и свои проблемы. Одним из многих механизмов решения социальных проблем в рамках государственно-общественной модели при определенных условиях вполне может стать корпоративная социальная ответственность.

Осознавая свою «социальную ответственность», современные деловые люди предпринимают конкретные шаги по её практической реализации. Создаются общественные комитеты по корпоративной социальной ответственности, отрабатываются различные модели социального партнерства государственных, общественных и коммерческих структур. Внедрение практики социальной ответственности признано фактором, увеличивающим прибыльность компаний, в связи с чем бизнес начал реагировать на призывы инвесторов, правительства и общества прояснить степень воздействия своего основного производства на окружающий мир.

Социальная ответственность коммерческого сектора распространяется в первую очередь на внутренние программы компании, среди которых развитие персонала, человеческих ресурсов на предприятии или фирме, охрана здоровья и безопасные условия труда, социально ответственная реструктуризация. В социальной практике любой организации *развитие персонала* занимает важнейшее место. Успех в большей степени определяется тем, кто именно и как работает на определенных позициях в компании. Реагируя на эти изменения, кадровая политика стала гораздо более гибкой, набор инструментов, которые могут использоваться для стимулирования эффективной работы и поощрения важных для компании сотрудников, значительно вырос.

Охрана здоровья и безопасные условия труда, как направление внутренних социальных программ компании, обеспечивает создание и поддержку мероприятий, дополнительных по отношению к законодательно закрепленным нормам. Такие программы, как правило, охватывают следующие сферы деятельности: охрана труда и техника безопасности, медицинское обслуживание персонала на предприятии, поддержание санитарно-гигиенических условий труда, поддержание материнства и детства, профилактика профессиональных заболеваний и т.п.

Социально ответственная реструктуризация – это направление социальных программ компании, которые призваны обеспечить проведение реструктуризации социально ответственным образом, прежде всего в интересах персонала компании. Распространенной практикой является проведение подобных программ в партнерстве с объединениями работодателей и местными, региональными, а в некоторых случаях и федеральными органами власти. В ходе программы социально ответственной реструктуризации обычно проводятся информационные мероприятия, освещающие предстоящие в компании структурные изменения, мероприятия по профессиональной переподготовке, содействию в трудоустройстве, осуществляются компенсационные выплаты сотрудникам, попавшим под сокращение и т.п. Выплаты по выходным пособиям – хороший пример того, как государственные гарантии устанавливают минимальные требования к социальной ориентации корпоративной политики.

К внешним социальным программам, в основном реализующимся коммерческим сектором, относятся добросовестная деловая практика

и развитие местного сообщества в рамках спонсорства и благотворительности. В отношении *добросовестной деловой практики* наиболее приоритетными признаны вопросы информационной открытости и программы сотрудничества с органами государственного управления, ассоциациями потребителей, профессиональными объединениями и прочими общественными организациями. Тот факт, что именно информационная открытость поставлена на первое место, показывает, что реалистичное представление своей деятельности для других участников рынка по-прежнему рассматривается как важнейший элемент добросовестной деловой практики.

Коммерческие компании вовлекаются в *жизнь местного сообщества* путем осуществления различных социальных программ и акций поддержки социально незащищенных слоев населения, оказания поддержки детству и юношеству, поддержки сохранения и развития жилищно-коммунального хозяйства и объектов культурно-исторического значения, спонсирования местных культурных, образовательных и спортивных организаций и мероприятий и т.д. Позиция руководителей российских компаний по вопросам развития местного сообщества выявляет несколько интересных моментов. Наиболее приоритетным оказывается поддержка социально незащищенных слоев населения. Поэтому точка зрения о том, что компании не уделяют внимания решению этой важной социальной проблемы, неверна.

Одним из основных способов выражения социальной позиции компании является *корпоративная благотворительность* – подразумевает добровольное выделение ресурсов на поддержку социально значимых областей, с целью создания благоприятного общественного мнения о компании. Еще одним очень похожим на корпоративную благотворительность элементом является *корпоративное спонсорство*, которое проявляется через предоставление денег, различных подарков, и других ресурсов. Компания оказывает содействие зарегистрированной некоммерческой благотворительной организации или другой единице для достижения ее целей и взамен получает измеримое маркетинговое преимущество, которое, как минимум, в два-три раза больше первоначальных вложений.

Корпоративная социальная ответственность в контексте социальной работы определяется деятельностью компаний по оказанию поддержки, защиты интересов, предоставлению помощи нуждаю-

щимся, но имеет дополнительную смысловую нагрузку – попечительство. В соответствии с этим концептом, любые ресурсы, которыми владеет сообщество, должны быть использованы для улучшения положения человека. Ценностный смысл корпоративной социальной ответственности состоит в оказании помощи и предоставлении услуг бедным и нуждающимся.

Корпоративное волонтерство заключается в предоставлении помощи сотрудниками компании, участвующими в волонтерской деятельности благодаря политике своей компании. Такое участие может быть исключительно добровольным и не должно входить в круг служебных обязанностей. Компании могут использовать данный важнейший ресурс двумя способами. Во-первых, на условиях полной или частичной занятости посылать сотрудников – волонтеров в качестве временных работников в организации, работающие на благо местного сообщества. Во-вторых, компании могут поддерживать и поощрять самостоятельную волонтерскую деятельность своих сотрудников и, возможно, членов их семей. Некоторые корпорации организуют общие для всех сотрудников дни волонтерства.

Можно ли ожидать, что сами компании станут профессионалами организации благотворительности? В конце концов, благотворительность вовсе не является основной задачей деятельности данных организаций. Только очень крупные предприятия могут себе позволить создание отделов, специализирующихся на вопросах социальной политики. Большинство компаний стараются минимизировать административные расходы на благотворительность и не готовы включить в свой штат соответствующих специалистов.

Вместе с тем, сегодня среди предпринимателей формируется понимание того, что структурирование социальной и благотворительной деятельности невозможно без привлечения дополнительных ресурсов и специальных знаний, иными словами, без привлечения партнеров. Так, в последнее время всё чаще проявляется взаимодействие бизнеса с органами местного самоуправления и некоммерческими организациями в рамках реализации социальных и благотворительных проектов.

Самой распространенной формой социальной и благотворительной деятельности бизнеса является участие компаний в реализации социальных программ местных и региональных администраций.

Это неудивительно, если вспомнить о том, что установление благоприятных отношений с властью и администрацией служит сегодня ведущим мотивом вовлечения компаний в социально ориентированную деятельность. Очевидно, власть по-прежнему воспринимается многими как главный гарант стабильности, чего никак нельзя сказать о некоммерческом секторе.

Примеров участия бизнеса в социальных программах, инициированных органами местного самоуправления и государственной власти, уже достаточно много. Среди них проведение городских и муниципальных конкурсов с привлечением средств бизнеса к реализации городских и региональных социальных проектов, создание специализированных отделов по работе с некоммерческим сектором, проведение конкурсов, финансируемых частично за счет местного бюджета. Своеобразие партнёрства бизнеса и некоммерческих объединений заключается в том, что они объединяют усилия во имя кого-то третьего: молодых людей с ограниченными возможностями, молодых семей и др. У каждого партнёра своя роль в этом тендеме. Некоммерческое объединение знает, как эффективно действовать, чтобы решать общественные проблемы, а бизнес владеет ресурсами для этого – денежными, техническими, административными и др. В подтверждение приведем лишь некоторые примеры корпоративной ответственности в городе Новосибирске, в качестве информационного источника используя Интернет-сайты экономического содержания.

Генеральный директор коммерческого предприятия «Неоком» в своем интервью отмечает, что «Главное в нашей работе – это стабильность и внимание к людям». Оказывается активная поддержка общественных организаций, спортивных и культурных мероприятий, финансирование общественно значимых объектов в г. Новосибирске и Академгородке. О роли социальной ответственности бизнеса в интервью говорится: «Мы настроены на позитивное долгосрочное партнерство, которое в свою очередь предполагает не только коммерческие предложения. Мобильность, устойчивое развитие, деловая репутация и социальная ответственность – это главные принципы нашей компании».

Владелец группы компаний «New York Pizza» Эрик Шогрен считает, что по сравнению с Западом в России традиции активного участия в социальной сфере только зарождаются. «На Западе социаль-

ная ответственность – это нормальная практика бизнеса». Благотворительными акциями компания «New York Pizza» в Новосибирске занимается с 1996 г. С самого начала своей работы она заявила о готовности участвовать в социальных проектах города. Реализация таких мероприятий требует объединения усилий всех структур – и городской организации, и бизнес-компаний и некоммерческих организаций. Главным препятствием в реализации социальных проектов становится определенная техническая сложность – бюджет, технология работы и функции всех участников. Для преодоления таких сложностей «необходима организация, которая возьмет на себя планирование и проведение благотворительных акций, а также объединит усилия многих участников процесса в единое целое... Думаю, что и государство, и местные бизнес-сообщества поддержат нашу инициативу» – считает Эрик Шогрен.

По словам президента компании «Подорожник» все социальные действия и направления рассматриваются через гармонизацию интересов компании, клиентов и населения Новосибирска в целом. «Лишь взаимовыгодные отношения могут быть достаточно долгосрочными, а мы строим свой бизнес не год-два, а на бессрочный период» – отмечает Татьяна Фомина. Следовательно, компания «Подорожник» стремится к реализации комплексных долгосрочных программ. Социальная ответственность бизнеса главным образом заключается в том, чтобы свою компанию рассматривать как неотъемлемую часть общества, причем очень активную её часть, которая, в свою очередь, понимает, что именно ее действия в значительной мере определяют уровень общего благополучия в городе.

Социальные программы являются важной составляющей деятельности компании «Подорожник», которая известна как организатор молодежных и спортивных мероприятий, инициатор проведения массовых мероприятий и шоу, а также открытых розыгрышей призов. «Подорожник» является постоянным партнером и спонсором общественных мероприятий в регионах, где работает компания, а также событий общероссийского масштаба. Что касается обратной связи от потребителей (а это тоже является одной из составляющей социальной ответственности бизнеса), то в структуре компании создана и успешно работает информационная служба «Диалог-Подорожник». Также существует сайт компании, куда могут обратиться потребители со своими просьбами и предложениями.

В компании «Новосибирскэнерго» выделяют три составляющие социальной ответственности:

1. Ответственность перед своими потребителями. Компания ответственна за обеспечение каждого потребителя достаточным и качественным теплом и энергоснабжением.

2. Ответственность перед персоналом своей компании. Особое внимание уделяется молодежи, которой предоставляется возможность дополнительно получить образование, обеспечивающее карьерный рост, осуществляется корпоративная программа при покупке жилья.

3. Работа с сообществом. Здесь делается акцент на благотворительность. Для «Новосибирскэнерго» – это, прежде всего, молодежь и спорт. Например, компания помогает только одному детскому дому, но зато с ним сложились прочные партнерские отношения.

Таким образом, социальная деятельность коммерческого сектора укладывается в три основных направления:

Реализация социальных проектов. Многие бизнес-компании ориентированы на социальные проекты и социальные программы. К примеру, у «Подорожника» – это «Чистый город – хорошее настроение» и «Экстренный вызов милиции». У «Новосибирскэнерго» – различные молодежные программы. Однако необходимо выделить особенности реализации социальных проектов. Все бизнес-компании стремятся к стабильности, следовательно, ориентированы на долгосрочные социальные программы. Если они себя зарекомендуют, то создадут хорошую репутацию и доверие к своему делу. Социальные программы ориентированы на решение актуальных социальных проблем. Общество при этом получает помощь от бизнеса, который тем самым существует и процветает не один год. Кроме того, необходимо отметить и проекты с властью, которые направлены на решение традиционных для государственных структур социальных проблем.

Ответственность перед своим персоналом. Работник защищается социальным пакетом обязательств, что является основным залогом его продуктивной работы. Это понимают многие предприниматели, стараясь посильными средствами защитить своих работников от невзгод повседневной жизни.

Ответственность за качество продукции. Безупречное качество продукции – главная ответственность компании перед обществом.

вом. Такой подход, например, реализуется в бизнес-компании «Полдорожник». ОАО «Новосибирскэнерго» в контексте социальной ответственности осуществляет обеспечение потребителей достаточным и качественным теплом и энергоснабжением. Каждая компания ведет свою деятельность с особой специфичностью. Также она осуществляет и социальную ответственность бизнеса.

Однако бизнес, по-прежнему, испытывает недоверие к некоммерческим организациям, крайне редко рассматривая их в качестве полноценных партнеров. Даже поддерживая некоммерческие организации, предприниматели предпочитают общаться с ними только через администрацию или узкий круг «элитных» некоммерческих организаций, например, через региональные ресурсные центры. Такой посредник должен обеспечивать целевое расходование выделяемых средств, а именно: владеть информацией о текущей работе городских НКО, быть профессионалом в своей специализации, помогать отбирать проекты НКО, которые будут иметь действительно высокий и устойчивый социальный эффект, а также брать на себя всю работу по мониторингу и оценке результатов. Одно из основных препятствий на пути формирования эффективного партнерства двух секторов – низкий уровень информированности друг о друге. К сожалению, сложилась ситуация, когда бизнес просто не знает о деятельности НКО, работающих в том же городе.

Таким образом, в современных условиях нельзя не учитывать специфику развития и возможности государственного, коммерческого и общественного секторов в решении социальных задач, в организации поддержки нуждающихся. Однако, самая большая трудность, препятствующая осуществлению данных процессов, заключается в сохраняющейся разобщенности власти, бизнеса и общественности, в очень слабых позициях межсекторного взаимодействия. Между тем, использование и сочетание имеющихся ресурсов социально, политически и экономически активного населения, выраженное в программах, в совместных акциях или просто в желании идти навстречу друг другу, уже сегодня является неотъемлемым условием эффективного социально-политического развития государства.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а.*

Социальная роль бизнеса в общественном развитии: корпоративная благотворительность и спонсорство. М., 2002.

Якимец В.Н. Рынок исследований благотворительности в современной России: попытка системного осмысления. СПб., 2001.

Крестникова И. Корпоративная филантропия: мифы и реальность. Результаты социологического исследования. М., 2002.

Ивашенко С.В. Город и бизнес. Формирование социальной ответственности. М., 2003.

[www.ngs.ru/экономическая жизнь/...](http://www.ngs.ru/экономическая_жизнь/...)

С.С. Букин, Б. Штётцель (Зиген, Германия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ.

Социальная работа в общем виде характеризуется как осуществляемая профессионально подготовленными специалистами деятельность по оказанию помощи людям, нуждающимся в ней, неспособным без посторонней поддержки решать свои жизненные проблемы: личностные, семейные, групповые, производственные и др. Основное назначение социальной работы – обеспечение достойного материального, социального и культурного уровня жизни граждан, восстановление в случае необходимости их способности к жизнедеятельности в обществе. К её функциям относятся социальная диагностика, социальная помощь, социальная профилактика, социальная коррекция, социальная реабилитация, социальная адаптация, социальное информирование.

Сам термин вошел в обиход как перевод с английского «Social Work». В Англии, Германии, США и ряде других стран уже к началу XX в. вследствие проведения социально-экономических реформ социальная работа сложилась как особый вид профессиональной деятельности, превратилась в одно из важных направлений внутренней политики.

В последнее десятилетие XX в. в Западной Европе произошли заметные перемены в сфере социальной работы, которые в начале XXI столетия оказывают непосредственное воздействие как на теоретическую базу, так и социальную практику. Они стали предметом широкой и оживленной дискуссии. Подобные изменения явственно ощущаются и в России, однако их анализ ещё не проводился даже в специальной литературе.

Оценивая принципиальное значение смены ориентиров в социальной работе, возможно говорить о коренной перестройке всей ее парадигмы вследствие углубляющегося разрыва между растущими потребностями социального обеспечения, с одной стороны, и сокращением материальных возможностей общества – с другой. Иными словами, социальные услуги – подобно любым другим – обходятся все дороже и становятся предметом конкурентной борьбы в распределении общественных ресурсов.

Результатом этого явилась настоятельная необходимость последовательной модернизации и оптимизации всех социальных услуг, находящая свое выражение в следующих переменах:

1. Повышение требовательности к органам управления относительно выделения средств (вопрос: «Действительно ли это необходимо?»);

2. Необходимость более серьезного обоснования запросов со стороны потенциальных претендентов (вопрос: «Оправданы ли подобные требования?»);

3. Возникновение свободного рынка и конкуренции в сфере социальных услуг (вопрос: «Каково соотношение цены и услуги?»);

4. Смещение акцентов с экономических затрат (вопрос: «Сколько денег нам понадобится?») на экономическую целесообразность (вопрос: «Сколько мы можем позволить себе потратить?»);

5. Учет категорий продуктивности (вопрос: «Делаем ли мы то, что нужно?») и рациональности (вопрос: «Делаем ли мы так, как нужно?»);

6. Необходимость постоянного повышения качества услуг в конкурентной борьбе (вопрос: «Кто сделает это лучше за ту же цену?»);

7. Введение новых систем управления (организационное развитие, управление процессами, менеджмент качества).

Эта смена общей парадигмы породила в последние годы во многих западноевропейских странах серьезные проблемы, как для теории, так и для практики социальной работы. Возникла необходимость разработки новых теоретических концепций и способов их реализации, которые уже заметно изменили характер социальной работы и продолжают оказывать свое воздействие.

Российская модель социальной работы гораздо моложе западноевропейской или американской. 8 июня 2007 г. социальные службы России отметили лишь свое пятнадцатилетие. В течение этого времени в целом сформировалась новая система социальной поддержки населения. Преобразованы действовавшие и открыты новые учреждения социального обслуживания, разработаны основные принципы оказания помощи нуждающимся, налажены отношения социального партнерства. Формирование социальной работы в России опиралось в значительной мере на западный опыт, нередко прямо копировались его конкретные аспекты. В данной связи

большое научное и практическое значение имеет выявление и анализ исторического опыта и современных тенденций развития социальной работы в европейских странах в контексте её дальнейшего становления в Российской Федерации.

Для решения этого комплекса задач было бы полезно предварительно коротко описать основные исходных условия, которые существовали в середине XX столетия, т.е. в начальный период образования Федеративной Республики Германия. Это также позволит лучше представить немецкую социальную систему и соответствующие изменения в ней. Прежде всего, необходимо исходить из того, что в Федеративной Республике старый принцип либерального государства, а именно *принцип субсидиарности* был не только прописан в социальном обеспечении, но и закреплён в законодательстве. Так с идеей социального государства и идеалом социальной справедливости возникла система, суть которой состояла в том, что государство, особенно в своих базисных структурах (коммунальные звенья), не выступает в качестве проводника социальной работы, пока негосударственные организации, например конфессии или другие общественно полезные объединения (так называемые «свободные носители»), оказываются в состоянии взять на себя решение этих задач. Государство в этих случаях, правда, обязано предоставить необходимые финансовые средства нуждающимся в помощи или имеющим право на её получение, но не напрямую, а через соответствующие негосударственные организации. Государственные органы вправе лишь тогда оказывать социальные услуги, если не находится негосударственных организаций, способных предоставить их. Действующая на основе принципа субсидиарности социальная система, конечно, окружена массой социальных государственных законов, которые регулируют качественные и количественные условия социальной работы и реализуются государственными социальными органами (например, молодежными или социальными ведомствами). Таким образом, возник целый комплекс государственных и негосударственных структур социального обеспечения людей с существенной содержательной и методической самостоятельностью отдельных организаций, которые, однако, должны кооперировать свою деятельность.

С другой стороны, необходимо исходить из того, что содержательная направленность социальной работы определялась преиму-

шественно образом «каритас», т.е. заботой о нуждающихся. Во внимание принимались, прежде всего, так называемые принципиальные дефициты. Особенно для теории социальной работы, а так же для ее организационного оформления это означало, что помощь оказывалась тому, чье существование по сравнению с «нормальным» случаем обуславливалось дефицитами (например, бедность, физическое или духовное ограничение, болезнь, возраст). Форма и величина помощи определялись видом и размером дефицита (модель удовлетворения потребностей). Таким образом, возникло множество различных законодательно гарантированных программ оказания помощи, которые нередко имели тенденцию к перенасыщению. Эффект, который известен и в других европейских социальных государствах (например, Швеции), в США получил точное наименование «*creaming the poor*» (помазать бедность). Действительно, во времена экономического подъема и «полных касс» постоянно принимались законы, которые предлагали многообразные программы оказания помощи и особенно там, где наиболее остры были потребности. Это вело к nepозволительно обширным услугам социального обеспечения, которые скорее способствовали развитию пассивности и потребительства среди клиентов, чем воспринимались ими как помощь для оказания самопомощи.

Если ставится вопрос о действительных тенденциях в социальной работе, которые длительны по времени и опираются на определенную смену парадигмы в теории и практике, то возможно сделать выводы, представляющие общий интерес и имеющие значение для познавательного процесса. При этом необходимо учитывать, что не все тенденции в различных сферах играют одинаковую роль и выражены в равной степени. Тем не менее, они могли бы представить достаточно точную картину перемен и создать представление о том, что в последние годы было сделано на пути растущей профессионализации социальной работы.

Первой поворотной тенденцией в развитии теории социальной работы был уход от фокусировки на индивидууме в сторону *ориентации на организацию* как определяющую плоскость индивидуального поведения. Это изменение познавательного интереса вызывалось социально-психологической ориентацией, опирающейся на базовую теорию и понятийный аппарат *групповой динамики*. Если раньше нарушения и препятствия в развертывании работоспособно-

сти организации связывались с поведением ее отдельных членов, то впоследствии сама организация стала рассматриваться как носительница скрывающих или развивающих сил, которые позволяют достичь поставленных целей или, наоборот, препятствуют этому. Организация стала восприниматься как своего рода вид «социального организма» со всеми признаками определенной личности, которая могла быть «здоровой» или «больной», «гуманной» или «негуманной» и должна подвергаться схожим методам диагностики и терапевтического воздействия, как и отдельные люди. Возникло новое понимание взаимосвязи индивидуальных форм проявления нарушений в сфере трудового поведения и определяющих их организационных причин. Так возник арсенал методов «организационного развития (ОР)», чьи новые тенденции состояли в том, чтобы превратить затронутых участников из носителей симптомов в их ликвидаторов. При этом постоянно учитывалось, что в значительной мере решение проблем связано с общей ответственностью за сложившуюся ситуацию и достижение новых целей. Методы ОР больше не применяются в индивидуальной плоскости, как прежде, а исключительно в отношении частей организации (групповой подход). С применением методов ОР начался победоносный поход организации групп в мире труда, который продолжается и по сей день.

Совсем новый ветер повеял на дисциплины социальной работы после того, когда на сцену выступили так называемые дебаты о качестве. Он дует так порывисто, что неминуемо встает вопрос, откуда возникло, собственно говоря, новое требование менеджмента и качества в социальной работе и что конкретно подразумевают эти дебаты. Являются ли они только модернистским этюдом или, скорее, одним из аспектов проявляющейся смены парадигмы? После политэкономической ориентации социальной работы в семидесятые годы и *психоцентризма* в восьмидесятые она все больше понимается как социальный менеджмент, в котором речь идет о стандартах и контроле качества. Позднее после интернационализации дискуссий о менеджменте качества и сертификациях (система норм ISO) на этот вопрос последовал положительный ответ. Качественный подход является без сомнения ведущей тенденцией социальной работы XXI столетия.

Многочисленные новации распространяются на *методы социальной работы*. Правда, здесь необходимо различать отдельные сферы

практики, потому что не все методические новации в равной мере применимы в них. Отчетливая тенденция связана с методикой деятельности общих социальных служб. Она может быть определена как переход «от помощи в единичных случаях к коллективной работе». В особенности перед второй мировой войной и вскоре после нее уход за отдельными людьми стоял на переднем плане (символом социальной деятельности как профессии была «соцработница» или патронажная сестра). Помощь получали в определенном учреждении соцобеспечения. Позднее появились социальные станции, ориентированные на городские кварталы и поселки, дома открытых или частично открытых дверей, социальная работа на улице и в общинах с определенным содержанием и предостательным характером. Происходил переход от получения помощи клиентами к ее предоставлению профессиональными работниками. Тенденции в отдельных методических сценариях (*settings*) были следующие:

— от функционального обслуживания к комплексному воздействию,

— от вмешательства к консультации,

— от последующей помощи к профилактике,

— от обслуживания к ассистированию.

Другой примечательной тенденцией, которую необходимо упомянуть здесь с методической точки зрения и которая одновременно показывает смену парадигм в обращении с социальными конфликтами, является применение методов *медиации*. В принципе речь идет о стандартизированных процедурах урегулирования конфликтов, чтобы избежать обычных в буржуазном праве «моделей выигравший – проигравший» и добиться цели, чтобы не было проигравших сторон (так называемые ситуации «выигрыша – выигрыша»). Такие способы медиации применяются в возрастающей степени при экономико-экологических конфликтах (например, индустриальное освоение – загрязнение окружающей среды), но, прежде всего, при урегулировании спорных ситуаций в семьях (например, при разводе урегулирование права на обеспечение). В Германии предварительное использование методов медиации даже предписывается законом, прежде чем дело дойдет до суда.

С точки зрения методики следует коротко упомянуть о новых тенденциях в социальном администрировании, хотя речь не идет о методах социальной работы в узком смысле. Тем не менее, они при-

мечательны для возрастающей профессионализации в этой отрасли, имеют большое значение для повышения ее эффективности. Имеются в виду методы современного социального менеджмента, которые очень быстро распространились в социальных организациях, получив наименование «новые модели управления». Конкретно их смысл выражается в

- управлении,
- составлении бюджетов,
- соотношении результата и исходной заявки.

В западных демократиях в последние десятилетия отчетливо проявляются *тенденции в целевой ориентации*, ибо они связаны с существенной политической и общественной сменой парадигм, которая выражается в таких лозунгах, как «открытое общество», «больше демократии», «либерализация и дерегулирование».

Новым генеральным выражением целевой ориентации является англо-саксонский термин «encouragement» (ободрение, поддержка). Люди должны, прежде всего, прийти к самосознанию, самостоятельности и правомочности при урегулировании своих проблем. Вместо того чтобы и в дальнейшем ориентировать социальную работу и соответствующие виды помощи исключительно на удовлетворение индивидуальных потребностей клиентов, они сами должны быть в состоянии критично оценивать свою структуру потребностей и при необходимости изменять ее. Забота и поддержка в этом смысле превращаются в «помощь к самопомощи». Смена парадигмы и тенденции в данной связи отчетливо проявляются в работе с инвалидами и пожилыми людьми. Новейшие модели обращения с этими группами клиентов определяются следующими признаками:

- от поддержки к расширению компетенции,
- от обособления к интеграции,
- от получения помощи к партнерским отношениям,
- от общего обеспечения к обстановке, способной помочь,
- от замкнутой системы помощи к открытию пространства для индивидуального построения жизни.

Необходимо обратить особое внимание на *социально-педагогические перспективы* социальной работы. Хотя описанные тенденции в совокупности и тут проявляют силу, а ранее раздельно рассматриваемые сферы в сегодняшней Германии больше не имеют

существенных различий ни в образовании, ни в профессиональной практике. В этом отразилась такая примечательная тенденция, что социальная работа, направленная на дефицитные потребности клиентов, и социальная педагогика, ориентированная на потребности развития человека, все больше и больше сливаются в единую сферу деятельности. В высшем образовании это, среди прочего, проявляется в том, что число изучающих социальную работу все больше снижается по сравнению с занимающимися социальной педагогикой. Теперь только примерно четверть учащихся принимает решение в пользу социальной работы, что соответствует этой тенденции. В процессе интернационализации высшего образования (бакалавр и магистратура), очевидно, оба понятия прекратят свое существование, превратившись в интегративную науку «Social Work» (социальное дело).

Содержательно, с учетом аспекта социальной педагогики и дополнительно к ранее отмеченным процессам развития, следует описать еще некоторые примечательные тенденции. Прежде всего, следует назвать концепцию «life long learning» (обучение в течение жизни), которая оказывает влияние на формальную образовательную работу, особенно во внешкольной сфере. При этом имеется в виду прежде всего дошкольное воспитание, а также образование молодежи и взрослых, хотя и сам институт школы вовлекается в эту деятельность. Ключевая идея вытекает из воззрения, что педагогическое вмешательство, как и человеческое развитие вообще, образуют непрерывный процесс, который только в зависимости от ситуации и лишь временно подчеркивает определенные ступени образования (например, время в школе), но никогда не заканчивается. Следствием этого воззрения стало то, что учреждения образования (дошкольные, школа, производственное или внепроизводственное повышение квалификации, политическое и ориентированное на свободное время образование взрослых) организационно и содержательно все больше связываются друг с другом и создаются плавные переходы от одной организации к другой. Тенденция, которая здесь описывается, стала поэтапным устранением путей образования, как неких «тупиков», и переходом к сетевой структуре формального образования.

Непосредственно связанной с этой тенденцией является потребность дальнейшего развития *Curriculum*, т.е. курикулумной теории

(теории учебных планов), вплоть до концепции открытых учебных планов. В противоположность к закрытым учебным планам в школе, с их предопределенными, связанными с годом обучения предметами (образовательные каноны), здесь преподаются предметы, по своей сути эволюционные и открытые при постановке цели, обусловленные учебными интересами обучающихся и общественными потребностями. Структурными признаками открытых учебных планов являются базисно-ориентированная работа в группах, экспериментальные учебные стратегии, определение учебных целей с учетом предыдущего опыта обучающихся, изменение роли учителей и превращение их в советников или тренеров.

В отношении предметной направленности социальная педагогика следует сегодня тенденции, которую можно охарактеризовать словосочетанием «от передачи знаний к ключевой квалификации» (*Schlüsselqualifikation*). К ней принадлежит предметная направленность на овладение социальной и методической компетенциями (например: учиться учиться), чтобы совместно с ранее стоявшей в центре педагогических усилий специальной компетенцией выработать умение действовать и решать проблемы. В целом к ключевым квалификациям относятся такие, которые позволяют учащимся открывать новые сферы деятельности, выработать новые темы, производить новые знания и преодолевать барьеры в расширении собственных компетенций. Типичными примерами этого являются умение искать и получать информацию, осуществлять стратегическое планирование целенаправленных действий, коммуникабельность и кооперативное поведение, способность строить разговор и вести дискуссию.

Особенно важна и примечательна *социально-политическая смена парадигм*. Ядром стратегии государственного переустройства является переход от *welfare state* (государство благоденствия) к «*workfare state*» (государство трудового благополучия). Шаг за шагом социально-политические инструменты обслуживания и обеспечения подчиняются рыночным трудовым критериям, которые почти исключительно направляются на интеграцию «обслуживаемых» в первичный рынок труда. Здесь проявляется удивительное возрождение идеи трудового общества, но в совершенно новом одеянии. Несмотря на нехватку миллионов требуемых рабочих мест, ставших жертвой политики на рынке труда (а также бездеятельности в сфере

занятости), способность человека к интеграции представляется масштабом его социальных достижений. Параллельно к этому усиливается давление надзирающих и контролирующих органов, которые должны способствовать активному «приспособлению» к рынку труда тех, кто выпал из него. Одновременно в социальной политике все в большей мере указывается на личностные причины процессов социального обособления. Они почти исключительно рассматриваются как следствие недостаточной индивидуальной гибкости и способности к приспособлению. Одновременно пересматривается значение создававшихся в социальном государстве защитных средств, своего рода «смягчающих удар матов», что при неприспособленности к проводимым мероприятиям должно оправдать усиливающиеся давление и репрессии со стороны государства. В частности, примечательны следующие строки: «К примеру, было бы вполне целесообразным для граждан определенного возраста, допустим между 18 и 45 лет, если они трудоспособны, по истечении 6 месяцев отменить притязания на социальную помощь и заменить их правом на содействие в трудоустройстве или занятиями в переходном рынке труда, что не только гарантирует достаточный уровень существования, но и связано с активным сотрудничеством».

В 1980-х гг. в США возникла дискуссия, получившая название коммунитаризма, которая указывала с точки зрения глобализации на дефицит демократии в социально-либеральных обществах. Коммунитаристы подчеркивают зависимость личности от сообщества, не рассматривают человека как изолированного индивидуума. Далее коммунитаризм выступает за свободное развитие личности, но в социально допустимых пределах. Идеал равенства в отношении людей не является абсолютным (как при социализме), а принципиальным (так называемое «комплексное равенство»). Коммунитаризм допускает определенное, в том числе обусловленное личностными факторами неравенство, которое, к примеру, может проявиться в профессиональном успехе, но и требует одновременно, чтобы это, с одной стороны, не вело к необоснованным привилегиям, а с другой, к неоправданной дискриминации. Либеральные критики упрекают коммунитаризм в скрытом неуважении основных прав человека («human rights»), левые, напротив, в том, что пренебрегается экономическими факторами для решения социальных проблем. А для консервативных политиков коммунитаризм является панацеей

ей во времена экономических кризисов или пустых государственных касс, ибо речь идет о том, чтобы мобилизовать внутренние силы гражданского общества и раскрыть частные ресурсы, такие как добровольность и работа на общественных началах. В Западной Европе все отчетливее проявляется тенденция передвинуть государственно-управляемую социальную интеграцию как цель социальной работы в сторону создания общественных рыночных механизмов для саморегуляции социальных потребностей и соответствующих форм и видов помощи.

Концепция урегулирования, называемая также «good governance strategie», находится равным образом под воздействием парадигмы глобализации и связанной с этим дискуссии в мировом масштабе. Имеется в виду концепция справедливого взаимодействия государства, экономики и общества, вызывающая продолжительные последствия («sustainable development»). При этом речь идет в первую очередь о концепциях развития экономической и социальной политики, благодаря которым удовлетворяются потребности нынешних поколений и сохраняются шансы для потомков. В этом контексте социальная работа конституируется под новой эмблемой «профессии по правам человека», но и одновременно как экономически организованная услуга в социальной сфере: «гимнастический шпагат», который может существенно повредить социальной работе как интегративной дисциплине.

Следует упомянуть еще один аспект, который воздействует на теорию социальной работы равным образом под влиянием глобализации и завершение которого еще не вполне ясно. Как в 50-е – 60-е гг. прошлого столетия имелось отчетливое трансфертное движение из Америки в Западную Европу, так и в наши дни после распада восточного блока возник соответствующий трансферт, особенно в Балтийские государства, Польшу и Венгрию. Эта тенденция сопровождается дискуссией об образцах глобализации или регионализации социальной работы, т.е. заимствовании западных концепций и методов, их модифицированной адаптации или общем поиске собственного пути. Ни один из поставленных здесь вопросов не получил до сих пор исчерпывающего ответа.

Практическое воплощение регионального характера принцип урегулирования получил благодаря решению Agenda 21 на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В соответствии с ним по-

литика в сфере энергетики, сельского хозяйства, торговли и в целом промышленности должна измениться таким образом, чтобы возникло более здоровое соотношение между использованием ресурсов и численностью населения, а развивающиеся страны должны выработать законодательные мероприятия по преодолению бедности и улучшению образования, здравоохранения, водоснабжения. При этом включаются также социальные вопросы и соответствующая просветительная работа. В настоящее время в мире более чем в 2200 коммунах работают над претворением в жизнь целей Агенды на локальном уровне.

Гендерная концепция является дальнейшим развитием феминистического движения. С требованием «*political correctness*» (политической корректности) очень успешной оказалась политическая антидискриминационная инициатива, которая вначале направлялась прежде всего на эмансипацию и равенство шансов для женщин, а затем утвердилась как принцип равенства полов. Слишком часто в общественной практике усилия по так называемому содействию женщинам, со специальными программами в организациях (женские советы и уполномоченные по обеспечению равного положения), превращались в свою противоположность и вели к дискриминации мужчин, которые даже выступали в свою защиту, в том числе в судах, со ссылкой на принцип равенства и хартию прав человека ООН. Гендер уже в течение ряда лет является, наряду с социальным происхождением, возрастом, этнической принадлежностью и т.д., одной из основополагающих категорий социальной работы. Особое значение «гендерный аспект» приобретает с точки зрения женщин благодаря тому обстоятельству, что – по крайней мере в Европе – большинство сотрудников, как и клиентов, женского пола. Поэтому социальная работа определяется как типично женская профессия (помогать, лечить, утирать слезы). Профессионально-политически это утверждение представляет определенный шанс, но с точки зрения специальности скорее проблематично. Несмотря на ее женскую составляющую, социальная работа принадлежит к редкой общественной сфере, которая является как мужской, так и женской. Эта двойственность превращается сегодня в «модель демократии полов» или, другими словами, в «Gender Mainstreaming» (гендерный поток).

В заключение этой попытки общего обзора современных тенденций в социальной работе встает вопрос об инновационных источни-

ках процесса ее развития. Среди них можно выделить по крайней мере такие:

- Одним источником является «социальная фантазия» теоретиков и практиков в этой сфере, которые в поиске эффективных путей решения проблем выдвигают новые идеи, что, безусловно, принадлежит к существу научного труда.

- Инновационная сила вырастает также из чрезвычайных геополитических сдвигов и изменений во второй половине XX столетия (прекращение противостояния восток – запад, дуга напряженности между индустриальными и развивающимися странами, иммиграционные движения и т.д.).

- В этой связи существенными являются уже упомянутые дебаты о качестве, рыночная или конкурентная ситуация в сфере социальных услуг, связанная с воззрением, что хорошо задуманное не всегда позитивно проявляется в жизни.

- Очевидные причины социальных инноваций обусловлены всеобщим локальным и глобальным экономическим кризисом. Социальная работа производится ныне все больше и больше под диктатом «пустых касс» в регионах и общинах. Необходимость экономить и вынужденное сужение сфер социальной деятельности приобрели повсеместный характер, что обуславливает поиск новых решений.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БМА	— Бердский муниципальный архив
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГАКО	— Государственный архив Кемеровской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАТюО	— Государственный архив Тюменской области
НГГА	— Новосибирский государственный городской архив
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
ЦХАФАК	— Центр хранения архивных фондов Алтайского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

Букин С.С., Исаев В.И. Проблемы и задачи исследования истории повседневности городского населения Сибири в XX – начале XXI вв..	3
Тимошенко А.И. Жилищная проблема в Новосибирске в 1920 – 1930-е гг. : проекты и решения.	24
Исаев В.И. Развитие сферы досуга и массового отдыха жителей городов Сибири в 1920 – 1930-е гг..	46
Романов Р.Е. Молодое поколение рабочих оборонной промышленности Западной Сибири в повседневности военного времени (1941 – 1945).	57
Анохов В.В., Долголюк А.А Жилищные условия населения города Бердска в 1946 – 1970 гг.	74
Дудкина М.П. Факторы заболеваемости и смертности городского населения Западной Сибири во второй половине 1940-х – 1950-е гг..	95
Рафикова С.А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е гг.	115
Ефимкин М.М, Ламин В.А. Реалии повседневности пенсионеров-сибиряков в 90-е гг. XX века.. . . .	143
Чернов Д.В. Социальная ответственность в условиях современной рыночной модели общества.	160
Букин С.С., Б.Штётцель (Германия) Современные тенденции развития социальной работы.	169

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
СИБИРСКОГО ГОРОДА (XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Сборник научных трудов

Оператор электронной верстки Букина Т.Д

Сдано в набор 27.06.2007. Подписано в печать 27.08.2007. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. п.л. 11,5. Тираж 100 экз. Заказ № 0827.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1